

СТИВЕН

ЭРИКСОН

КУЗНИЦА ТЬМЫ

ТРИЛОГИЯ ХАРКАНАСА • КНИГА 1

Впервые на русском!

Звезды новой фэнтези

Стивен Эриксон

**Трилогия Харканаса.
Книга 1. Кузница Тьмы**

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Эриксон С.

Трилогия Харканаса. Книга 1. Кузница Тьмы / С. Эриксон —
«Азбука-Аттикус», 2012 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-25067-3

Малазанская книга павших еще не написана. До рождения Малазанской империи с ее бесконечными притязаниями на соседние государства, кровопролитными войнами и жестокими властителями и властительницами несколько тысяч лет. Но и доимперские времена не балуют особым покоем. Тень гражданской войны нависла над королевством Куральд Галейн. Женщина из простых смертных, обрета магический дар, нарекает себя Матерью-Тьмой, богиней, воплощением Тьмы. Не всем по нраву новое божество и особенно ее фаворит Драконус. Местная знать предпочитает выскочке-фавориту прославленного воина Урусандера. Рядом с Куральдом Галейном, на границе его Внешних пределов, плещется море Витр; воды этого моря способны растворять даже камень, настолько они напитаны ядом. Но однажды из его ядовитых вод появляется волшебница Т'рисса. Она способна создавать что угодно из всего, подвернувшегося ей под руку, и потом оживлять эти свои творения. Память у Т'риссы стерта, единственное, в чем она уверена, – это в том, что в ближайшем будущем дороги ее и Матери-Тьмы непременно пересекутся...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-25067-3

© Эриксон С., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Благодарности	6
Действующие лица	9
Тисте: Обитатели, Великие и Малые дома, жрецы и двор	12
Пролог	13
Часть первая. В дарах тех образ обожанья	15
Глава первая	15
Глава вторая	32
Глава третья	54
Глава четвертая	79
Глава пятая	100
Часть вторая. Как одинок этот огонь	128
Глава шестая	128
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Стивен Эриксон

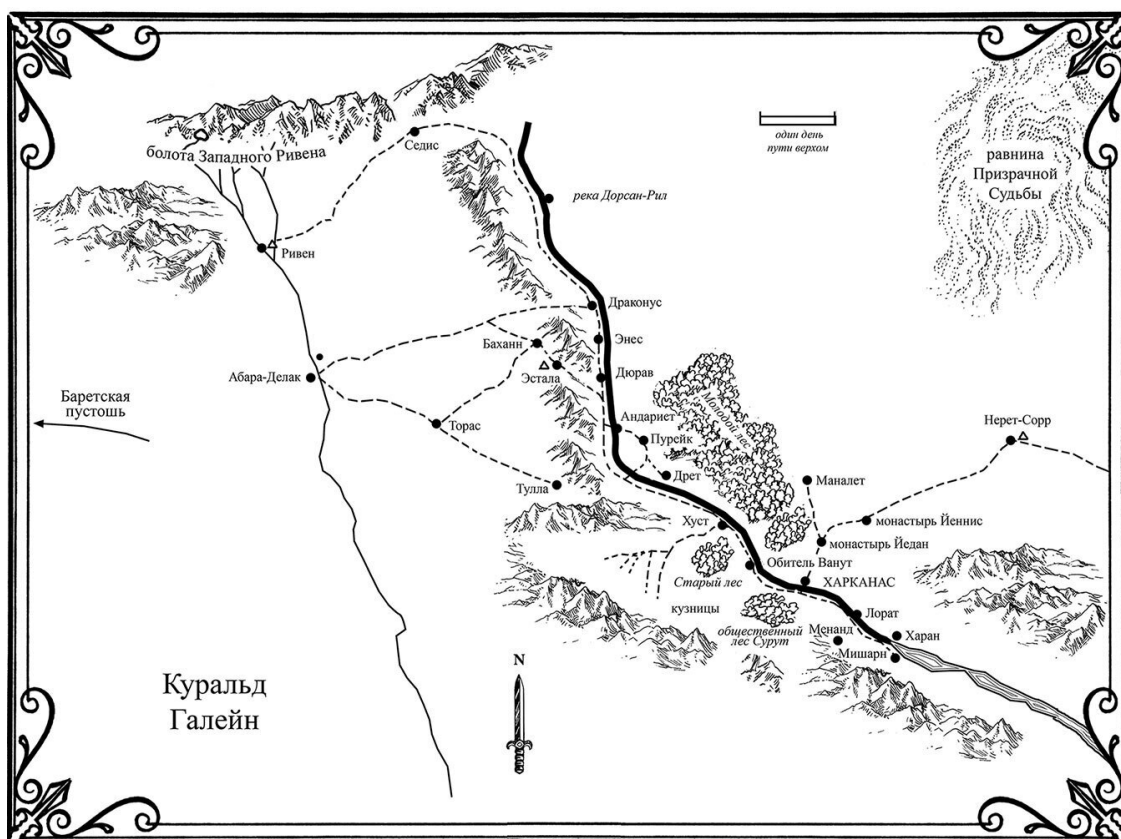
Кузница Тьмы. Талазанская книга павших

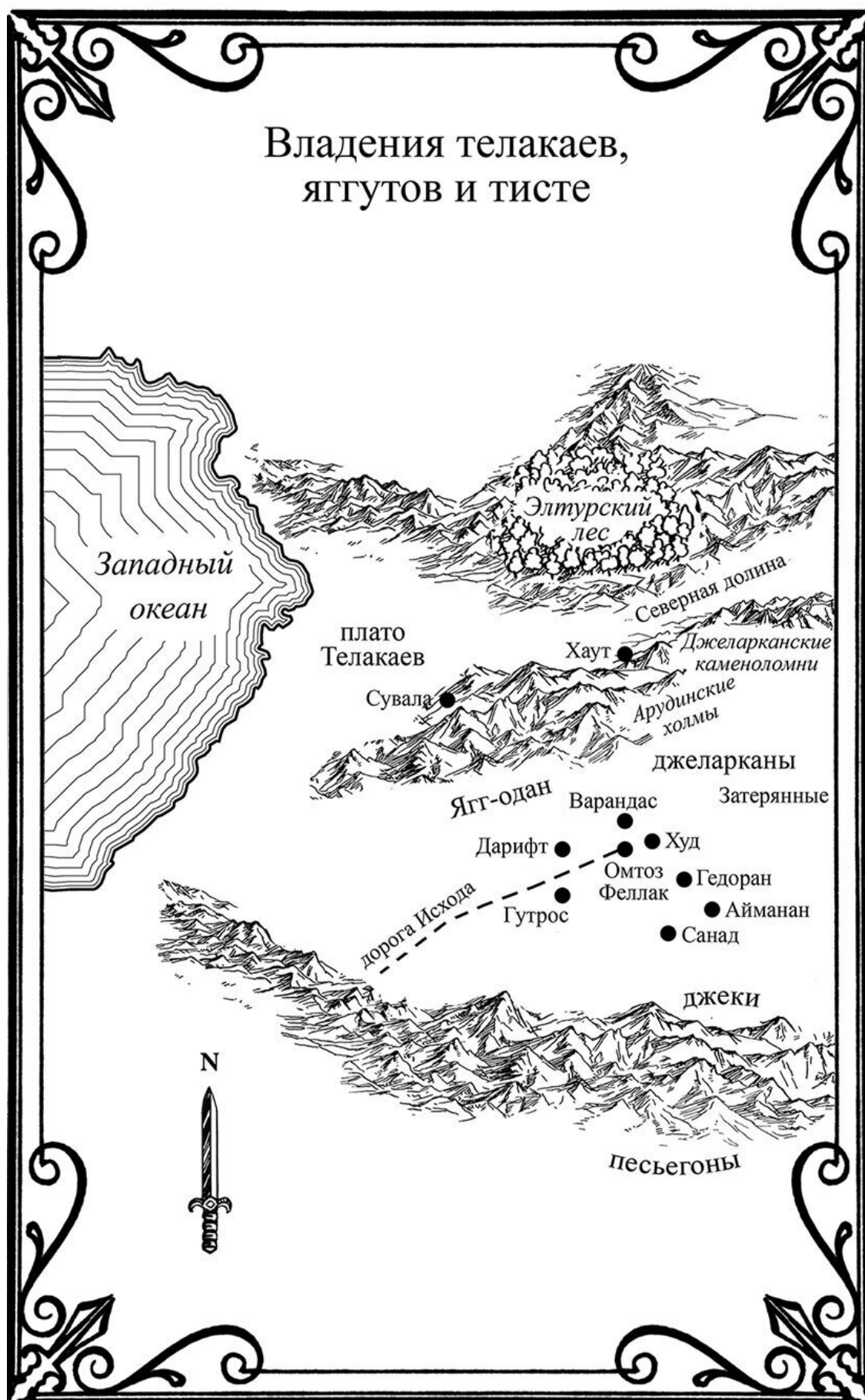
Клер Томас, с любовью

Благодарности

Благодарю моих первых читателей: Эйдана Пола Канавана, Шарон Сасаки, Даррена Тэрпина, Уильяма и Хэзел Хантер, а также Бария Ахмеда.

Действующие лица

Обитель Пурейк

Аномандер
Андарист
Сильхас Гиблый
Келларас
Празек
Датенар

Обитель Драконс

Драконус
Ивис
Злоба
Зависть
Подлюсть
Аратан
Раскан
Сагандер

Обитель Тулла

Хиш Тулла
Рансепт
Сукуль Анхаду (заложница)

Дом Энес

Джайн Энес
Энесдия
Кадаспала
Крил Дюрав (заложник)

Дом Дюрав

Спиннок Дюрав
Фарор Хенд

Обитель Хуст (и легион Хуста)

Хуст Хенаральд
Калат Хустейн
Финарра Стоун
Торас Редон
Галар Барас

Абара-Делак

Кория Делат
Нерис Друкорлат
Сандалата Друкорлат
Орфантал
Вренек

Нерет-Сорр

Вата Урусандер

Оссерк

Хунн Раал

Рисп

Севетг

Серап

Ренапп

Гуррен

Офицеры легиона Урусандера

Скара Бандарис

Илгаст Ренд

Халлид Баханн

Эстала

Кагамандра Тулас

Шаренас Анхаду

Тате Лорат

Инфайен Менанд

Пограничники

Ринт

Вилл

Ферен

Галак

Лаханис

Традж

Цитадель

Синтара

Эмрал Ланеар

Эндест Силанн

Седорпул

Райз Герат

Легил Бехуст

Матерь-Тьма

Шейки

Шекканто Дерран

Чародей Реш

Каплю Дрим

Скеленал

Ведьма Рувера

Азатанаи

Гриззин Фарл

Кильмандарос

Сешуль Лат

Эррастас
Каладан Бруд
Т'рисса
Старец

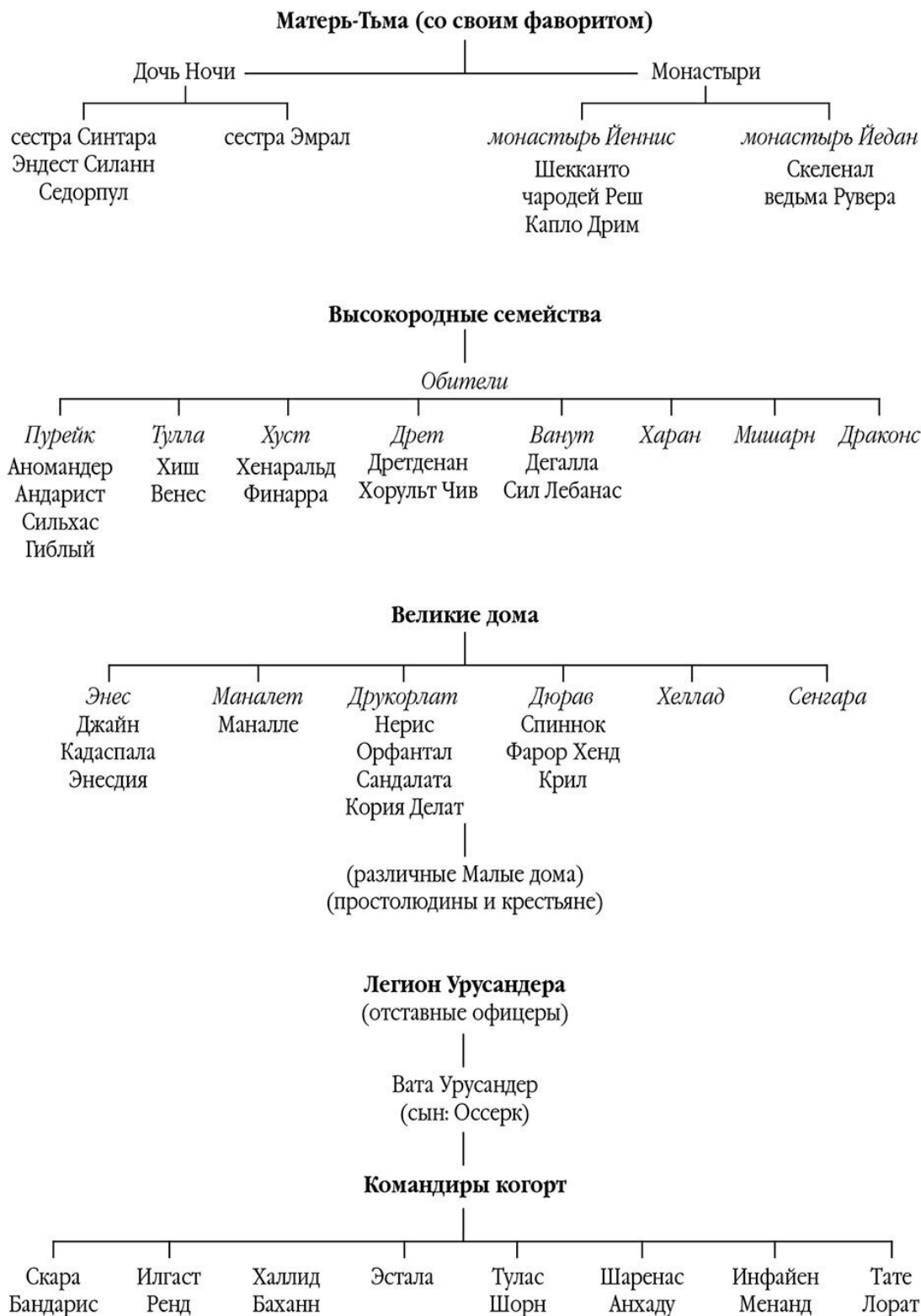
Яггуты

Худ
Готос
Хаут
Варандас
Кория Делат (заложница)

Прочие

Грипп Галас
Харал
Нарад
Бурса
Олар Этил

Тисте: Обители, Великие и Малые дома, жрецы и двор

Пролог

...Итак, ты нашел меня и желаешь услышать мой рассказ. Когда поэт говорит об истине с другим поэтом, на что стоит надеяться истине? Позволь мне кое о чем спросить тебя. Возможно ли в вымысле отыскать воспоминания? А может, ты хочешь обнаружить в воспоминаниях вымысел? Что из них услужливо кланяется другому? Измеряется ли мера величия исключительно подробностями? Вполне вероятно, если из подробностей состоит вся ткань мироздания, если все существующие в нем темы – не более чем смесь идеально упорядоченных и безошибочно составленных списков... и при условии, что я склонюсь перед вымыслом, как если бы он был доведенными до идеала воспоминаниями.

Но вот только похож ли я на того, кто преклонит колени?

Не существует историй, единственных в своем роде. Ничто не имеющее себе равных не заслуживает даже второго взгляда. Мы с тобой хорошо это знаем. Мы можем исписать тысячу свитков, излагая судьбы тех, кто считает, будто они являются началом и концом всего сущего, тех, кто помещает всю вселенную в маленькие деревянные шкатулки, которые затем запикивает себе под мышку, – наверняка ты повидал их немало, проходящих мимо. Им есть куда идти, и где бы ни находилось то место, оно нуждается в них, ибо без их впечатляющего появления наверняка перестало бы существовать.

Циничен ли мой смех? Звучит ли в нем презрение? Вздыхаю ли я, в очередной раз напоминая себе, что истины подобны скрытым в земле семенам, и кто может сказать, какая дикая жизнь родится из этих семян, если за ними ухаживать. Предсказания глупы, воинственные заявления жалки. Но все подобные споры давно позади. Если мы с тобой когда-то и вели их, то очень давно, в другую эпоху, когда оба были моложе, чем нам казалось.

Эта история будет подобна самой Тиаме, многоголовому созданию. Мне свойственно носить маски и говорить множеством голосов чужими устами. Даже когда я был зрячим, видеть одной лишь парой глаз было для меня подобием пытки, ибо я знал – чувствовал всей душой, – что мы с нашей единственной точкой зрения упускаем большую часть мира. И ничего не можем с этим поделать. Это наша преграда на пути к пониманию. Возможно, лишь поэты всерьез недовольны подобным положением дел. Не важно: если я вдруг чего-то и не вспомню, то попросту выдумую.

Не существует историй, единственных в своем роде. Жизнь в одиночестве – это жизнь, стремительно движущаяся к смерти. Но слепой никогда не спешит; он лишь нащупывает свой путь, как и подобает в этом полном неопределенностей мире. Так что можешь воспринимать меня как метафору, ставшую реальностью.

Я – поэт Галлан, и слова мои будут жить вечно. Это не похвальба, а проклятие. Мое наследие – будущая мертвая туша, от которой станут отрывать по кусочку, пока все сущее не обратится в прах. И еще долгое время после того, как я испущу последний вздох, плоть моя будет шевелиться и содрогаться.

Когда я еще только начинал, то даже и представить себе не мог, что последние мои мгновения настанут здесь, на алтаре, под нависающим лезвием. Я не верил, что жизнь моя будет принесена в жертву какой-либо великой цели или станет платой за славу и уважение. Признаться, я вообще не думал, что потребуется какая бы то ни было жертва.

Никто не позволяет мертвым поэтам покоиться с миром. Мы подобны заветрившемуся куску мяса на заставленном свежими яствами обеденном столе. Приносят новое блюдо, которое оттесняет наши останки, и даже боги теряют надежду когда-нибудь навести порядок. Но есть истины, ведомые поэтам, и мы оба прекрасно знаем их ценность. Это своего рода хрящ, который мы без конца пережевываем.

«Аномандарис». Смелое название. Но помни, что я не всегда был слепым. Это история не одного только Аномандера. Она не поместится в маленькую шкатулку. Возможно даже, что сам Аномандер играет здесь наименее значительную роль. Тот, кого подталкивает в спину множество рук, будет двигаться лишь в одном направлении помимо своего желания.

Пожалуй, это не слишком уважительно с моей стороны. Но у меня есть на то свои причины.

Ты спросишь: а где же мое собственное место во всем этом? Нигде. Приди в Харканас, в моих воспоминаниях, в моем творении. Прогуляйся по Портретной галерее, и ты не найдешь там моего лица. Означает ли это затеряться в том самом мире, который нас создал, в котором существует наша плоть? Страдаешь ли ты в своем мире по той же причине? Блуждаешь ли, погруженный в размышления? Вздрагиваешь ли при виде собственной тени или вдруг перестаешь верить, что это и есть весь ты, с туманными перспективами и ничем не подтвержденными амбициями?

Или просто хмуро проходишь мимо, уверенный, что в руках у тебя действительно прекрасная шкатулка?..

Единственная ли я потерянная душа в этом мире?

Не завидуй моей улыбке. Меня тоже никто не сможет запихнуть в ту маленькую шкатулку, хотя наверняка и найдется немало желающих попытаться это сделать. Нет, уж лучше отвергни меня целиком, если желаешь сохранить спокойствие духа.

Стол заставлен, пиршеству нет конца. Присоединись же ко мне среди жалких отбросов и костей. Слушатели проголодались, и голод их не знает границ. И мы им за это благодарны. А если я что-то говорил о жертвах, то я солгал.

Запомни как следует эту мою историю, Рыбак Кельтат. Если вдруг ошибешься – составители списков сожрут тебя живьем.

Часть первая. В дарах тех образ обожанья

Глава первая

«Да будет мир».

Эти слова на древнем языке азатанаев были высечены на каменной облицовке над дверью. Не тронутые ветром или дождем, они могли бы показаться столь же юными и невинными, как и сама сентенция. Неграмотный увидел бы здесь лишь неистовство руки каменщика, но вряд ли будет ложью утверждать, что невежды не способны к иронии. И тем не менее, подобно домашнему псу, который по одному лишь запаху осознает истинную природу гостя, даже самый невежественный свидетель способен ощутить скрытую истину. Соответственно, жестокая рана на базальтовой поверхности дверной перемычки производила впечатление даже на непосвященных, в то время как искренность высеченных на камне слов заставляла задуматься тех, кто их понимал.

«Да будет мир». Убежденность подобна каменному кулаку в сердце всего сущего. Ее формируют уверенные руки, быстро сметая прочь отходы. Она создается, чтобы противостоять врагам и бросать им вызов, а оказавшись загнанной в угол, сражается, позабыв обо всяких законах чести. Нет ничего ужаснее убежденности.

По общему мнению, в Обители Драконс не могло быть никого, в чьих жилах текла бы кровь азатанаев. Собственно, мало кто из этих созданий с усталым взглядом, обитавших за Баретской пустошью, когда-либо бывал в королевстве, именовавшемся Куральд Галейн, за исключением разве что каменщиков и прочих строителей, призванных для выполнения той или иной задачи. В любом случае хозяин Обители был не из тех, кого можно расспрашивать о его личных пристрастиях. И если даже рукой азатанаев над порогом Большого дома были высечены двусмысленные слова – как будто провозглашавшие наступление новой эпохи (в форме не то обещания, не то угрозы), – то это никого не касалось, ибо являлось исключительно делом повелителя Драконуса, фаворита Матери-Тьмы.

Так или иначе, хозяин Обители в последнее время посещал ее не часто, в основном пребывая рядом с Матерью-Тьмой в Цитадели Харканаса. И когда он внезапно вернулся домой после ночной поездки верхом, это стало поводом для беспокойства и породило целую бурю слухов, которые передавали друг другу шепотом.

Грохот копыт становился все громче в слабом свете восходящего солнца, постоянно тусклом из-за близости Обители к средоточию могущества Матери-Тьмы. И вот уже лошади ворвались через арку ворот во внутренний двор, разбрасывая вокруг красную дорожную глину. Выгнув шею под тяжестью крепко натянутых поводьев в руках хозяина, боевой конь Каларас встал на дыбы; из ноздрей скакуна валил пар, а по лоснящейся черной шее и груди стекала пена. При виде его спешившие навстречу конюхи замерли.

Управлявший столь внушительным животным великан спешил, бросив поводья, и молча направился в Большой дом. Слуги разбежались перед ним, будто испугавшиеся куры.

Лицо повелителя не выражало ни малейших чувств, но это как раз было вполне ожидаемо и никого не удивляло. Драконус всегда оставался абсолютно бесстрастным, и, возможно, загадка, таившаяся в этих невероятно темных глазах, с самого начала была источником его могущества. Изображение Драконуса кисти выдающегося художника Кадаспалы из дома Энес теперь занимало почетное место в Портретной галерее Цитадели. Воистину рука гения сумела ухватить непостижимое в лице этого мужчины, намек на нечто выходящее за пределы совершенства его черт тисте, нечто более глубокое, нежели подтверждение чистоты благородной

крови. Одним словом, получился портрет того, кто был настоящим королем, хотя и не носил этого титула.

Аратан стоял у окна Старой башни, где оставался с тех пор, как услышал звон колокола, возвещавшего о возвращении отца. Ничто не ускользало от взгляда юноши, смотревшего, как Драконус въезжает во внутренний двор. Поднеся руку к лицу, Аратан, сам того не замечая, обгрызал ногти и клочки кожи с пальцев, которые давно уже покраснели и распухли, а иногда кровоточили, пятная по ночам простыни. Он внимательно следил за движениями Драконуса, который спешил, небрежно оставив Калараса на попечение конюхов, и направился к крыльцу.

Трехэтажная башня занимала главное место в северо-западном углу Большого дома, парадный вход в который находился правее, так что из окна верхнего этажа его видно не было. В подобные моменты Аратан, затаив дыхание, напрягал все чувства, пытаясь уловить то мгновение, когда его отец перешагнет порог и ступит на голые камни вестибюля. Юноша ждал перемен в атмосфере, дрожи древних стен здания, грохота, знаменующего появление повелителя.

Но, как всегда, Аратан ничего не почувствовал. Почему? Трудно сказать. Может, с ним самим что-то было не так? Или же могущество Драконуса просто было надежно заперто внутри его впечатляющей фигуры, таилось за пронизательным взглядом темных глаз, сдерживаемое доведенной до совершенства силой воли? Аратан подозревал, что все-таки верно первое предположение: он видел, как реагируют на появление его отца остальные, как застывают лица высокородных, как отворачиваются в испуге те, кто пониже рангом. По неким причинам, оставшимся для юноши непостижимым, все боялись Драконуса.

Так что, похоже, дело все-таки в самом Аратане. Да и чего от него ожидать? В конце концов, он был всего лишь внебрачным отпрыском повелителя, рожденным от матери, которую никогда не знал, даже имени ее не слышал. Аратан прожил на свете семнадцать лет, и за все это время ему от силы раз двадцать довелось побывать в одном помещении с отцом, да и то Драконус никогда не обращался непосредственно к сыну. Аратан не имел права обедать в главном зале, ему давали частные уроки, а обращению с оружием обучали вместе с новобранцами из домашнего войска. Даже сразу после того, как Аратан едва не утонул, провалившись в девятилетнем возрасте под лед, за ним ухаживал лекарь стражи, и мальчика никто не навещал, кроме его младших единокровных сестер, которые заглядывали в дверь – троица круглолицых девчушек с широко раскрытыми глазами – и тут же с визгом убегали по коридору прочь.

Поначалу подобная реакция при виде брата убедила Аратана в том, что он невообразимо уродлив. Поэтому мальчик приобрел привычку закрывать лицо ладонями, пряча свои черты, а вскоре единственным утешением для него стало нежное прикосновение собственных пальцев. Теперь он больше не считал себя уродом. Просто... заурядным типом, ничего собой не представляющим, не достойным внимания окружающих.

Хотя никто никогда не упоминал про его мать, Аратан знал, что имя сыну дала она. Уж отец бы точно не стал церемониться и придумал бы что-нибудь куда более жестокое. Аратану казалось, будто он помнит мать своих единокровных сестер, задумчивую тучную женщину со странным лицом, которая то ли умерла, то ли куда-то уехала вскоре после того, как отняла от груди тройняшек; правда, судя по тому, что потом говорил его наставник Сагандер, женщина, которую мальчик помнил, была всего лишь кормилицей, ведьмой из народа песьегонов, жившего за пределами Баретской пустоши. И все же он предпочитал считать ее родной мамой девочек, слишком добросердечной, чтобы дать дочерям имена, которые они теперь носили, – имена, которые, по мнению Аратана, тяготели над каждой из сестер подобно проклятию.

Зависть. Злоба. Подлость. Девочки по-прежнему не часто бывали в обществе единокровного брата. Пугливые, будто птицы, они лишь иногда попадались на глаза Аратану, перешеп-

тиваясь по углам в коридорах и выглядывая из-за дверей, мимо которых он проходил. Похоже, он чем-то в немалой степени их забавлял.

Сейчас, когда детство уже осталось позади, Аратан считал себя пленником или, возможно, заложником, которыми традиционно обменивались Великие дома и Обитатели, заключая между собой союзы. Официально он не принадлежал к семейству Драконс; хотя никто не пытался скрыть его происхождение, равнодушие, с которым окружающие воспринимали данную подробность, лишь подчеркивало, сколь несущественной они ее считают. Семя проливается где попало, но отец должен взглянуть ребенку в глаза, чтобы признать его своим. А этого Драконус не желал. К тому же в жилах Аратана текло не так уж много крови тисте: он не мог похвастаться ни светлой кожей, ни высоким ростом, а взгляду его глаз, хотя и темных, недоставало свойственной чистокровным изменчивости. В этом отношении он ничем не отличался от своих сестер. Где же в таком случае кровь их отца? Почему не заявляет о себе?

«Она прячется, – подумал юноша. – Где-то глубоко внутри нас».

Хотя Драконус и не признавал сына, однако это не давало Аратану повода ненавидеть отца. Любой, будь то мужчина или женщина, после того как закончится детство, должен был встретиться лицом к лицу с внешним миром и найти в нем для себя место, полагаясь исключительно на собственную волю и имеющиеся ресурсы. А уж форма этого мира и прочие его параметры в полной мере соответствовали силе этой воли. В этом отношении общество Куральда Галейна являлось точным отображением способностей и возможностей каждого по отдельности. По крайней мере, так почти ежедневно внушал своему ученику наставник Сагандер.

Ни при дворе Цитадели, ни среди селений Пограничья не оставалось возможностей для притворства. Слабым и неопытным негде было скрыть собственные неудачи. «Это естественная справедливость, Аратан, и она во всех отношениях превосходит справедливость, скажем, форулканов или яггутов». У Аратана не имелось причин считать иначе. Никакого иного мира, кроме того, который столь решительно поддерживал его наставник, он никогда не знал.

И все же он сомневался.

За спиной Аратана слышались шаги обутой в сандалии ног, заставив его обернуться, слегка удивленно. Юноша давно уже объявил эту башню своей собственностью, провозгласив себя повелителем ее пыльной паутины, теней и эха. Лишь здесь он мог какое-то время побыть самим собой, когда никто не отталкивал его руку ото рта и не насмехался над изуродованными кончиками пальцев. Никто к нему сюда не приходил, а об уроках или трапезе Аратана извещали домашние колокола, по приглушенному звону которых он отмерял свои дни и ночи.

Шаги приближались. Сердце Аратана сильнее заколотилось в груди. Отдернув руку ото рта, он поспешно вытер пальцы о рубашку и повернулся к провалу лестницы.

К удивлению юноши, наверх выбралась одна из его сестер, та, что была меньше всех ростом и последней покинула материнскую утробу. Лицо девочки покраснелось, она тяжело дышала. Темные глаза взглянули на него в упор.

– Аратан...

Никогда прежде она не называла его по имени. Юноша молчал, не зная, что ответить.

– Это я. – Глаза ее сердито вспыхнули. – Твоя сестра Подлость.

– Имена не должны становиться проклятием, – не подумав, ляпнул Аратан.

Даже если слова брата и задела ее, девочка ничем себя не выдала, а лишь слегка наклонила голову, глядя на него.

– Похоже, ты не настолько прост, как говорит Зависть. Отец будет... доволен.

– Отец?

– Он зовет тебя к себе, Аратан. Прямо сейчас. Мне велели тебя привести.

– К отцу?

Сестра нахмурилась:

– Зависть так и знала, что ты тут прячешься, будто рыжак в норе. Утверждает, что ты, мол, такой же тупой. Да? Она права? Ты что, рыжак? Зависть всегда права, – по крайней мере, так она всем говорит.

Метнувшись к Аратану, Подлость схватила его за левое запястье и потащила к лестнице. Он не сопротивлялся.

Отец позвал его к себе. Зачем? Тут могла быть лишь одна причина.

«Меня собираются прогнать». Больше ничего в голову Аратану не приходило.

Пока брат с сестрой спускались по лестнице Старой башни, вокруг кружились облака пыли, создавая ощущение, будто эти двое нарушили царившее здесь спокойствие. Но пыль вскоре осядет, и вернется прежняя пустота, словно свергнутый король на свой трон; Аратан знал, что никогда уже больше не сможет бросить вызов ее господству. Все это было лишь глупым самомнением, детской игрой.

«Там, где властвует естественная справедливость, Аратан, слабым негде спрятаться, если только мы не наделим их этим правом. И помни, что это всегда лишь право, за которое слабые должны быть вовек благодарны. В любой момент, если сильные того пожелают, они могут взмахнуть мечами и покончить со слабыми. И таков будет сегодняшний урок. Снисходительность».

Рыжак в норе? К существованию этого зверька относятся терпимо, пока он не становится помехой, после чего в прорытый в земле туннель спускают собак, которые раздирают беднягу на куски или выгоняют на открытое пространство, где уже ждут копыта и мечи, жаждущие лишить его жизни.

В любом случае зверек проявил пренебрежение к дарованным ему правам.

Все уроки, преподанные Сагандером Аратану, кружили, подобно стае волков, вокруг слабости или надлежащего места для тех, кому она стала проклятием. Нет, Аратан вовсе не был простаком или глупцом. Он прекрасно понимал очень многие вещи.

И он знал, что однажды причинит Драконусу невообразимую боль.

«Отец, я считаю твоей слабостью себя».

Пока же, спеша следом за Подлостью, крепко сжимавшей его запястье, юноша поднес другую руку к лицу и прикусил ноготь.

Капитан Ивис ждал за дверью, утирая пот со лба. Его позвали, когда он был в кузнице, объясняя мастеру, как правильно затачивать клинок. Считалось, будто все в роду Хустов знали железо так, словно бы впитали его расплавленный поток с молоком матери, и капитан нисколько не сомневался в правильности данного утверждения. Кузнец и впрямь был опытным оружейником, но сам Ивис унаследовал кровь Хустов от отца и, хотя считал себя солдатом до мозга костей, без труда мог на слух определить дефект клинка, еще когда меч вытаскивали из ножен.

Мастер Гилал вроде бы отнесся к словам капитана спокойно, хотя, разумеется, сложно было догадаться, что он думает на самом деле. Склонив голову, кузнец пробормотал извинения, как и подобало нижестоящему, а уходя, Ивис услышал, как этот великан орет на подмастерьев, хотя никто из них не был виноват в том, что клинок вышел бракованным: последнюю доводку мастер всегда выполнял своей собственной рукой. По этой его тираде капитан понял, что Гилал не держит на него зла.

Ожидая повелителя Драконуса у дверей Зала Кампаний, Ивис убеждал себя, что пот, от которого жгло глаза, – всего лишь следствие его пребывания в кузнице, где жарко пылали четыре печи, воздух был насыщен едким запахом металла, сажи и дыма, а работники лихорадочно трудились, выполняя дневное задание.

Во имя Бездны, кузница была далеко не фабрикой, и тем не менее за последние два месяца они здорово развернулись. Всех новобранцев, приходивших сюда, удавалось быстро обеспечивать доспехами и оружием, что намного облегчало Ивису задачу.

Но теперь повелитель неожиданно вернулся, и капитан отчаянно пытался понять возможную причину этого. Драконус неизменно был сдержан и вообще не отличался склонностью к необдуманным поступкам. Он обладал терпением и невозмутимостью камня, но все знали, что лучше не попадаться ему на пути. Что-то вынудило повелителя приехать в Большой дом, и вряд ли после долгой ночной скачки он пребывал в добром расположении духа.

Драконус срочно вызвал Ивиса, а теперь заставляет его ждать под дверью. Нет, тут явно что-то было не так.

Мгновение спустя послышались шаги, и дверь, щелкнув, открылась. Капитан увидел перед собой наставника Сагандера. Вид у старого ученого был такой, как будто он испытал немалый страх и еще не до конца пришел в себя. Встретившись взглядом с Ивисом, он кивнул: – Повелитель сейчас вас примет, капитан.

И, ничего больше не сказав, Сагандер прошел мимо и удалился по коридору такой тяжелой шаркающей походкой, словно бы вдруг постарел на десяток лет. Что же такое ужасное поведал ему Драконус? Ивис тут же обругал себя за подобные мысли. Он редко видел наставника, который долго спал по утрам, а вечером частенько отправлялся в постель самым последним; так что, скорее всего, это лишь последствия непривычно раннего подъема, ну и плюс, возможно, вполне объяснимая в пожилом возрасте скованность движений.

Глубоко вздохнув, Ивис вошел в Зал Кампаний.

Сейчас старое название этого помещения обретало новое значение. Если все кампании прошлых десятилетий велись против иноземных врагов, то теперь единственным врагом стали взаимоисключающие амбиции Обитателей и Великих домов. Пожалуй, напоминающая склеп кузница повелителя по нынешним временам – всего лишь разумная предосторожность. К тому же, поскольку Драконус носил титул фаворита Матери-Тьмы, не было ничего необычного в том, что он пополнил ряды своего домашнего войска, так что теперь его силы уступали лишь армии самой Матери-Тьмы. И тем не менее другие аристократы были отчего-то не слишком рады возросшей военной мощи Обителя Драконс.

Собственно, политика не особо интересовала Ивиса. Его задача заключалась в том, чтобы обучать это скромное войско.

Занимавший центр помещения круглый стол был вырезан из ствола трехтысячелетнего чернотиса: под толстым слоем янтарного лака виднелись красные и черные годовые кольца. Стела, основательница Обители и приемная мать Драконуса, поставила этот стол в зале полтысячи лет назад, отметив таким образом свое выдающееся восхождение от Малого дома к Великому. Десять лет тому назад госпожа внезапно умерла, после чего семейные владения перешли к Драконусу. И следует признать: сколь бы впечатляющими ни были амбиции Стелы, они не могли сравниться с амбициями того, кого эта незаурядная женщина выбрала себе в сыновья.

В этом помещении на стенах не было фамильных портретов, а тяжелые портьеры из некрашеной шерсти служили лишь для тепла, как и толстый ковер под ногами.

Драконус сидел за столом и завтракал хлебом и разбавленным вином. Оловянное блюдо перед ним окружали беспорядочно свитки.

– Приветствую вас, повелитель, – сказал Ивис, видя, что Драконус словно бы и не замечает его появления.

– Доложи, как его успехи, капитан.

Ивис нахмурился, подавляя желание снова утереть пот со лба. В общем-то, если хорошенько подумать, этого и следовало ожидать. В конце концов, парень уже повзрослел.

– У Аратана имеются врожденные способности, повелитель, как и подобает сыну такого отца. Но руки его пока слабы: из-за привычки грызть ногти подушечки пальцев слишком мягкие и их легко поранить.

– Насколько он прилежен? – Драконус не поднимал взгляда, сосредоточившись на еде.

– В упражнениях, повелитель? Трудно сказать. Такое ощущение, что ему все дается легко. Как бы я ни муштровал парня или как бы ни посылал против него лучших новобранцев, он не особо... перетруждается.

Драконус что-то проворчал себе под нос.

– И это беспокоит тебя, капитан?

– То, что я еще не подверг Аратана настоящим испытаниям? Да, повелитель. Я не могу посвящать ему столько времени, сколько мне бы хотелось, хотя и понимаю, что он нуждается в лучшем обучении. И все же для столь юного возраста его владение мечом достойно восхищения.

Повелитель наконец поднял глаза:

– Вот как? – Драконус откинулся на спинку кресла, отодвигая блюдо с остатками хлебных крошек и несколькими каплями масла. – Найди ему приличный меч, какую-нибудь легкую кольчугу, перчатки, наплечники и поножи. И еще шлем. Потом поручи конюхам подготовить крепкую лошадку: знаю, он еще не научился ездить на боевом коне, так что постарайся, чтобы лошадь была не слишком норовистой.

Ивис моргнул.

– Повелитель, под неуверенным всадником любая лошадь будет норовистой.

– Думаю, молодая кобылка подойдет, – продолжал Драконус, будто и не слыша капитана. – Готовая не сводить взгляда с Калараса и во всем его слушаться.

«Слушаться Калараса? Да уж скорее бедняжка здорово перепугается», – подумал Ивис.

Возможно, мысли отразились на его лице, поскольку повелитель улыбнулся:

– Полагаешь, я не смогу управлять собственным жеребцом? Да, и еще потребуется запасная лошадь. Хороший выносливый конь. Лучше даже мерин.

«Ага, значит, возвращение в Харканас не планируется».

– Повелитель, путешествие будет долгим?

Драконус встал, и только теперь капитан заметил темные круги у него под глазами.

– Да, – кивнул он, а затем, будто отвечая на незаданный вопрос Ивиса, добавил: – И на этот раз я поеду вместе со своим сыном.

Подлость затащила брата в коридор, который вел к Залу Кампаний. Аратан знал его лишь по названию: сам он никогда не бывал в любимом помещении отца. Юноша попытлся, пытаясь вырвать руку из руки сестры.

Девочка развернулась кругом, и лицо ее помрачнело – а потом, внезапно расслабившись, она отпустила его запястье.

– Ты прямо как заяц осенью. Думаешь, отец таким хочет тебя увидеть?

– Понятия не имею, что он хочет увидеть, – ответил Аратан. – Да и откуда бы мне знать?

– Видел, как оттуда вышел Ивис Драная Рожа? Он шел прямо перед нами, а потом свернул к выходу во внутренний двор. Наверняка все про тебя рассказал. А теперь отец ждет. Чтобы убедиться самому.

– Драная Рожа?

– Его прозвали так из-за шрамов...

– Это не шрамы, – возразил Аратан. – Просто возраст. Ивис Йерртуст сражался во время войны с форулканами. Отступая, они все едва не умерли от голода. Вот откуда взялись морщины на его лице.

Сестра уставилась на него, словно бы на сумасшедшего:

– Как ты думаешь, Аратан, что будет?

– В смысле?

– Ну, если отцу не понравится то, что он увидит.

Брат в ответ лишь пожал плечами.

Даже сейчас, находясь столь близко к Драконусу – оставалось пройти всего тридцать шагов по широкому коридору, а затем открыть дверь, – Аратан все равно ничего не чувствовал, будто могущество отца было лишь иллюзией. Мысль эта поразила юношу, но он тут же отбросил ее. Пока не пришло время проверять, сколь далеко она может завести.

– Отец убьет тебя, – сказала Подлость.

Пристально посмотрев сестре в лицо, Аратан заметил в ее глазах веселый огонек, едва ощутимый намек на усмешку.

– Имена не должны становиться проклятием, – повторил он.

Девочка показала на дверь в конце коридора:

– Отец ждет. Вряд ли мы когда-нибудь еще увидим тебя – разве что зайдем за кухню, под желоб, куда выбрасывают кости и потроха. Твои клочки окажутся на Вороньем кургане. Я сохраню прядь твоих волос. Даже не стану смывать кровь.

И, протолкнувшись мимо брата, она поспешила прочь.

«Драная Рожа – жестокое прозвище. Интересно, какое они дали мне?»

Не сводя взгляда с далекой двери, Аратан направился к ней, слыша эхо собственных шагов. Вряд ли отец его убьет. При желании Драконус мог сделать это уже давно, и не было никаких причин поступать так с внебрачным сыном именно сейчас. Отец никак не реагировал на любые его неудачи – о чем не раз говорил ученику Сагандер. Аратан словно не отбрасывал тени – ибо солнечный свет, сколь бы слабым и тусклым тот ни был, не способен осветить связующие кровные узы, и никакие слова не в состоянии этого изменить.

Подойдя к двери, Аратан немного поколебался, а затем вытер пальцы и стукнул железным кольцом. Приглушенный голос велел ему войти. Удивляясь тому, что совершенно не испытывает страха, юноша открыл дверь и шагнул в зал.

Сперва на него обрушился тяжелый запах ланолина, а затем – резкий и яркий свет из выходящего на восток окна с открытыми ставнями. Воздух был еще прохладным, но по мере наступления дня быстро прогревался. Увидев на огромном столе остатки завтрака, Аратан вспомнил, что сегодня еще ничего не ел. Наконец подняв взгляд, юноша увидел перед собой устремленные на него темные глаза отца.

– Возможно, – произнес Драконус, – ты считаешь, будто был ей не нужен. Ты жил, не получая ответов на свои вопросы, – но я не намерен за это извиняться. Она знала, что ее выбор причинит тебе боль. Могу сказать, что он также причинил боль и ей самой. Надеюсь, однажды ты поймешь это и найдешь в своей душе силы ее простить.

Аратан молчал, не зная, что сказать. Он смотрел, как его отец поднимается с кресла, и только теперь, когда тот оказался столь близко, юноша наконец-то ощутил исходящую от Драконуса мощь. Он был высок и крепок, обладал телосложением воина, однако наряду с этим в нем чувствовалось изящество, которое, возможно, впечатляло больше, нежели что-то иное.

– То, чего мы желаем в душе, Аратан, и то, что должно быть... это совпадает столь редко, что вряд ли тебе когда-либо суждено увидеть их встречу. Ты жил с этой истиной. Мне нечего тебе обещать. Не могу сказать, что тебя ожидает, но ты теперь уже взрослый, и пришло время самому решать, как жить дальше. – Отец немного помедлил, продолжая пристально разглядывать Аратана, и взгляд его темных глаз упал на руки сына; юноша с трудом подавил желание их спрятать, прижав к бокам ладони с длинными, покрасневшими на кончиках пальцами. – Сядь, – велел ему Драконус.

Оглядевшись, Аратан нашел у стены слева от двери стул с высокой спинкой – древний на вид, расколовшийся от времени. Возможно, он промахнулся с выбором, однако других вариантов

не было, за исключением кресла, в котором до этого сидел отец, но тогда юноша оказался бы спиной к Драконусу. Поколебавшись, он неуверенно опустился на старинный стул.

– Должен заметить, камень на твоём месте выглядел бы лучше, – проворчал отец. – Я не собираюсь забирать тебя в Цитадель, Аратан, – и нет, причиной тому вовсе не стыд. Обстановка в Куральде Галейне накаляется. Я сделаю все возможное, чтобы умиротворить недовольных из числа Великих домов и Обителей, но положение мое куда более шаткое, чем тебе может показаться. Даже среди Великих домов меня все еще считают кем-то вроде чужака, и нельзя сказать, что мне особо доверяют. – Он внезапно выпрямился и бросил взгляд на сына. – Но ты ведь почти ничего об этом не знаешь, да?

– Вы – фаворит Матери-Тьмы, – сказал Аратан.

– Тебе известно, что это означает?

– Нет, кроме того, что она выбрала вас, чтобы вы были рядом с ней.

Глаза отца слегка сузились, но он лишь кивнул в ответ.

– Похоже, это решение поставило меня между нею и высокородными из Обителей – которые все сплошь носят титулы сыновей и дочерей Матери-Тьмы.

– Сыновей и дочерей – но не по рождению?

Драконус кивнул.

– Притворство? Или непоколебимая преданность? Кто знает?

– И я для вас такой же «сын», отец?

Вопрос явно застал Драконуса врасплох. Он пристально посмотрел на Аратана.

– Нет, – наконец ответил он, но не стал вдаваться в подробности. – Я не в силах гарантировать твою безопасность в Куральде Галейне – даже в самой Цитадели. И вряд ли ты можешь рассчитывать хоть на какую-то преданность со стороны Матери-Тьмы.

– Это я понимаю, отец.

– Мне придется отправиться на запад, и ты будешь меня сопровождать.

– Да, отец.

– Я должен на какое-то время ее покинуть – прекрасно осознавая, сколь велик риск, – и потому не потерплю, если ты станешь задерживать меня в пути.

– Конечно, отец.

Драконус немного помолчал, будто размышляя, почему Аратан отвечает ему так спокойно, а затем добавил:

– Нас будет сопровождать Сагандер, чтобы продолжить твоё обучение. Но мне придется поручить тебе опекать старика: хотя он полжизни мечтал побывать у азатанаев и яггутов, похоже, эта возможность представилась ему слишком поздно. Вряд ли он настолько слаб, как кажется ему самому, но в любом случае тебе предстоит о нем заботиться.

– Понимаю. Отец, а капитан Ивис?..

– Нет, он нужен в другом месте. Нас будут сопровождать сержант стражи Раскан и четверо пограничников. Это не увеселительная поездка. Двигаться будем быстро, возьмем запасных лошадей. Баретская пустошь негостеприимна в любое время года.

– Когда мы отправляемся, отец?

– Послезавтра.

– Вы намерены оставить меня у азатанаев, отец?

Драконус подошел к открытому окну.

– Возможно, – ответил он, глядя на что-то во дворе, – тебе кажется, будто я хочу от тебя избавиться, Аратан.

– Вам не за что извиняться, отец.

– Знаю. Иди к Сагандеру, помоги ему собраться.

– Да, отец.

Встав, юноша поклонился спине Драконуса и вышел из зала.

Шагая по коридору на подгибающихся ногах, Аратан предавался невеселым мыслям. Он понимал, что во время первой настоящей встречи с отцом вел себя не лучшим образом. Он выглядел глупо и наивно, разочаровав того, кому был обязан своим появлением на свет. Возможно, так чувствуют себя перед отцами все сыновья. Но в любом случае время упущено, и того, что уже случилось, изменить никак нельзя.

Сагандер часто говорил, что нужно жить с оглядкой на прошлое и всегда учитывать былой опыт, делая тот или иной выбор. Даже ошибки что-то оставляют после себя, подумал Аратан. Если потребуется, он сумеет построить свою жизнь из сломанных палок и высохших костей. Возможно, подобная конструкция окажется непрочной, но, с другой стороны, его вес она вполне может выдержать. Ведь он – внебрачный сын от неизвестной матери, и теперь отец отправляет его прочь.

«Лед тонок. Трудно найти опору. Здесь идти опасно».

Сагандер прекрасно помнил тот день, когда мальчик едва не утонул. Видение случившегося постоянно преследовало наставника, но довольно странным образом. Когда собственная жизнь задавала ему чересчур много вопросов, когда вокруг него смыкались все загадки мироздания, старику приходил на ум тот самый лед. Подтопленный снизу зловонными газами, поднимавшимися от толстого слоя навоза на остатках старой каменоломни под тридцатью локтями темной воды, после теплых не по сезону дней, а затем жгучих морозов, лед выглядел достаточно прочным, но глаза с трудом могли отличить истину ото лжи. И хотя Аратан тогда выбрался на скользкую ледяную поверхность в одиночку, Сагандер чувствовал предательский лед под собственными ногами в то прохладное ясное утро, отчетливо слышал скрип, а затем и жуткий треск, зная, что от падения в бездну его самого отделяют лишь несколько мгновений.

Ну не странно ли? Вроде бы следовало радоваться. Ему предстояло, пусть уже и вдалеке не молодые годы, совершить путешествие к азатанам, а потом еще дальше, к яггугам. Там он мог найти ответы на свои вопросы, там могли стать явными тайны, раскрыться все истины, а душа его нашла бы умиротворение. И все же каждый раз, когда мысли Сагандера устремлялись к столь желанным новым знаниям, он почему-то вспоминал тот коварный лед и его неизменно охватывал страх в ожидании ужасающего треска.

Все должно иметь свой смысл, от начала до конца, вне зависимости от того, какой выбран путь. Все должно складываться в единое целое, ибо таков дар порядка, свидетельство того, что все в твоей власти. Сагандер не мог смириться с мыслью о том, что полностью познать мир невозможно. Просто тайны надо выслеживать, подобно хищным врашанам, которыми когда-то кишел Черный лес; в конце концов были обнаружены все их темные логова, и зверям негде стало укрыться. Всех животных перебили, и теперь наконец-то можно спокойно гулять в огромном лесу, где ничей вой не нарушает милосердную тишину. Черный лес стал познаваемым. И безопасным.

Им предстояло путешествие к азатанам и в Ягг-одан, возможно, даже в сам Омтоз Феллак, Пустой город. Но самое главное – он наконец увидит Первый дом Азатов; не исключено, что даже поговорит с его служителями – Строителями. А потом Сагандер вернется в Куральд Галейн, окруженный славой, имея все необходимое, чтобы восстановить свою репутацию ученого, и все те, кто высокомерно от него отвернулся, не скрывая своего презрения, снова сбегутся, подобно щенкам, и он радостно их поприветствует – пинком.

Ничего, жизнь еще не закончилась.

«Нет никакого льда. Мир под ногами прочен и надежен. Понял, старина? Ничего там нет».

Услышав странный звук – в дверь не столько стучали, сколько скреблись, – Сагандер на мгновение закрыл глаза. Аратан. Как мог кто-то подобный Драконусу произвести на свет такое дитя? Да, Аратан был достаточно умен, и, насколько известно Сагандеру, Ивис расстарался,

научив парня искусно владеть мечом. Но подобный опыт не имел особой ценности. За оружие хватались те, кому отказывал разум, или же те, кто боялся правды. Сагандер сделал для Аратана все возможное, но, похоже, несмотря на весь свой ум, юноша был обречен оставаться посредственностью. Да и какое еще будущее могло ждать нежеланного отпрыска?

Стук повторился. Сагандер вздохнул и предложил ученику войти.

Он услышал, как открылась дверь, но не оторвал взгляда от множества предметов, усеивавших его стол.

Аратан молча подошел к наставнику и встал рядом, разглядывая груды вещей на запятнанной чернилами поверхности.

– Повелитель сказал, что нам придется путешествовать налегке, учитель, – наконец сказал он.

– Я прекрасно знаю, что мне потребуется, и это самый минимум. Чего ты хотел? Как видишь, я очень занят – в идеале мне нужно три дня на сборы, но приходится исполнять приказ повелителя Драконуса.

– Я помогу вам собраться, учитель.

– А ты сам?

– Уже.

– Ты еще пожалеешь о своей беззаботности, Аратан, – усмехнулся Сагандер. – Подобные вопросы требуют серьезных размышлений.

– Да, учитель.

Сагандер махнул рукой в сторону стола:

– Как видишь, я завершил предварительный отбор, постоянно имея в виду, что мне вплоть до самого последнего момента может прийти в голову мысль что-нибудь добавить, а значит, во всех сундуках должно оставаться свободное место. К тому же я рассчитываю вернуться со множеством различных артефактов и рукописей. Если честно, не понимаю, чем ты можешь быть мне полезен, – разве что спустить сундуки вниз, однако тут в одиночку все равно не справиться. Пусть лучше этим займутся слуги.

– Я мог бы помочь вам освободить больше места в сундуках, учитель, – поколебавшись, предложил юноша.

– Да ну? И каким же образом?

– Я вижу у вас пять бутылок чернил, учитель. Поскольку передвигаться нам предстоит очень быстро, вряд ли у вас будет время писать в пути...

– А когда мы прибудем к азатанаям?

– У них наверняка найдутся чернила, которыми они поделятся с гостями, особенно если речь идет о визите знаменитого ученого вроде вас, учитель. Думаю, кроме того, азатанаи охотно предоставят в ваше распоряжение свитки, пергамент и воск, а также снабдят вас всем необходимым для письма. – И прежде чем Сагандер успел ответить, Аратан продолжил: – А эти карты Куральда Галейна... полагаю, они предназначаются в подарок?

– Есть обычай...

– Хотя между азатанаями и тисте уже какое-то время царит мир, у них, несомненно, бывают и другие гости, которые ценят подобные карты по совершенно иным причинам. Учитель, я полагаю, что повелитель Драконус запретит приносить карты в дар.

– Обмен между учеными в интересах науки не имеет никакого отношения к приземленным вопросам политики... Откуда у тебя такое высокомерие?

– Прошу прощения, учитель. Возможно, мне стоит вернуться к нашему повелителю и спросить его?

– Спросить о чем? Не будь глупцом. Более того, не думай, будто твой статус внезапно повысился лишь оттого, что ты провел несколько минут в обществе нашего повелителя. В любом случае я уже решил, что не стану брать карты – они занимают слишком много места;

к тому же эти копии сделаны твоей рукой, и качество их в лучшем случае вызывает подозрения, а порой и весьма прискорбно. Так что подарок получится, прямо скажем, сомнительный, поскольку они наверняка изобилуют ошибками. Хочешь помочь мне, ученик? Прекрасно! Тогда подумай, что подошло бы в качестве дара.

– Для одного или для многих, учитель?

Недолго поразмышляв, Сагандер кивнул:

– Нужны четыре достойных подарка и один крайне ценный.

– Крайне ценный предназначен для Повелителя Ненависти, учитель?

– Ну разумеется! А теперь убирайся, но возвращайся, прежде чем прозвонят к ужину.

Аратан направился было к двери, однако Сагандер вновь повернулся к нему:

– И вот еще что. Я решил сократить число сундуков до двух, из которых лишь один будет заполнен. Имей это в виду, когда будешь думать насчет подарков.

– Я понял, учитель.

И дверь за Аратаном со скрипом закрылась.

Поморщившись от неприятного звука, Сагандер вновь сосредоточился на вещах, лежавших на столе. Карты он отодвинул в сторону, чтобы они не мешали.

Наставник сомневался, что Аратан сумеет найти подходящий подарок для Повелителя Ненависти, но теперь он хотя бы не крутился у него под ногами. Сагандер заметил, что у юноши возникли новые дурные повадки, хотя и затруднялся точно сформулировать, в чем именно они заключаются. Пожалуй, это проявлялось в том, как Аратан говорил, какие вопросы задавал, и в том, что на его лице при этом появлялась маска невинности. И не просто невинности – его ученик искренне старался выглядеть серьезным, что невольно вызывало подозрения.

В последнее время после почти каждого разговора с Аратаном Сагандер ощущал смутное беспокойство, и наверняка тому имелась веская причина.

Так или иначе, это путешествие должно было снова поставить парня на место, заставив широко раскрыть от страха глаза. Мир за пределами родного дома и прилегающих к нему земель велик и обширен. После того прискорбного случая на старой каменоломне Аратану строго-настрого запретили куда-либо выходить одному и даже во время коротких вылазок в деревню с него не спускали глаз.

Ну а сейчас Аратану предстояло пережить потрясение, которое этому юнцу только пойдет на пользу.

Сержант стражи Раскан стащил сапог и принялся разглядывать подошву. Из-за особенностей его походки каблуки снашивались сзади, и именно там начали отставать приклеенные слои кожи. Заметив это, он выругался себе под нос.

– А ведь им и полугода еще нет. Разучились нынче делать нормальную обувь, не то что раньше.

Ринт, прослуживший семь трудных лет в Пограничье, стоял напротив Раскана, прислонившись к стене крепости и скрестив руки на груди. Он напоминал дикого кабана, готового загнать свинью в лес. Сержант мрачно взглянул на его поношенные мокасины из толстой грубой шкуры хенена и подумал, что командовать Ринтом и тремя другими пограничниками будет нелегко, а заслужить их уважение еще тяжелее. Само собой, одно с другим тесно взаимосвязано, поскольку от командира, которого не уважают, проку мало. Хотя такие, увы, в последнее время появляются все чаще. Вполне достаточное доказательство того, что титулы и звания, которые прежде надо было заслужить, теперь обесценились и стали всего лишь монетами на грязных весах. Раскан трезво оценивал свои возможности и прекрасно понимал, что может и не справиться с поставленной перед ним задачей, ведь сам он даже в сержанты выбился лишь благодаря тому, что состоял в родстве с капитаном Ивисом.

– А все из-за того, что здесь сплошные булыжники, – сказал Вилл, с небрежным видом сидевший возле ступеней, которые вели в обвалившуюся траншею возле насыпи у ворот. – На мягкой земле обувь так не снашивается. Во время пограничных войн я не раз видел, как солдаты возвращались с разбитыми коленями и ногами в лубках – такие ужасные там дороги. Чтобы ходить по камням, нужны раздвоенные копыта, как у горных козлов.

– Но для этого и существуют сапоги на твердой подошве, – вставил сидевший рядом с Виллом Галак. – Своего рода копыта для тех, кто ходит по таким вот дорогам. Нужно только подбить их гвоздями или подковать, как подковывают лошадей.

– Гвозди портят плиты полы, – возразил Раскан, – а мне по долгу службы часто приходится заходить в дома.

– До конца похода должны выдержать. – На обветренном лице Ринта возникла едва заметная улыбка.

Раскан пристально посмотрел на него:

– Ты ведь бывал на западе?

– Недалеко. Как и каждый из нас. Там, на Баретской пустоши, ничего нет – по крайней мере, по эту сторону границы.

Тут появилась Ферен, четвертая и последняя из выделенных сержанту пограничников, родная сестра Ринта, на пару лет его старше. В отличие от крепко сложенного брата, она была худой и жилистой, с запястьями лучницы; на левой руке женщина носила защитный медный браслет, который, по слухам, никогда не снимала. Ферен двигалась с удивительной грацией, одновременно напоминая кошку и волчицу, как будто была готова и выследить добычу, и охотиться на нее. Слегка раскосые глаза намекали на то, что кто-то из ее предков жил восточнее Черного леса, однако примесь крови явно была незначительной, поскольку у брата Ферен ничего подобного не наблюдалось.

Раскан попытался представить, как где-либо на землях королевства эта женщина входит под своды главного зала любого дома, не оскорбив своим видом хозяев... и не смог. Место Ферен было в диких лесах; то же самое можно было сказать и о ее товарищах. Грубые и неотесанные, они явно чувствовали себя неуютно здесь, на территории Обители Драконс, но Раскан прекрасно знал, что все изменится, как только цивилизация останется позади.

У пограничников не было званий. Вместо этого существовала некая тайная и загадочная иерархия, причем весьма изменчивая: лишь обстоятельства определяли, кто именно командует в конкретный момент. Однако в данном случае все было проще некуда: Раскан командовал этими четверыми, и все вместе они отвечали за безопасность не только повелителя Драконуса, но также юноши и его наставника.

Пограничникам предстояло готовить еду, чинить снаряжение, охотиться, разбивать и сворачивать лагерь, а также ухаживать за лошадьми. Безусловно, все эти их навыки пригодятся повелителю, который намерен путешествовать быстро и без свиты. Раскана беспокоило только одно: эти воины не клялись в верности Обители Драконс. Если они вдруг замыслили измену... Но с другой стороны, пограничники славились своей преданностью. Они традиционно держались вдалеке от политики и именно благодаря своему нейтралитету считались столь надежными.

Тем не менее никогда еще положение в королевстве не было столь напряженным, как сейчас, и, похоже, у самого Драконуса, хочет он того или нет, остаться в стороне не получится.

Задумчиво отведя взгляд, Раскан снова натянул сапог и встал.

– Пойду выберу лошадей, – сказал он.

– Мы разобьем лагерь снаружи, – произнес Ринт, отрываясь от стены; он бросил взгляд на сестру, которая слегка кивнула, будто отвечая на невысказанный вопрос.

– Только не на тренировочной площадке, – предупредил их Раскан. – Мне нужно сегодня посадить парня на боевого коня, чтобы он привык.

- А если по другую сторону? – предложил Ринт, подняв густые брови.
- Хорошо, хотя Аратан не слишком любит, когда на него смотрит слишком много глаз. Ферен взглянула на Раскана в упор:
- Неужели ты думаешь, что мы станем насмехаться над сыном повелителя, сержант?
- Да он же незаконный отпрыск Драконуса, ублюдок...
- Как бы ни относился к нему отец, – возразила женщина, – нас это не касается.

Раскан нахмурился, обдумывая ее слова.

– Аратан всего лишь зеленый новобранец. Если юнец заслуживает насмешек, к чему его шадить? Нет, меня беспокоит другое: если он станет нервничать, то может пострадать. А поскольку мы отправляемся завтра, мне очень не хотелось бы докладывать повелителю, что парень не в состоянии ехать верхом.

Ферен на мгновение задержала на сержанте взгляд своих удивительных диких глаз и отвернулась.

Тон Раскана стал жестче.

– И впредь имейте в виду, что я не намерен перед вами отчитываться и объяснять свои соображения, – сказал он. – Я отвечаю за парня головой, а уж как я буду исполнять свои обязанности, это мое дело и обсуждению не подлежит. Всем понятно?

– Так точно сержант, – улыбнулся Ринт. – Вполне.

– Прошу прощения, сержант, – добавила его сестра.

Раскан направился в сторону конюшни, шаркая каблуками по булыжникам.

Время уже перевалило за полдень, когда сержант стражи велел юноше вывести боевого коня через главные ворота на тренировочную площадку. Земля там была безжалостно изрыта с тех пор, как отряд копейщиков начал упражняться на новых лошадях, отрабатывая групповые маневры. Поле было влажным после весенних дождей, и под слоем грунта образовалась предательская глина – как в настоящем бою. Каждый год они теряли двух или трех лошадей и стольких же солдат. Однако, по словам повелителя, когда дело доходило до конных сражений, многие солдаты из войск Великих домов и Обителей оказывались плохо обученными, да и снаряжение тоже оставляло желать лучшего. Драконус намеревался использовать эту их слабость, если вдруг разразится гражданская война.

Гражданская война. Никто не осмеливался произнести эти два слова вслух, но все были к ней готовы. Это было безумием. С точки зрения Раскана, ситуация вовсе не выглядела безнадёжной. Да и вообще, стоило ли огород городить? Что такое эта самая вожаемая власть, которую столь многие, похоже, полны решимости захватить? Пока ты не держишь в руках чужие жизни или хотя бы не угрожаешь им, во власти нет никакого смысла. А если все сводится к столь простой грубой истине, то невольно возникает вопрос: какую жажду хотят утолить все те, кто стремится к власти? Кто среди всех этих глупцов, суесящихся во дворцах королевства, окажется настолько отважным и честным, чтобы сказать: «Да, именно этого я хочу. Заполучить власть над жизнью и смертью стольких из вас, сколько возможно. Разве я не заслужил этого? Или, может, не посмею ею воспользоваться?»

Но Раскан был всего-навсего сержантом стражи. Он не обладал утонченным умом Саган-дера или повелителей, повелительниц и высокопоставленных чиновников Куральда Галейна. Похоже, он рассуждал слишком примитивно, тогда как на самом деле власть представляла собой нечто большее, нежели было доступно его пониманию. Так или иначе, Раскан твердо знал лишь одно: его собственная жизнь и впрямь находилась в чужих руках; вполне возможно, что у него имелся некоторый выбор, но сержанту не хватало мудрости, чтобы это увидеть.

Аратан, как обычно, молчал, ведя спокойную с виду лошадь по изрытой копытами мягкой земле.

– Обрати внимание на высокую спинку седла, – сказал ему Раскан. – Она выше, чем ты привык, но не настолько, чтобы сломать тебе хребет, как только налетишь на препятствие. Нет, лучше уж пускай тебя вышвырнет из седла. По крайней мере, появится шанс пережить падение. Небольшой, но все же. Впрочем, пока можешь об этом не думать. Я просто хочу, чтобы ты понял: это боевой конь, и его упряжь выглядит иначе. Закрытые стремяна, особый изгиб седла. В любом случае полных доспехов на тебе не будет – у повелителя на этот счет иные мысли; и если мы вдруг столкнемся с конными врагами из других Обителей, то лучше объедем их подальше. Более того, даже свалившись с седла мы, скорее всего, уцелеем, а не станем беспомощно лежать с переломанными костями, ожидая, пока нас выпотрошат, будто скотину.

Пока Раскан говорил, взгляд Аратана скользнул туда, где на бревне у края поля сидели в ряд четверо пограничников. Мельком посмотрев на них через плечо, сержант вновь переключил внимание на юношу:

– Не отвлекайся. Я хочу, чтобы ты слушал меня.

– Да, сержант. Но почему они поставили там шатры? Разве их не готовы принять в усадьбе?

– Просто пограничники сами так решили, только и всего. Наполовину дикари, что с них взять. Вероятно, годами не мылись. А теперь слушай меня внимательно, Аратан. Это кони особой породы: они отличаются не только размерами, но и темпераментом. Большинство лошадей скорее умрут, чем причинят кому-то из наездников вред, – нет, я не имею в виду укусы и удары копытом или когда они в панике вдруг встают на дыбы и все такое. Это, разумеется, лишь случайность или следствие дурного настроения. Тебе следует понять одно: эти массивные животные одним только своим весом запросто могут нас раздавить, превратив в груды мяса и костей. Но они никогда этого не сделают, а, наоборот, будут подчиняться. Необъезженная лошадь боится – в смысле, боится нас. У объезженной же страх сменяется доверием. Иногда слепым, даже попросту идиотским. Так уж оно повелось. Но боевой конь – совсем другое дело. Да, ты остаешься его хозяином, но если придется сражаться, вы оба сражаетесь на равных. Подобным созданиям присуща врожденная ненависть к врагу, и враг этот выглядит точно так же, как ты и я. Но как же конь отличает в бою друзей от врагов?

Сержант помедлил. Аратан растерянно моргнул, поняв, что вопрос вовсе не риторический.

– Не знаю, – сказал он.

– Хороший честный ответ, – проворчал Раскан. – На самом деле никто этого не знает. Но эти клятые звери безошибочно различают друзей и врагов. Может, напряжение мышц всадника подсказывает им, откуда исходит опасность? Вполне вероятно. Некоторые считают именно так. Или, возможно, песьегоны правы, утверждая, будто есть некие слова, связывающие души: душу всадника и душу коня. Якобы возникают кровные узы или что-то в этом роде. Не важно. Главное – ты должен понять, что полагаться тебе следует только на инстинкты. Ты будешь знать, куда идет твоя лошадь, а она будет знать, куда ты хочешь, чтобы она пошла. Со временем это придет само.

– И сколько для этого потребуется времени, сержант? – бесстрастно уточнил юноша.

– Что ж, тут есть определенная сложность – для вас обоих. Мы не располагаем таким количеством времени, как хотелось бы. Так что посмотрим, как пойдут дела, но не рассчитывай, что сможешь проехать на этой лошади больше лиги или двух за день. Но ты будешь водить ее в поводу и заботиться о ней. Многие утверждают, что от кобыл в бою якобы толку мало. Наш господин, однако, считает иначе. Собственно, повелитель Драконус полагается на их природный стадный инстинкт, и не случайно именно он ездит верхом на жеребце, вожаке стада. Понимаешь, что у него на уме?

Аратан кивнул.

– Ладно, отпусти поводья. Пора браться за работу.

Парнишка и лошадь оба в этот день изрядно потрудились, упражняясь сперва с поводьями, а потом без них, и Ферен, даже с того места, где она сидела на бревне вместе со своими товарищами-пограничниками, было видно, как блесит от пота черная шкура кобылы. Когда сержант наконец велел сыну повелителя повернуться к лошади спиной и та спокойно подошла к Аратану, Галак проворчал:

– Неплохо.

– Что-то ты неохотно это признаешь, – заметил Вилл. – Как говорится, со скрипом. Хотя мне послышалось, Галак, как у тебя внутри что-то треснуло.

– Ха! Мундиры, сапоги на каблуках... Признаюсь, меня не особо впечатлили обитатели этого дома.

– Они всего лишь другие, – сказал Ринт. – Не лучше и не хуже, просто другие.

– Раньше, когда в лесу еще водились кабаны...

– Когда еще был лес, – вставил Вилл.

– Ну да, – продолжал Галак. – В ту пору устраивали грандиозную охоту, с загонщиками и собаками. Оцепив участок леса, который можно было объехать верхом меньше чем за три колокола. Как будто кабан собирался куда-то уходить. Как будто его что-то интересовало, помимо своих забот – найти себе еду или самку.

– К чему ты клонишь? – спросил Ринт, которому не по душе были долгие рассуждения.

– Ты говоришь: они не лучше и не хуже, просто другие. Я же утверждаю, что ты слишком великодушен, может быть, даже заблуждаешься. Если хочешь расстелить перед ними ковер – пожалуйста. Я видел, как на рассвете к ручью приходила напиться терета, и слезы подступили к моим глазам, поскольку она была последней на многие лиги вокруг. Ни друзей, ни самца. Что ждет беднягу? Лишь одинокая жизнь и еще более одинокая смерть среди валяющихся наземь деревьев.

Ферен откашлялась, не сводя взгляда с юноши, за которым, будто преданная собака, шла лошадь.

– Война оставляет после себя пустыню. Мы видели это на границе, и тут все обстоит точно так же. Она подступает, подобно пожару на торфяном болоте. Никто не замечает его до тех пор, пока не станет слишком поздно. А потом уже некуда бежать.

Сержант, хромая, повел своих подопечных обратно в сторону дома.

– Стало быть, у нее появился новый любовник, – проворчал Галак, резко сменив тему. Однако не было нужды уточнять, что он имеет в виду.

– Говорят, отныне ее окружает особая непроницаемая магия, – пробормотал Ринт. – Не пропускающая ни малейшего света, куда бы она ни шла. Так что, похоже, теперь нашу королеву никто не сможет увидеть. Кроме разве что Драконуса. Я так думаю.

– Меньше надо думать, – заметил Галак.

Ферен фыркнула. Остальные, включая и самого Ринта, тоже негромко и сухо рассмеялись.

Мгновение спустя Ферен посерьезнела:

– Парень весь на нервах, да и стоит ли удивляться? Судя по тому, что я слышала, вплоть до сегодняшнего дня собственный отец оставался для сына столь же невидимым, как и его новая возлюбленная в Цитадели.

– Ну и какой в том смысл? – покачал головой Галак.

Ферен удивленно взглянула на него.

– Смысл как раз вполне ясен, – ответила она. – Так Драконус наказывает мать мальчика.

– А ты знаешь, кто она? – подняв брови, спросил ее брат.

– Я знаю, кем она *не* является, и этого более чем достаточно.

– Ты меня совсем запутала, – криво усмехнулся Вилл.

– Вспомни, как Галак рассказывал нам про терету, которая на рассвете пила воду из ручья. Но для нее рассвет так и не наступил. Она обречена, для нее все кончено. Кто убил ее самца? Стрелой или заманив бедного зверя в капкан? Кто-то ведь это сделал.

– И если этот убийца будет вовеки корчиться в объятиях Хаоса, – прошипел Галак, – он понесет вполне заслуженную кару.

– Это уже слишком, Галак, – нахмурился Вилл. – Мы охотимся каждые несколько дней. И убиваем, чтобы жить, ничем не отличаясь от ястреба или волка.

– На самом деле мы очень даже отличаемся от хищных птиц и зверей, Вилл. Мы можем представить последствия наших поступков, а потому заслуживаем... не знаю, как лучше это назвать...

– Порицания? – подсказал Ринт.

– Да, именно так.

– Не стоит полагаться на совесть, – заявила Ферен, слыша горечь в собственном голосе. – Она всегда уступает необходимости.

– А необходимость часто оказывается ложью, – кивнул Ринт.

Взгляд Ферен был устремлен на изрытую землю и грязь тренировочной площадки. В наступающих сумерках над оставленными копытами лужицами кружили насекомые. Из рощицы позади них доносилось вечернее пение птиц, в котором звучали какие-то странные жалобные нотки. Женщине стало слегка не по себе.

– Непроницаемая тьма, говоришь? – покачал головой Вилл. – Странная идея.

– Почему бы и нет? – услышала Ферен собственный голос. – Если красота умерла?

Рассеченные пополам рекой Дорсан-Рил, земли Обители Драконс состояли из ряда голых холмов, множества старых рудников, трех рощиц, когда-то образовавших небольшой лес, единственной деревни с подневольными крестьянами, мелких хозяйств, окруженных низкими каменными стенами, и нескольких расположенных на месте заброшенных каменоломен глубоких прудов, где разводили различные виды рыб. На лугах паслись черношерстные амриды и прочий скот, но трава там росла плохо.

За этими землями простиралась северо-западная граница Куральда Галейна, к которой вели единственная изрытая колеями дорога и единственный массивный азатанайский мост. Большая часть движения осуществлялась по реке Дорсан-Рил, где задачу путникам облегчали многочисленные буксирные тросы и лебедки, хотя даже эти приводимые в действие быками машины прекращали работу во время весеннего паводка, когда рев воды слышался в каждом помещении Большого дома с расстояния даже в тысячу шагов.

Холмы непосредственно к западу и северу от крепости состояли в основном из гранита, его темной мелкозернистой разновидности, которая ценилась очень высоко. То был, пожалуй, единственный источник богатства для Обители Драконс. Однако величайшим триумфом повелителя – и одновременно главным предметом зависти и тревоги соседей до обретения Драконусом титула фаворита Матери-Тьмы – стали его таинственные связи с азатанаями. Сколь бы смелой и впечатляющей ни была местная, традиционная для Куральда Галейна архитектура, венцом которой являлась Цитадель, азатанайские каменщики воистину не знали себе равных. И наглядным тому доказательством стал новый Большой мост в Харканасе, который подарил городу сам повелитель Драконус.

Придворные мыслители – по крайней мере, те из них, кто был способен к утонченным рассуждениям, – осознавали символическое значение моста. Но даже этот великодушный жест Драконуса оказался достаточным поводом для недовольства, обид и молчаливого осуждения. Горько созерцать обмен дарами, когда сам ничего не даришь и не получаешь взамен. Подобным образом определяется положение в обществе, но никакое положение не стабильно, а бла-

годарность столь же зыбка и мимолетна, как ненадолго задержавшиеся на камнях капли дождя, пролившегося из единственного облачка в солнечный день.

Если на массивных камнях Большого моста и были высечены какие-то слова, то их хорошо спрятали. Возможно, если бы кто-то причалил на лодке под мостом, воспользовавшись столь уместно размещенным там каменным кольцом, и посветил фонарем вверх, он и обнаружил бы ряды азатанайских букв. Но скорее всего, это всего лишь фантазия, не более того. Те, кто жил и работал на реке в Харканасе, не смешивались с высокородными, равно как и с артистами, художниками и поэтами своего времени, а то, что они видели, было исключительно их делом и более никого не касалось.

Мечтали ли о мире эти чумазые, говорившие со странным акцентом мужчины и женщины, проплывая на своих лодках над бездонными черными водами? А когда выходили за городом на почерневшие от ила берега, преклоняясь перед поцелуем воды и суши, – страшились ли они грядущего?

И могли ли мы – о боги, могли ли мы хотя бы представить, сколько крови им предстояло принести ради нас в жертву?

«Да будет мир».

Глава вторая

Свечи окрашивали воздух в золотистый цвет, смягчая бледный свет солнца, лившийся в высокие узкие окна. Десятки свечей были закреплены в разнообразных держателях, которые собрали из всех неиспользуемых помещений крепости; и больше половины их уже почти полностью догорели, мерцая и испуская струйки черного дыма. Неподалеку бдительно стоял слуга, готовый заменить очередную свечу.

– До чего же гениальное видение, – пробормотал Хунн Раал, мгновение спустя уловив краем глаза предупреждающий кивок молодого Оссерка.

Говорить что-либо вообще было рискованно. Тот, кто сейчас набирал кистью краски с палитры и наносил их на поверхность деревянной доски, славился своим взрывным темпераментом, а ситуация и без того была уже достаточно напряженной. Однако Хунн оценил свое замечание как комплимент, вполне достаточный, дабы смягчить возможное недовольство Кадаспалы, который мог решить, что его отвлекают.

В данных обстоятельствах Оссерк явно не хотел рисковать даже шепотом выразить свое согласие. Обычное дело для молодых, отвага которых еще не подверглась испытанию. Естественно, в том не было вины самого Оссерка. Вина – а как еще можно было это назвать? – лежала на его отце, который неподвижно восседал, облаченный в разукрашенный регалиями мундир. Одну сторону его лица освещали свечи, тогда как другая была погружена в угрюмую тень, что полностью соответствовало тому мрачному настроению, в котором он пребывал.

Кадаспала, возможно, и был самым популярным художником-портретистом во всем Куральде Галейне, ибо отличался незаурядным талантом и был печально знаменит своим вздорным нравом по отношению к позировавшим ему клиентам, но даже он не мог сравниться с тем, кто сейчас сидел в кресле с высокой спинкой из черного дерева. Страшно было предположить, что будет, если у Ваты Урусандера, который и так уже, что называется, находился на пределе, в конце концов лопнет терпение. Парчовый парадный мундир был специально пошит для официальных визитов в Цитадель и прочих торжественных случаев, однако, когда Урусандер командовал армией, его одежда практически ничем не отличалась от того, во что были облачены рядовые солдаты когорты. Легионы Куральда теперь называли легионом Урусандера, и не без причины. Будучи уроженцем одного из Малых домов, он быстро продвинулся по службе в первые месяцы изнуряющей войны с форулканами, когда высшее командование понесло серьезные потери – сперва из-за предательских убийств, а затем после ряда поражений на поле боя.

Урусандер, считай, спас тогда народ тисте. Без него, как хорошо знал Хунн Раал, Куральд Галейн бы пал.

Далее последовала кампания, в ходе которой удалось полностью изгнать форулканов, а затем карательная акция против джелеков, когда пришлось углубиться далеко на северо-запад, на земли Джеларкана. В результате Урусандер обрел статус легенды, чем объяснялась нынешняя запоздалая сцена в верхнем помещении самой новой башни крепости, где в воздухе еще висела каменная пыль. Присутствие здесь прославленного живописца, Кадаспалы из дома Энес, само по себе впечатляло, подчеркивая, сколь высокое положение занимал Урусандер. Этот портрет предстояло скопировать, чтобы повесить на стену внутренней галереи в Цитадели Харканаса, рядом с изображениями высокородных тисте, как живых, так и давно умерших.

Но тот, кто неподвижно сидел сейчас в своем ослепительно-ярком мундире со всеми воинскими знаками отличия, в любое мгновение мог разрушить этот идеальный образ непоколебимого достоинства. Хунн Раал подавил улыбку. Ни он, ни Оссерк не могли не заметить признаки приближающегося взрыва, хотя Кадаспала продолжал работать, не обращая ни на что внимания, затерянный в собственном мире лихорадочной спешки. Урусандер застыл в полной

неподвижности, и художник наверняка воспринимал это – если сие обстоятельство вообще имело для него хоть какое-то значение – как триумф воли творца над непокорным клиентом.

«Интересно, – подумал Хунн, – заговорит ли Оссерк, чтобы укрепить дамбу, прежде чем ту прорвет? Или промолчит, как это часто бывало на протяжении его лишенной опасностей жизни, лишь затем, чтобы потом неуклюже пытаться успокоить всех, кого может оскорбить тирада его отца?»

У Хунна возникло желание не вмешиваться и просто посмотреть, что будет дальше. Но вот насколько это разумно? Хуже всего, если Кадаспала оскорбится, соберет свои краски и кисти и уйдет, чтобы больше не возвращаться.

У Хунна Раала имелись свои резоны находиться сейчас в этом зале. Разве он едва не погиб, приняв на себя предназначавшийся Урусандеру нож убийцы? Что ж, он готов был снова шагнуть под клинок.

– Достопочтенный художник, – откашлявшись, произнес Раал, – уже смеркается...

Кадаспала, который был немногим старше Оссерка, развернулся к пожилому солдату:

– Клятый дурень! Много ты понимаешь! Освещение просто идеальное! Самый подходящий момент! Неужели не видишь?

– Преклоняюсь перед вашим опытом, господин. Однако вам следует учесть, что повелитель Урусандер – солдат, получивший за свою долгую карьеру немало ран. Он не раз проливал кровь, защищая Куральд Галейн и добывая для нас мир, который мы воспринимаем как данность. Полагаю, сам я не смог бы сидеть неподвижно столь долго, как он сегодня...

– В этом я нисколько не сомневаюсь, – огрызнулся Кадаспала. – Как и в том, что твоя собачья физиономия никогда не украсит собой стену, разве что в качестве трофея.

– Неплохо сказано, господин, – усмехнулся Хунн Раал. – Но это ничего не меняет. Повелителю необходимо размяться, только и всего.

Круглое лицо художника на мгновение застыло, будто маска, готовая отделиться от тела и устремиться прямо к Хунну Раалу, а затем он отвернулся и бросил кисти.

– В любом случае что значит свет? Разве мало того, что Матерь-Тьма отбирает его у всех нас? Что толку от портретов в Галерее? Никакого!

Похоже, он говорил сам с собой, что по множеству причин вполне устраивало остальных присутствующих, включая Урусандера.

Прославленный воин выпрямился и глубоко вздохнул.

– Продолжим завтра, повелитель Урусандер, – убитым голосом произнес Кадаспала. – В то же самое время. А ты, слуга, принеси еще свечей! Будь проклята эта тьма!

Хунн посмотрел вслед своему командиру, который молча вышел из зала по боковому коридору, откуда вела лестница в его личные покои. Поймав взгляд Оссерка, старый солдат кивнул и направился к выходу по главной лестнице. Сын Урусандера последовал за ним. Это крыло крепости еще не было обставлено, и, пройдя через пустые комнаты и коридоры, где гулко отдавалось эхо, они оказались в главном вестибюле, который прежде выглядел роскошно, но теперь поразил Хунна своей заброшенностью. Стены, гобелены и стойки с оружием были покрыты копотью и столетним слоем пыли.

От древней крепости, когда-то господствовавшей на вершине холма, в самом сердце города Нерет-Сорр, мало что осталось; большую часть ее руин разобрали и еще сто лет тому назад использовали для строительства новой цитадели, а последняя капля крови династий, когда-то заявлявших права на это поселение и окрестные территории, давно уже впиталась в землю. Считалось, что предки Урусандера принесли вассальную клятву этому давно исчезнувшему благородному семейству, все члены которого испокон веку были воинами, но главную роль в распространении этой легенды играл сам Хунн Раал. История была полна зияющих дыр, нуждавшихся в заполнении тем, что годилось на данный момент и – что еще важнее – в будущем, когда тщательно посеянные вымысел и полуправда могли принести богатые плоды.

Выйдя во внутренний двор, Оссерк и Хунн шагнули в тень, отбрасываемую высокими толстыми стенами. Неподалеку подмастерья кузнеца разгружали запряженную быками повозку с необработанными железными болванками. Не обращая на них внимания, возчик и местный лекарь пытались вытащить клеща из-за левого уха быка. Судя по всему, сделать это оказалось ой как непросто, и животное, по шее которого стекала кровь, жалобно мычало, подергивая шкурой.

– Куда мы идем? – спросил Оссерк, когда они направились к Высоким воротам.

– В город, – ответил Хунн Раал. – Твой отец сегодня будет не в духе, если вообще появится за столом. Никогда еще не видел мужчины, готового отложить меч ради сундука форулканских цилиндров, притом что половина из них разбита. Если даже этим белолицым глупцам когда-либо приходило в голову что-либо достойное, сие никак не защитило их от возмездия тисте.

Оссерк какое-то время молчал, и лишь когда они подошли к воротам, произнес:

– Отец постоянно восхищается форулканами, Хунн. Их законами правления. Общественным договором. Нам нужны реформы, доказательством чему служат все те проблемы, которые накопились и теперь дают о себе знать.

Хунн Раал что-то недовольно проворчал, чувствуя, как лицо его невольно исказилось в гримасе. А потом произнес:

– Драконус. Все проблемы, о которых ты говоришь, начинаются с этого выскочки и им же заканчиваются. – Стараясь никак не реагировать на полный изумления взгляд Оссерка, он продолжил: – В истории еще не было подобного прецедента. Семейство Драконс всегда относилось к Малым домам. А теперь какой-то сомнительный наследник их жидкой крови встает рядом с Матерью-Тьмой. Именно в этом состоит угроза, и она не имеет никакого отношения к реформам. Тщеславие подобно яду, Оссерк.

– Ну... мой отец совсем не такой.

Хунн улыбнулся про себя, скрывая торжество.

– Вот именно. Кто в таком случае больше годится в правители? Матери-Тьме нужен не просто какой-то фаворит, а законный супруг.

Они вышли на уходящую вниз, в город, извилистую дорогу. В эту пору дня наверх никто не поднимался, но несколько направлявшихся в другую сторону повозок устроили затор у второго поворота, где около десятка мужчин пытались сдвинуть заднюю часть длинного фургона.

– Но если Драконус простолюдин, – проговорил Оссерк, – то и мой отец тоже.

Хунн ждал этого замечания.

– Неправда. В первых упоминаниях о Нерет-Сорре говорится, что правящая семья носила фамилию Вата. И что еще важнее, Урусандер командует легионами, даже находясь в отставке. Ну вот скажи мне: насколько справедливо к нам отнеслись? Ты сам это видел, друг мой. Мы честно сражались, и многие из нас погибли, но тисте победили. Мы выиграли войну для всех жителей королевства. А теперь о нас, можно сказать, забыли. Так не должно быть, и ты прекрасно это знаешь.

– Мы ничем не угрожаем знати, – возразил Оссерк. – Не в том дело, Хунн Раал. Просто содержать легионы в полном составе слишком дорого. Потому и хотят сократить число солдат на действительной службе...

– И вышвырнуть остальных на улицу, – добавил Хунн Раал. – Или, что еще хуже, в лес: пусть прозябают там вместе с отрицателями. А если вдруг вернутся форулканы? Мы будем не готовы дать им отпор, и даже твой отец нас тогда не спасет.

Вся наша жизнь основана на закономерностях, и у Хунна Раала были свои причины полагаться на эту старую истину, особенно когда речь шла об этом юноше, не имевшем никакого опыта сыне героя, который, говоря о легионах, использовал слово «мы», как будто его мечты стали реальностью. Хунн понимал, что нужно сделать, но Урусандер был не из тех, на кого дей-

ствуют всевозможные увещевания и аргументы. Он твердо решил, что завершил свою службу королевству и остаток жизни полностью принадлежит ему самому. Безусловно, он это заслужил.

Но, с другой стороны, королевство нуждалось в спасителе, и единственный путь к отцу лежал через сына.

– Ошибочно полагать, что будущее наступит для кого-то другого, – продолжал Хунн Раал, – хотя многие из нас именно так и считают. Будущее напрямую касается нас самих. Твой отец отдает себе в этом отчет и в глубине души (вопреки всем своим безумным идеям, которых нахватался у форулканов: насчет справедливости и прочего) знает, что он сражался ради себя и ради своего сына – ради мира, который у тебя впереди. И тем не менее Урусандер упорно прячется в своем кабинете. Его нужно оттуда вытащить, Оссерк. Ты и сам наверняка это понимаешь.

Они поравнялись с чередой повозок, тащившихся к очередному повороту, и Хунн Раал увидел, что лицо Оссерка приобрело какое-то странное выражение. Казалось, было слышно, как тот скрежещет зубами. Старый солдат придвинулся ближе, понизив голос:

– Знаю, отец запретил тебе брать в руки меч. Для твоей же безопасности. Но много ли проку будет от всех твоих умений, если армию сильно сократят? Ты говорил, что хотел бы сражаться наравне со мной, и я тебе верю. Провалиться мне в Бездну, но я бы гордился, доведись мне увидеть это собственными глазами.

– Этого никогда не будет, – буркнул юноша.

– Ты нужен легионам. Они видят в тебе – как и все мы – наследника своего отца. Мы все ждем. В тот день, когда твой отец станет королем, Оссерк, ему придется по-настоящему оставить легионы, и тогда его место займешь ты. Именно такого будущего хотим мы все. Обещаю, я поговорю с Урусандером. В конце концов, он никогда не стал бы учить тебя сражаться, если бы хотел, чтобы ты лишь составлял списки глиняных цилиндров. Ты должен служить в войске. И мы постараемся, чтобы так оно и было.

– Ты все время это твердишь, – пробормотал Оссерк, но злость его поутихла.

Хунн Раал похлопал парня по спине:

– погоди, так все и будет. А теперь, друг мой, пойдем выпьем?

– У тебя одно на уме. В честь чего?

– Поверь мне, солдату без этого никак нельзя. И повод не нужен. Скоро сам убедишься. Я намерен хорошенько надраться, а тебе придется тащить меня домой.

– Если только сам я не наклюкаюсь раньше.

– Предлагаешь устроить состязание? Отлично!

Хунн Раал подумал, что есть нечто трогательное в желании юноши найти подходящую причину напиться, молча сидя наедине с воспоминаниями, которые не хотят уходить. Воспоминаниями о павших друзьях и криках умирающих. Если честно, Хунн никому бы не пожелал подобного, но если не случится нечто такое, что портрет Урусандера станет реальностью – настолько, насколько это возможно, – то разразится гражданская война.

И легионы окажутся в ловушке посреди глаза бури.

А ведь по иронии судьбы род Исгинов, из которого происходил Хунн Раал, имел намного больше прав на трон, чем кто-либо другой, даже сама Мать-Тьма. Ну да ладно, не важно. Прошлое состояло не только из череды зияющих дыр. Местами прорехи были давно заполнены, причем правду убрали с глаз долой и закопали поглубже. Да это, пожалуй, и к лучшему. Ведь Хунн думал не о себе, а о благе королевства. И даже если бы это стоило ему жизни, он был готов на все, чтобы Урусандер занял трон из черноты.

Мысли Раала вернулись к Драконусу, и он почувствовал, как в груди у него, подобно внезапной кровавой вспышке в ночи, нарастает ярость. Считалось, что легионы держатся в стороне и не принимают участия в ссорах среди знати. Но подобное мнение было ошибочным,

и Хунн Раал намеревался этому лишний раз поспособствовать. Если напряжение в обществе перейдет в открытую войну, Драконусу придется противостоять не только сыновьям и дочерям Матери-Тьмы, но и легиону Урусандера.

«Посмотрим, Драконус, помогут ли тебе льстивые речи выпутаться из этой заварушки. Увидим, куда заведут тебя честолюбивые устремления».

На город внизу опустилась ночь, но в долине светились желтые и золотистые, будто пламя свечей, фонари таверн. Глядя на них, Хунн Раал почувствовал, как у него пробуждается жажда.

Смоченной в спирте тряпкой Кадаспала вытер с ладоней последние упрямые пятна краски, чувствуя, как от испарений жжет глаза. Слугу он отослал прочь. Не хватало еще, чтобы кто-то помогал ему одеться к ужину: ну не абсурд ли? Секрет великого портретиста заключался в том, чтобы смотреть позирующему прямо в глаза, как равному, кем бы тот ни был: командующим войсками или пастушонком, готовым отдать жизнь за стадо амридов. Он презирал саму мысль о том, что одни могут быть выше других. Положение и богатство служат лишь жалкими декорациями, и тот, кто прикрывается ими, столь же несовершенен и смертен, как и любой другой. Ну а если кому-то хочется щеголять на фоне подобных декораций, это лишь доказывает его внутреннюю слабость, только и всего. Что может выглядеть более жалко?

Кадаспала вообще не стремился иметь слуг. Ему не требовались искусственные декорации, чтобы его уважали. Каждая жизнь была даром: достаточно лишь взглянуть в глаза напротив, в любое время любого дня, чтобы это понять. И совершенно не важно, кому принадлежат эти глаза. Он видел истину, а затем делал эту истину зримой для всех остальных. Его рука никогда не лгала.

Что и подтвердил в полной мере сегодняшний сеанс. Создавая портрет, Кадаспала пребывал в дурном настроении, о чем прекрасно знал. И злился живописец в основном на себя самого. Каждый день чересчур короток, свет слишком причудлив, а его зрение чересчур остро, чтобы не замечать недостатков в собственной работе, – так было всегда, и никакие похвалы со стороны зрителей не в силах этого изменить. Хунн Раал наверняка считает свои замечания деликатными и даже, возможно, лестными для художника, но Кадаспале потребовалась вся сила воли, чтобы не ткнуть ухмыляющегося солдата кистью в глаз. Страсть, которая охватывала живописца, когда он творил, была темной и внушающей страх, смертоносной и зловещей. Когда-то это его пугало, но теперь он привык и просто жил с этим, будто со шрамом на лице или оспинами на щеках: неприятно, но деваться некуда.

И все же кое-что беспокоило Кадаспалу, уж больно глубоким было противоречие: с одной стороны, он придерживался веры, что любая жизнь обладает одинаково неизмеримой ценностью, но в то же самое время откровенно презирал всех, кого знал.

Вернее, почти всех. Имелись драгоценные исключения.

Воспоминание заставило его ненадолго замереть, а взгляд слегка затуманился. Кадаспала знал, что ничего особенного тут нет – всего лишь внезапная мысль о том, когда он сможет снова увидеть Энесдию. В его любви к сестре не было ничего непристойного. В конце концов, он был художником, понимавшим истинную красоту, а Энесдия в этом отношении стала для него эталоном совершенства: от самых глубин ее нежной души до безупречного изящества форм.

Кадаспала давно хотел нарисовать сестру. Постепенно мечта стала навязчивой идеей, но он так и не брался за кисть, зная, что не сделает этого никогда. Какие бы он ни прилагал усилия и сколь бы велик ни был его талант, живописец понимал, что не сумеет запечатлеть Энесдию, поскольку то, что видел он сам, вовсе не обязательно могли увидеть другие. Хотя полной уверенности на сей счет у Кадаспалы и не было: он ведь никогда не обсуждал такие вещи с посторонними.

А вот Урусандер, этот побитый жизнью старый воин, оказался полной противоположностью Энесдии, обладавшей неуловимым очарованием. Подобных ему рисовать было легко,

ибо хотя здесь могли иметься свои глубины, но все одного цвета, одного тона. В них не было тайны, и именно это делало их столь могущественными правителями. В столь безысходной одноцветности чувствовалось нечто пугающее, и вместе с тем она, казалось, внушала другим уверенность, будто некий источник силы.

Некоторые вполне подходили для переноса в краску на доске, сохнущую штукатурку на стенах или безупречную чистоту мрамора. Они существовали как нечто твердое и сплошное, внутри и снаружи, и именно это их качество Кадаспала считал столь жестоким и чудовищным, ибо оно говорило о силе воли этого мира. Он знал, что и сам играет здесь определенную роль, овеществляя их претензии на власть.

Портреты были оружием традиции, а традиция – невидимым войском, осаждавшим настоящее. Что стояло на кону? К какой победе эта армия стремилась? К тому, чтобы сделать будущее неотличимым от прошлого. Каждым мазком кисти вскрывая зияющую рану, Кадаспала противостоял тем, кто пытался бросить вызов существующему порядку вещей. Он сражался с этим горьким знанием, упрямо заставляя свой талант вновь и вновь атаковать крепостные стены, будто пытаясь остановить таким образом собственное наступление.

При этом осведомленность художника была воистину пугающей, и порой Кадаспала жалел, что его не ослепил свой собственный талант. Но этому случиться не суждено.

Мысли всюду клубились у него в голове, как обычно и бывало после сеанса. С деланным безразличием одевшись, живописец вышел из комнаты, чтобы спуститься к ужину, который предстояло разделить с повелителем дома. Не предложат ли ему сегодня наконец Урусандер или Хунн Раал нарисовать портрет молодого Оссерка? Кадаспала надеялся, что нет. И что до этого вообще никогда не дойдет.

«Закончить портрет отца, а потом бежать отсюда, – подумал он. – Вернуться домой и снова увидеться с ней».

Кадаспала терпеть не мог эти формальные ужины, полные банальных воспоминаний о былых сражениях, в основном исходивших от Хунна Раала, который не желал уступать пальму первенства Урусандеру с его ежедневными рассказами о непробиваемом идиотизме форулканов. Оссерк все это время вертел головой, будто насаженной на пику. В сыне повелителя не было ничего такого, что хотелось бы изобразить художнику, никаких потаенных глубин. В глазах Оссерка таился лишь камень, изуродованный постоянными попытками Хунна Раала долбить его. Парню суждено кануть в неизвестность, если только вовремя не оторвать его от отца и его так называемого друга. По сути, Урусандер возводил вокруг сына неприступные стены, тогда как Хунн Раал упорно пытался сделать под ними подкоп: столь противоречивые устремления грозили Оссерку нешуточной опасностью. Если вдруг его мир по какой-то причине рухнет, бедняга вполне может погибнуть под обломками. Пока же юноша в буквальном смысле задыхался от постоянно оказываемого на него двойного гнета.

А впрочем, не важно. Все это Кадаспалу никак не касается. У него вполне хватает и своих собственных проблем.

«Мощь Матери-Тьмы растет, и таким образом она крадет свет у мира. Какое будущее ждет художника, когда все погрузится во тьму?»

Преследуемый мрачными мыслями, Кадаспала вошел в обеденный зал – и в изумлении остановился. Кресла, в которых он ожидал увидеть Хунна Раала и Оссерка, оба были пусты. Повелитель Урусандер сидел в одиночестве во главе стола, и на этот раз перед ним не было ничего: ни единого цилиндра из обожженной глины или какого-нибудь прижатого грузами по углам развернутого свитка, ожидавшего, когда его внимательно прочтут.

Урусандер откинулся на спинку кресла, держа руку с кубком на уровне пояса. Устремленный на художника взгляд его выпцветших голубых глаз казался необычно острым.

– Уважаемый Кадаспала Энес, прошу вас, садитесь. Нет, вот здесь, справа от меня. Похоже, сегодня вечером мы будем вдвоем.

– Спасибо, мой повелитель.

Едва лишь Кадаспала сел, появился слуга и подал гостю точно такой же кубок, как и у хозяина. Живописец увидел, что он наполнен черным вином, самым редким и дорогим в королевстве.

– Я взглянул на вашу сегодняшнюю работу, – продолжал Урусандер.

– Вот как, повелитель?

В глазах Урусандера вспыхнул едва заметный огонек – единственная деталь, свидетельствовавшая о его настроении, да и то весьма смутно.

– Вам не любопытно узнать мое мнение?

– Нет.

Урусандер сделал глоток из кубка, однако лицо повелителя при этом оставалось таким бесстрастным, будто его губ коснулась обычная вода.

– Надеюсь, для вас все же имеет значение, что думают о вас другие?

– Значение, повелитель? Ну... в какой-то степени имеет. Но если вы полагаете, будто я жажду услышать разноголосый хор всевозможных мнений, то считаете меня излишне наивным. Если бы я не мог без этого жить, то попросту умер бы. Как, по сути, любой другой художник в Куральде Галейне.

– То есть чужие мнения не имеют для вас ценности?

– Я ценю только те, которые мне приятны, повелитель.

– Значит, вы отрицаете, что разумная критика может быть полезна?

– Зависит от обстоятельств, – ответил Кадаспала, так и не попробовав вина.

– От каких? – спросил Урусандер, когда снова появились слуги, на этот раз с первым блюдом.

Тарелки со стуком опустились на стол, позади обоих сотрапезников возникло едва заметное движение, а пламя свечей замерцало и покачнулось.

– Как продвигаются ваши исследования, повелитель?

– Вы избегаете моего вопроса?

– Я выбрал свой способ на него ответить.

На усталом лице Урусандера не отразилось ничего: ни гнева, ни покровительственной усмешки.

– Что ж, прекрасно. Проблема, с которой я сражаюсь, морального свойства. Писанный, так сказать, закон чист сам по себе, по крайней мере в той степени, в какой это позволяет язык. Неопределенность возникает лишь в случае его практического применения к обществу, и, похоже, тут неизбежным следствием становится лицемерие. Закон склоняется на сторону властей предержащих, подобно иве или розовому кусту, а может, даже фруктовому дереву, прислоненному к стене. В какую сторону оно будет расти, зависит от прихотей сильных мира сего, и вскоре закон неизбежно становится кривым и запутанным.

Поставив кубок, Кадаспала взглянул на блюдо, которое стояло перед ним на столе. Копченое мясо и какие-то овощи с подливой, расположенные строго друг против друга.

– Но разве законы – это не всего лишь формализованные мнения, повелитель?

Урусандер поднял брови:

– Начинаю понимать, к чему вы клоните, Кадаспала. Ответу: да, так оно и есть. Мнения о надлежащем и мирном управлении обществом...

– Прошу прощения, но «мирное» – вовсе не то слово, которое приходит мне в голову при мысли о законе. В конце концов, в его основе лежит подчинение.

– Лишь с целью предотвратить опасное или антиобщественное поведение, – немного подумав, ответил Урусандер. – И здесь мы возвращаемся к первому моему комментарию, относительно проблемы морального свойства. Именно с ней я сражаюсь; должен признаться, без особых успехов. Так что... – он сделал еще глоток и, поставив кубок, взял нож, – оставим пока

идею насчет «мирного управления». Рассмотрим саму суть проблемы, а именно: закон существует для того, чтобы навязывать обществу правила приемлемого поведения. Добавим теперь к этому соображения о защите его от вреда, как физического, так и духовного, – и, думаю, вы сами увидите дилемму.

Поразмыслив, Кадаспала покачал головой:

– Законы определяют разрешенные формы подавления, повелитель. И потому они служат тем, кто, находясь во власти, получает право подавлять тех, кто этой власти лишен или же имеет ее слишком мало. Может, вернемся к искусству, повелитель? Критика по своей сути есть форма подавления. Ее предназначение – манипулировать как художником, так и зрителями, навязывая правила эстетической оценки. Что любопытно, первая ее задача – принизить мнения тех, кто ценит определенную работу, но не может или не готов сформулировать, почему он так считает. Иногда, естественно, кто-то из зрителей клюет на приманку, обижаясь, что его игнорируют как невежду, и критики скопом обрушиваются на него, дабы уничтожить глупца. Можно предположить, что они всего лишь защищают свое драгоценное гнездо. Но с другой стороны, именно таким образом власть имущие оберегают свои интересы, основанные на полном подавлении личных вкусов каждого индивида.

Урусандер сидел неподвижно, держа на весу нож с насаженным на него куском мяса. Когда Кадаспала закончил свою тираду, он положил нож на тарелку и снова потянулся к вину.

– Но я не критик, – заметил он.

– Разумеется, повелитель: потому я и сказал, что не желаю услышать ваше мнение. Всегда любопытно узнать, что думают критики. Тогда как суждения тех, кто руководствуется лишь эстетическими взглядами, мне просто интересны.

– Выпейте вина, Кадаспала, – усмехнулся Урусандер. – Вы этого заслужили.

Художник сделал скромный глоток.

– В былые времена, когда мы вот так же сидели здесь, – нахмурившись, произнес Урусандер, – вы могли в одиночку прикончить целый графин.

– В былые времена, повелитель, мне приходилось слушать рассказы о войне.

Урусандер громоподобно расхохотался, заставив слуг вздрогнуть. На кухне что-то с грохотом упало на каменный пол.

– Вино превосходное, повелитель, – сказал Кадаспала.

– Ведь так, согласитесь? А знаете, почему я не велел подавать его вплоть до сегодняшнего вечера?

– Каждое утро, повелитель, я проверяю свои склянki со спиртом для очистки кистей – не стащил ли их Хунн Раал?

– Именно так, художник, именно так. А теперь давайте поедим, но советую оставаться достаточно трезвым. Сегодня нам предстоит глубокомысленная беседа.

– Повелитель, – со всей искренностью ответил Кадаспала, – я буду молиться, чтобы наша беседа пережила эти свечи как единственную меру течения времени.

Урусандер задумчиво прищурился:

– Меня предупреждали, что в вашем обществе я могу рассчитывать лишь на грубое и язвительное отношение.

– Только когда я творю, повелитель. Только когда я творю. И если вы не против, мне интересно было бы услышать ваши соображения о моей работе.

– Мои соображения? У меня есть только одна мысль на сей счет, Кадаспала. Я и понятия не имел, что меня столь легко увидеть насквозь.

Художник едва не выронил кубок. Его спасло лишь быстрое вмешательство слуги.

Энесдия, дочь повелителя Джайна из дома Энес, хмуро стояла перед серебряным зеркалом. Ткань, из которой сшили ее новое платье, была окрашена соком какого-то клубня, дававшего при кипячении алый цвет, глубокий и чистый.

– Опять цвет крови, – недовольно сказала она. – Такое чувство, что все в Харканасе на этом просто помешались!

Отражавшиеся по бокам от нее швеи выглядели бледными и тусклыми, почти безжизненными.

Сидевший слева от женщин на диване Крил из дома Дюрав откашлялся в слишком хорошо знакомой Энесдии манере. Она повернулась к нему, подняв брови.

– И что мы будем обсуждать на этот раз? Покрой платья? Стил, принятый при дворе? Или теперь тебе не нравятся мои волосы? Так уж вышло, что я предпочитаю короткую стрижку. Чем короче, тем лучше. На что тебе, собственно, жаловаться? Не для того же ты сам отрастил волосы длиной с конский хвост, чтобы всего лишь соответствовать нынешней моде? Не знаю, зачем я вообще тебя пригласила.

На бесстрастном лице юноши на миг промелькнуло удивление, а затем он как-то криво пожал плечами:

– Я просто подумал: платье скорее багряное, чем алое. Или это зрение нас подводит?

– Идиотские предрассудки. Багряное... ладно, пусть.

– Недаром ведь женщины песьегонов называют такой цвет «порождение очага»?

– Потому что они варят эту краску на огне, дурачок.

– Думаю, здесь кроется нечто большее.

– Что, правда? Тебе больше нечем заняться, Крил? Может, тебе поупражняться в верховой езде? Потренировать лошадь или наточить меч?

– Ты пригласила меня затем, чтобы тут же отослать прочь? – Юноша плавным движением поднялся. – Будь я более чувствительной натурой, вполне мог бы обидеться. Впрочем, эта игра мне знакома: мы ведь всю жизнь в нее играем.

– О чем ты говоришь? Какая еще игра?

Крил направился было к двери, но остановился и обернулся с грустной усмешкой на губах:

– Прошу прощения, но мне нужно наточить лошадь и потренировать меч. Хотя, должен заметить, ты отлично выглядишь в этом платье, Энесдия.

Едва лишь она успела набрать в грудь воздуха, пытаясь придумать сколько-нибудь осмысленный ответ – который мог даже заставить его вернуться, будто дернув за невидимый поводок, – Крил выскользнул за дверь и исчез.

Одна из портних вздохнула, и Энесдия развернулась к ней:

– Хватит, Эфалла! Он заложник в этом доме, и ему следует оказывать всяческое уважение!

– Простите, госпожа, – склонив голову, прошептала Эфалла. – Но господин сказал правду: вы отлично выглядите!

Энесдия вновь переключила внимание на свое размытое изображение в зеркале.

– Думаешь, *ему* понравится? – прошептала она.

Крил на мгновение задержался в коридоре за дверью Энесдии, успев услышать последний обмен репликами между ней и служанкой. Все так же грустно улыбаясь, он направился в сторону Большого зала.

Крил Дюрав прожил на свете девятнадцать лет, последние одиннадцать из которых провел в качестве заложника в доме Джайна Энеса. Он уже был достаточно взрослым, чтобы понимать значение традиции. Хотя само слово «заложник» звучало уничижительно, намекая на плен и отсутствие личной свободы, на практике речь шла, скорее, об обмене. Более того, суще-

ствовали определенные правила и запреты, гарантировавшие права заложников, и в первую очередь – их личную неприкосновенность. Соответственно, Крил, рожденный в доме Дюрав, чувствовал себя в той же степени Энесом, как и Джайн, его сын Кадаспала или дочь Энесдия.

И это стало для него... несчастьем. Теперь подруга детства была уже не девочкой, но юной женщиной. Ничего не осталось от его детских грез, будто она на самом деле его родная сестра, – хотя сейчас Крил понимал, какая неразбериха царила в этих грезах. Для мальчика роли сестры, жены и матери с легкостью могли слиться воедино, вызывая мучительную тоску. Он сам не знал, чего ему хотелось от Энесдии, однако видел, как их дружба постепенно меняется и между ними растет неприступная, охраняемая строгими правилами приличия стена. Порой случались неловкие моменты, когда Крил и Энесдия оказывались чересчур близко друг к другу, но их неизменно останавливал этот новый, только что вытесанный камень, каждое прикосновение к которому вызывало чувство замешательства и стыда.

Теперь оба пытались найти свое место, определить разделяющую их надлежащую дистанцию. Или, возможно, на самом деле к этому стремился только он один. Крил точно не знал, и это свидетельствовало о том, сколь многое в последнее время изменилось. Когда-то, бегая вместе с Энесдией, он считал, что знает о ней все. А сейчас сомневался, что вообще ее знает.

И недаром, прежде чем покинуть ее комнату, юноша заговорил об играх, которые теперь происходили между ними. В отличие от былых игр, они не были, строго говоря, совместными. Эти новые игры велись по правилам, которые у каждого были свои, их исход приходилось оценивать самому, да и выиграть ничего, кроме неопределенности или тревоги, не представлялось возможным. Энесдия, однако, утверждала, что пребывает относительно этих игр в полном неведении. Хотя, пожалуй, «неведение» в данном случае было неподходящим словом. Скорее уж она продемонстрировала невинность.

Да вот только стоило ли ей верить?

Честно говоря, Крил порядком запутался. Энесдия переросла его во всех отношениях, и порой он чувствовал себя щенком у ее ног, рвущимся поиграть, тогда как для нее подобного рода развлечения остались далеко позади. Она считала его глупцом, насмехаясь над ним при каждом удобном случае, и Крил по десять раз на дню клялся себе, что с этим навсегда покончено, но затем в очередной раз отвечал на зов девушки – казавшийся все более властным – и вновь обнаруживал, что стал мишенью для ее колкостей.

Дюраву наконец стало ясно: слово «заложник» имеет и другое значение, не определяемое законами и традициями, но при этом заковывающее его в цепи, тяжелые и жестоко врезающиеся в плоть, так что он проводил дни и ночи напролет в мучительной тоске.

Так или иначе, Крилу шел двадцатый год. Оставалось всего несколько месяцев до того момента, когда его должны были освободить и отправить домой, где он смущенно сядет за стол вместе с сородичами, чувствуя себя в странной ловушке посреди семьи, рана в сердце которой уже полностью затянулась за время его долгого отсутствия. Все это: Энесдия и ее гордый отец; Энесдия и ее пугающе одержимый, но, несомненно, выдающийся брат; Энесдия и тот, кто вскоре станет ее мужем, – окажется в прошлом, став всего лишь событием истории, с каждым днем теряющим власть над ним и его жизнью.

Крил настолько тосковал по свободе, что места для иронии в его мыслях уже не оставалось.

Войдя в Большой зал, он тут же остановился, увидев стоявшего возле камина повелителя Джайна. Взгляд старика был устремлен на массивную каменную плиту перед камином, с высеченными на ее гранитной поверхности древними словами. В языке тисте имелись сложности с понятием сыновнего долга – по крайней мере, так любил говорить друг Кадаспалы, придворный поэт Галлан, – что как будто намекало на некий фундаментальный духовный изъян, и потому, как часто бывало в подобных случаях, надпись была сделана на языке азатанаев. Казалось, будто множество азатанайских даров заполняло пыльные ниши и провалы, возникшие

из-за недостатков в характере тисте, и ни один из этих даров не был лишен символического значения.

Крилу, как заложнику, был недоступен смысл этих тайных азатанайских слов, много лет назад подаренных роду Энесов.

«Странно, – подумал он, кланяясь Джайну, – что тисте запрещают изучать письмо древних каменщиков».

Джайн, похоже, угадал, что на уме у юноши, поскольку кивнул и сказал:

– Галлан заявляет, будто может читать по-азатанайски, что наделяет его нечестивой привилегией знать священные слова каждого знатного семейства. Признаюсь, – добавил он, слегка поморщившись, – эта мысль мне не по душе.

– Но поэт утверждает, что подобное знание ведомо лишь ему одному, повелитель.

– Поэтам, юный Крил, доверять нельзя.

Заложник хорошенько обдумал это заявление, однако так и не сумел найти подходящий ответ. А потому сказал:

– Повелитель, прошу вашего разрешения оседлать лошадь и отправиться на охоту. Мне пришлось в голову поискать следы экалл в западных холмах.

– Следы экалл? Но их не видели там уже многие годы, Крил. Боюсь, твои поиски будут напрасны.

– В любом случае поездка верхом пойдет мне на пользу, повелитель.

Джайн кивнул: похоже, он прекрасно понял, какая буря эмоций скрывается за бесстрастными словами юноши. Взгляд его снова вернулся к камину.

– В этом году, – произнес повелитель, – мне предстоит расстаться с дочерью. И... – он вновь посмотрел на Крила, – с самым любимым моим заложником.

– А я, в свою очередь, чувствую себя так, будто меня скоро изгонят из единственной семьи, к которой я по-настоящему принадлежу. Двери закрываются за нами, повелитель.

– Но, хотелось бы верить, не навсегда?

– Воистину нет, – ответил Крил, хотя в мыслях его возник образ закрывающегося со скрежетом тяжелого замка; некоторые двери, стоило им однажды захлопнуться, становились непреступными для любых желаний.

Взгляд Джайна слегка дрогнул, и он отвернулся.

– Даже стоя на месте, мир движется вокруг нас. Я прекрасно помню, как ты впервые тут появился: худой паренек с диким взглядом. Во имя Бездны, в вас, Дюравах, есть что-то звериное – ты походил на дикого кота, но тебе едва хватало роста, чтобы оседлать коня. По крайней мере, мы, похоже, хорошо тебя кормили.

Крил улыбнулся:

– Повелитель, говорят, будто Дюравы медленно растут...

– Они многое делают не спеша, Крил. Медленно учатся правилам поведения в обществе, в чем, должен признаться, я нахожу определенное обаяние. Ты тоже был таким, несмотря на все наши усилия, что нас даже радует. Да, – продолжал Джайн, – Дюравы во многом неторопливы: в суждениях и в гневе... – Он повернулся, испытующе глядя на собеседника. – Ты еще не злишься, Крил Дюрав?

Вопрос поразил юношу, едва не заставив его отшатнуться.

– Повелитель?! Я... у меня нет никаких причин злиться. Мне грустно, что я покидаю ваш дом, но ведь в этом году есть и повод для радости. Ваша дочь скоро выходит замуж.

– Воистину. – Джайн чуть дольше задержал взгляд на Криле, а затем, будто признавая его правоту, показал на камин. – И она преклонит колени перед таким же камином в большом доме, который уже сейчас строит для нее жених.

– Андариист – прекрасный мужчина, – со всей возможной бесстрастностью проговорил Крил. – Достойный и преданный. Это будет надежный союз, повелитель, во всех отношениях.

– Но любит ли его Энесдия?

От подобных вопросов Крилу всегда становилось не по себе.

– Какие в этом могут быть сомнения, повелитель? Наверняка любит.

Джайн вздохнул:

– Ты ведь прекрасно знаешь мою дочь, вы с ней уже столько лет дружите. Значит, Энесдия его любит? Что ж, я рад. Крайне рад слышать это от тебя.

Крил знал, что вскоре ему предстоит уйти, и точно так же он знал, что ни разу не обернется назад. И еще юноша был уверен в том, что, как бы ни любил этого старика, более никогда уже сюда не вернется. Молодой Дюрав не чувствовал в груди ничего, кроме холода остывших углей, угрожавших задушить его пеплом, если он вдохнет чересчур глубоко.

У Энесдии будет своя каминная плита. У них с супругом появятся особые слова, известные только им одним, первые слова тайного языка, который всегда существует между мужем и женой. Дары азатанаев были непростыми, так уж повелось с самого начала.

– Повелитель, так я могу сегодня отправиться верхом на охоту?

– Конечно, Крил. Поищи экалл, а если найдешь хоть одну, то убей ее, и мы устроим славный пир. Как в былые времена, когда дичи водилось в изобилии.

– Постараюсь, повелитель.

Поклонившись, Крил вышел из Большого зала. Ему не терпелось отправиться подальше отсюда, в западные холмы. Он собирался взять с собой охотничье копье, но, если честно, не рассчитывал выследить столь благородное создание, как экалла. Бывая прежде в тех местах, Дюрав находил лишь кости, оставшиеся после прошлых охот и разделки туш.

Экалл больше нет – последнюю убили десятилетия назад.

Сидя в седле, Крил слышал стук конских копыт, воображая, будто каждый их удар – звук очередной захлопывающейся двери. И так могло продолжаться до бесконечности.

Экалл больше не осталось. Холмы были мертвы.

Даже дурные привычки доставляют удовольствие. В юности Хиш Тулла отдавала свое сердце, как казалось со стороны, с беззаботной легкостью, как будто оно ничего не стоило; однако на самом деле это было вовсе не так. Хиш просто хотелось, чтобы оно оказалось в чьих-то руках. Ошибка девушки заключалась в том, что ее любовь слишком легко было завоевать, и, соответственно, тот, кому это удавалось, не слишком высоко ее ценил. Неужели ни один мужчина не понимал, как бедняжка страдала каждый раз, когда ее, попользовавшись, отбрасывали прочь, словно ненужную вещь? Неужели они считали, что ей нравится осознавать, сколь мало она на самом деле стоит?

«О, наша дорогая Хиш быстро придет в себя. С ней всегда так бывает...»

Привычка подобна розе, и когда она расцветает, можно увидеть, как каждый лепесток раскрывает свой собственный узор, в котором внутри больших привычек прячутся малые. На одном лепестке – точные указания, как изобразить улыбку, изящно махнуть рукой и пожать плечами. На другом, пышном и цвета кармина, – множество слов и порывов, воскрешающих живую натуру Хиш, позволяющих ей изящно проскальзывать сквозь любые комнаты, сколько бы оценивающих глаз за ней ни следило. И разве она не держалась изо всех сил за стебель этой розы?

Хиш чувствовала под собой успокаивающее тепло шкуры мерина. Прячась под ветвями дерева от внезапного ливня, она видела сквозь косые струи дождя троих мужчин, стоявших возле базальтового надгробия посреди поляны, в окружении склепов и могил, которые дождь поливал так отчаянно, будто стремился их все утопить.

С двоими из братьев Хиш Тулла уже познала плотское наслаждение, но третий, даже если бы ей сейчас этого захотелось, оставался для нее недостижим, поскольку скоро должен был жениться. Похоже, для Андариста любовь была чем-то редким и достаточно ценным, так

что, положив ее к ногам одной женщины, он теперь ни на кого больше не посмотрит, даже взгляда не отведет от своей избранницы. Ветреная самовлюбленная дочка Джайна Энеса не ценила своего счастья, в чем Хиш не сомневалась, поскольку во многом видела в Энесдии себя. Лишь недавно ставшая женщиной, та жаждала любви, опьяненная ее властью, – но вот сколько пройдет времени, прежде чем она начнет грызть удила?

Хиш Тулла была сама себе госпожой и владычицей своей Обители. У нее не было мужа, и она совершенно не стремилась завести семью. Теперь от ее бывшей привычки остались лишь высохшие, почти почерневшие лепестки и шипастый стебель, потемневший и густо покрывшийся чем-то вроде багряного воска. Они служили ей вместо старого друга, которому можно было довериться, который все понимал и никогда не пытался спорить. Когда Хиш проходила через ту или иную комнату, ее больше не волновало, что, как им казалось, видели те, кто следили за ней взглядом, – незамужнюю женщину, которая выглядит старше своих лет, покрытую шрамами безумную рабыню плотских утех, вновь вернувшуюся с небес на землю, хотя все еще готовую пококетничать и ослепительно улыбнуться.

Дождь закончился, завеса льющей с неба воды внезапно опала, и вновь вспыхнуло яркое солнце. Вода все еще стекала с листьев и черных ветвей, капая на провощенный плащ подобно слезам. Прищелкнув языком, Хиш Тулла тронула коня с места. Под копытами влажно захрустели камни, и трое братьев повернулись на звук.

Пурейки приехали по южной дороге, не обращая внимания на ливень, и Хиш поняла, что они не заметили ее, когда привязали лошадей перед склепом, спешили и подошли к лишенной каких-либо надписей плите, закрывавшей могилу. В этом склепе, в выдолбленном стволе черноты, обрело вечный покой тело их отца Нимандера. С его смерти прошло всего два года, так что память об утрате была еще свежа.

Глядя на братьев, Хиш поняла, что нарушила их уединение. Женщине показалось, что все трое взирают на нее неодобрительно и даже, пожалуй, слегка встревоженно. Подняв руку в перчатке, она подъехала ближе. И пояснила:

– Я пряталась от дождя, когда появились вы. Прошу прощения за вторжение, оно не было намеренным. Это произошло случайно.

Сильхас Гиблый, несколько лет назад бывший в течение пары месяцев предметом страстного обожания Хиш, прежде чем потерять к ней интерес, заговорил первым:

– Госпожа Хиш, мы знали, что не одни, но тень под деревом скрывала тебя. Как ты заметила, встреча наша случайна, но не сомневайся: мы всегда тебе рады.

Как правило, ее бывшие любовники были безупречно вежливы, вероятно, потому, что она никогда не пыталась никого из них удержать. Разбитому сердцу хватало сил лишь на то, чтобы уползти прочь со слабой улыбкой и полными слез глазами. Хиш подозревала, что за их учтивыми словами кроется жалость.

– Спасибо, – ответила она. – Я хотела только поздороваться. А теперь я поеду дальше и оставлю вас наедине с воспоминаниями.

– Госпожа Хиш Тулла, – сказал Аномандер, – ты ошиблась насчет наших намерений. Нам не нужно надгробие, чтобы сохранить память о любимом отце. На самом деле нас привело сюда любопытство.

– Любопытство, – согласился Сильхас Гиблый, – и решимость.

– Господа, – нахмурилась Хиш, – боюсь, я вас не понимаю.

Она увидела, как Андариист отвел взгляд, будто пытаясь сделать вид, что он тут ни при чем. Хиш знала, что он вовсе не намерен проявить к ней неуважение, но, с другой стороны, у этого мужчины не имелось причин ее жалеть, так что вежливость мало его заботила.

Даже когда братья стояли рядом, каждый из них в каком-то смысле держался особняком. Все трое были высокого роста, и в каждом чувствовалось нечто притягательное и уязвимое. Весь мир мог бы лежать у их ног, но при этом им были чужды гордыня и высокомерие.

Сильхас Гиблый, белокожий и красноглазый, махнул рукой с длинными пальцами в сторону базальтовой плиты.

– По распоряжению нашего отца, – пояснил он, – высеченные на его могильном камне слова скрыты на другой стороне надгробия, внутри. Они предназначались лишь ему одному, хотя покойный уже более не в силах ни увидеть их, ни осознать.

– Весьма... необычно.

Аномандер, загорелое лицо которого походило цветом на бледное золото, улыбнулся:

– Госпожа, ты по-прежнему удивительно добра и нежна, несмотря на прошедшие годы.

Хиш поразили эти слова, произнесенные, как ей показалось, неподдельно искренним тоном. Женщина испытующе взглянула на бывшего любовника, но не увидела в его глазах никакой иронии или насмешки. Аномандер был ее первым мужчиной. Тогда они были совсем юными. Она вспомнила те времена: смущенный смех и нежности, невинность и неуверенность.

«Почему все закончилось? Ах да, он ушел на войну».

– Нам пришла в голову мысль поднять этот камень, – сказал Сильхас.

Андарист повернулся к брату и уточнил:

– Не нам, а тебе, Сильхас. Потому что тебе вечно хочется все знать. Но надпись в любом случае сделана на языке азатанаев. Для тебя эти слова ничего не будут значить, и это правильно. Они никогда не предназначались нам, а на укус наших глаз ответят лишь горьким проклятием.

Сильхас Гиблый негромко рассмеялся:

– Это все предрассудки, Андарист. Хотя я вполне тебя понимаю. – Не обращая больше внимания на брата, он продолжил: – Госпожа Хиш, отсюда мы поедем на место строительства нового дома Андаришта. Там нас ждет азатанайский каменщик с каминной плитой, которую Аномандер заказал в качестве свадебного подарка. – Он снова махнул рукой, в той же беззаботной манере, как и годы назад. – Собственно, мы лишь слегка отклонились от пути, под воздействием порыва. Может, поднимем камень, а может, и нет.

С точки зрения Хиш, порывистость не была свойственна Сильхасу, да и вообще, если уж на то пошло, никому из трех братьев. Если их отец решил подарить эти слова тьме, то сделал это в честь женщины, которой он служил всю свою жизнь. Хиш снова посмотрела в глаза Аномандеру:

– Вскрыв гробницу, вы все вдохнете дыхание мертвеца, и это правда, а не предрассудок. Что последует потом, проклятие или болезнь, ведомо лишь провидцам. – Она взяла поводья. – Прошу вас, воздержитесь ненадолго от своей затеи, чтобы я успела покинуть это место.

– Ты едешь в Харканас? – спросил Сильхас.

– Да.

Если он надеялся услышать более подробные объяснения, то просчитался. Хиш тронула коня, направляя его по дороге, которая вела через вершину холма. Гробницы со всех сторон древнего кладбища, казалось, присели в ожидании нового дождя; многие из них были покрыты мхом, яркая зелень которого била в глаза.

Чувствуя устремленные ей вслед взгляды, Хиш Тулла подумала: интересно, какими словами эти трое обмениваются сейчас, после того как встреча с ней пробудила у Аномандера и Сильхаса старые воспоминания, полные если не сожаления, то горечи? Удивленными или ироническими? Хотя, наверное, братья просто рассмеются, отбрасывая прочь замешательство, и постараются забыть о том, что было много лет назад.

А потом, скорее всего, Сильхас напряжет мышцы, поднимая надгробный камень, и взглянет на скрытые слова, высеченные на пыльном черном базальте. Естественно, он не сумеет их прочесть, но, возможно, опознает пару знаков и уловит часть послания его отца Матери-Тьме, будто случайный фрагмент не предназначенного для чужих ушей разговора.

Вместе с дыханием мертвеца появится чувство вины, горькое и затхлое, вкус которого ощутят все трое, и Андарист придет в ярость – ибо ему вовсе не хочется нести нечто подобное в

новый дом для себя и молодой жены. И он имеет полное право быть суеверным: любые важные перемены в жизни всегда сопровождаются знаменами.

Горький и затхлый запах – запах вины. Собственно, мало чем отличающийся от запаха мертвой розы.

– У меня до сих пор сердце кровью наливается, стоит лишь мне ее увидеть, – пробормотал Аномандер.

– Только сердце, братец?

– Сильхас, ты вообще слушаешь, что я говорю? Я всегда тщательно подбираю слова. Хотя, может, ты имеешь в виду себя?

– Да, пожалуй. Признаюсь, в моих глазах Хиш и поныне прекрасна, и если я вождею ее и поныне, то не стыжусь в этом признаться. Думаю, даже сейчас мы лишь летим, кружась, за ней следом, будто листья с упавшего дерева.

Андарист молча слушал их, не имея возможности поделиться какими бы то ни было нежными воспоминаниями о выехавшей из тени дерева прекрасной женщине. И все же он решил заговорить с братьями: может, удастся отвлечь Сильхаса от задуманного и разубедить его.

– Брат, – сказал он, повернувшись к Сильхасу, – а почему у вас с Хиш все закончилось?

Покрытое каплями дождя белое лицо Сильхаса Гиблого напоминало высеченную из алебастра статую.

– Я и сам хотел бы это знать, Андарист, – вздохнул он. – Думаю, я просто понял, что эта женщина слишком... эфемерна. Будто туманное облачко, которое не ухватить. Сколько бы внимания она мне ни уделяла, все время казалось, словно бы чего-то не хватает. – Он покачал головой и беспомощно пожал плечами. – Хиш Тулла неуловима, подобно сновидению.

– И видимо, она таковой и осталась? – предположил Андарист. – Хиш ведь так и не вышла замуж.

– Полагаю, все ее ухажеры сдались, – ответил Сильхас. – Рядом с ней каждый слишком отчетливо видит собственные изъяны и, устыдившись, уходит, чтобы больше не возвращаться.

– Возможно, ты и прав, – задумчиво проговорил Аномандер.

– Похоже, эта женщина нисколько не страдает от одиночества, – заметил Сильхас, – и все так же уделяет немало внимания изяществу и совершенству. Когда Хиш является вдруг, изысканная и отстраненная, будто произведение искусства, у любого мужчины вполне может возникнуть желание сблизиться с ней, пытаясь найти ошибки творца, но... Вот парадокс: чем ближе ты оказываешься, тем все более туманным и расплывчатым становится ее образ перед твоими глазами.

Андарист заметил, что Аномандер не сводит взгляда с Сильхаса, но когда тот заговорил, стало ясно, что мысли его идут в ином направлении, нежели те, которые сносила сейчас Сильхаса.

– Брат, ты видишь в Хиш Тулле потенциального союзника?

– Если честно, то даже не знаю, – протянул Сильхас. – Похоже, она само воплощение нейтралитета.

– Да, – согласился Аномандер. – Что ж, подумаем об этом позже. А пока скажи: что ты решил насчет надгробного камня?

Закрыв глаза, Андарист ждал ответа брата.

Сильхас отозвался не сразу.

– Вижу, снова собирается дождь, а у нас впереди еще лига пути. В долине будет грязно и скользко. Так что предлагаю пока отложить этот вопрос. Успокойся, Андарист. Я не стану делать ничего такого, что угрожало бы твоему будущему, и хотя сам я не верю в предзнамено-

вания и прочее, однако не хочу понапрасну огорчать тебя. Так что, прошу прощения за эту шутку, не будем зря беспокоить хромого пса.

– Спасибо, – поблагодарил Андарист, взглянув на Сильхаса, чьи глаза были полны тепла. – И я не держу на тебя зла за твои шутки, как бы они ни действовали мне на нервы и сколь бы надменными ни казались.

Улыбка Сильхаса стала шире, и он рассмеялся:

– Тогда веди нас. Твои братья хотят встретиться с прославленным каменщиком и по достоинству оценить его дар.

– Не только прославленным, – пробормотал Аномандер, – но еще и дьявольски дорогим. Они вернулись к лошадям, оседлали их и тронулись с места.

Андарист взглянул на Аномандера:

– Надеюсь, однажды я отблагодарю тебя, брат, ответив на твою жертву чем-нибудь столь же достойным и благородным.

– Когда речь идет о любви, никакая жертва не бывает слишком велика, Андарист. Кто из нас станет колебаться, когда дело касается такого богатства? Нет, братец, я всего лишь пошутил. Буду только рад принести тебе этот дар, и, надеюсь, ты и твоя невеста примете его с меньшей радостью.

– Мне вспоминается дар нашего отца, – помедлив, проговорил Андарист. – Матерь-Тьма вознаградила главу семьи за преданность, возвысив его сыновей, а ты, Аномандер, занял самое высокое положение среди нас.

– К чему ты клонишь?

– Неужели ты позволил бы Сильхасу осквернить могилу отца?

– Осквернить? – не веря своим ушам, переспросил Сильхас. – Я всего лишь хотел...

– Сорвать печать, – закончил Андарист. – Как еще это можно назвать?

– В любом случае ничего не произошло, – сказал Аномандер. – Так что и обсуждать тут нечего. Братья, приближается радостный миг. Оценим же его по достоинству. Нас связывают кровные узы, и так будет во веки веков. Таков величайший дар нашего отца – станет ли кто-то из вас с этим спорить?

– Нет, конечно, – проворчал Сильхас.

– И хотя я теперь возвышен до Первого Сына Тьмы, но не останусь один. Вы оба будете рядом со мной. Нашим наследием должен стать мир, и мы вместе его добьемся. В одиночку я ничего не смогу.

Какое-то время они ехали молча. Наконец Сильхас произнес, тряхнув головой:

– Хиш Тулла явно к тебе равнодушна, Аномандер. И наверняка сочтет твои устремления благородными.

– Надеюсь, Сильхас.

– Хотя я знаю эту женщину не столь хорошо, как вы, – вмешался Андарист, – она известна своей учтивостью и определенной... прямотой. Я вообще ни разу не слышал дурного слова в адрес Хиш Туллы, что само по себе примечательно.

– То есть вы полагаете, что мне стоит к ней обратиться? – спросил Аномандер, переводя взгляд с одного брата на другого.

Оба согласно кивнули.

Аномандер верно поступил, подумал Андарист, напомнив о том, что ждет их впереди. Близилась схватка, и во имя Матери-Тьмы им предстояло оказаться в самом центре противостояния. Так что надо избегать любых взаимных упреков и раздоров: такого они просто не могут себе позволить.

Сквозь ветви деревьев по сторонам дороги виднелось ясное небо, и яркое солнце поливало листья расплавленным золотом.

– Похоже, – сказал Сильхас, – дождя не предвидится. Полагаю, Андариист, твои строители этому только рады.

Андариист кивнул.

– Говорят, азатанаи обладают властью как над землей, так и над небом.

– Это земли тисте, – возразил Аномандер. – Земли Обитатели Пурейк. Не припоминаю, чтобы, приглашая каменщиков, я дал им разрешение использовать магию направо и налево. Хотя, – слегка улыбнувшись, добавил он, – вряд ли я стану возражать против безоблачного неба у нас над головой.

– Мы явимся в клубах пара, – рассмеялся Сильхас, – будто порождения Хаоса.

Зависть была неподобающим чувством, и Спаро отчаянно с ней боролся, глядя, как слуги, держа в руках завернутый в мешковину тяжелый сверток, медленно возвращаются от повозки. Ткань легко соскользнула с поверхности каминной плиты, и со стороны каменщиков и плотников послышались восхищенные вздохи.

Позади мастера-тисте находился массивный фундамент нового дома, и ему даже не требовалось оборачиваться, чтобы ощутить, как тускнеет величие этих камней по сравнению с азатанайским артефактом. В центре Большого зала, где ей и предстояло расположиться, каминная плита выглядела как прекрасно ограненный драгоценный камень среди речного галечника. Чувствуя себя униженным, Спаро не стал возражать, когда стоявший рядом с ним великан проворчал:

– Убери своих рабочих, уважаемый Спаро. Для перемещения камня я разбужу колдовство.

Спаро почувствовал, как по его спине под грубой рубахой стекает пот.

– Достаточно! – рявкнул он своей команде. – Всем отойти на безопасное расстояние!

Он смотрел, как его подчиненные спешат прочь, бросая испуганные взгляды на верховного каменщика азатанаев.

– Бояться нечего, уважаемый.

– Магия земли подобна дикому зверю, – ответил Спаро. – Она никогда нам не покорялась. Азатанай снова что-то проворчал.

– И тем не менее вы, тисте, снова и снова пользуетесь ее дарами.

Возразить было нечего. Спаро взглянул на верховного каменщика, опять почувствовав исходящую от азатанай мощь, которая грозила вырваться на свободу, и увидел дикое, почти звериное выражение его лица.

– Кушанье намного приятнее, господин, когда можно его приготовить, не замавав руки кровью.

– Так, стало быть, ты не охотник? Довольно-таки необычно для тисте.

Спаро пожал плечами:

– В последнее время все переменялось. Большинство зверей перебили, и они никогда уже не вернутся на наши земли. Похоже, дням нашей славной охоты скоро придет конец.

– Тогда будем надеяться, – прогрохотал каменщик, – что тисте не начнут охотиться на последнюю добычу, которая у них останется.

– И на кого же? – нахмурился Спаро.

– Друг на друга, естественно.

Азатанай сбросил накидку из овчины, которая упала на землю, открыв толстый и покрытый шрамами кожаный жилет с широким поясом, снабженным железными кольцами для инструментов, и направился к повозке. Яростно уставившись на широкую спину чужеземца, Спаро размышлял над его последними словами, показавшимися ему довольно обидными. Пусть даже этот азатанай непревзойденный мастер по обработке камня, а в крови его бурлит

дикая и необузданная магия земли, однако подобные таланты еще не являются оправданием для подобного рода скрытых оскорблений.

Но если бы Спаро повторил эти слова повелителю Андаристу, тот наверняка не усмотрел бы в этом ничего особенного, а его собственный гнев считал бы банальным проявлением зависти. Ведь Спаро привык считаться лучшим каменщиком среди соплеменников-тисте, и появление пришельцев-азатанаев переживал болезненно: это все равно что сыпать соль на рану.

Воздух слегка задрожал, над землей пронесся едва заметный, подобный легкому дыханию ветерок. Что-то невнятно бормоча, около десятка рабочих отступили еще дальше, столпившись возле груд каменных обломков и деревянных лесов по другую сторону главной дороги. Сражаясь с охватившей его тревогой, Спаро смотрел, как каминная плита поднимается над повозкой. Быков уже распрягли и увели, чтобы те не ударились в панику, когда пробудится вся мощь азатанайской магии. Как только огромный кусок базальта соскользнул с повозки, верховный каменщик направился к дому, и камень поплыл следом за ним, будто верный пес. Земля проваливалась, словно бы прогибаясь под тяжестью базальта. Мелкие камешки разлетались в стороны, будто отбрасываемые гигантским колесом, а некоторые и вовсе рассыпались в пыль. Воздух начал искриться; вдоль всего пути каминной плиты, умело направляемой азатанам к месту назначения, жухла трава и дымились земля.

Услышав на тропе, что вела к дороге, стук копыт, Спаро обернулся и увидел выезжающих из тени близлежащих деревьев повелителя Андариста и его братьев. Всадники резко осадил лошадей, глядя на происходящее. Не обращая на них внимания, азатанай продолжал идти вперед, а каминная плита скользила за ним следом: через полукруглую поляну перед домом, а затем по широкому уклону, к еще не заполненному каменной кладкой провалу. Насыпь просела под парящим камнем, по утоптанной земле пошли трещины.

Андарист спешился и подошел к Спаро, который поклонился и сказал:

– Господин, я просил азатаная дожидаться вашего прибытия, но он оказался слишком нетерпеливым.

– Не важно, Спаро, – ответил Андарист, не сводя взгляда со скользящей уже над порогом дома каминной плиты.

Стены еще не были достаточно высокими, чтобы заслонять обзор. Верховный каменщик опустил свое творение на земляной пол будущего Большого зала. Каминная плита оставляла вмятины, приближаясь к ожидающей ее неглубокой яме.

– Это было невежливо с его стороны, господин...

– Задержка случилась по нашей вине. И из-за непогоды на юге.

Повелитель Аномандер подошел к брату, в то время как Сильхас Гиблый продолжал сидеть неподалеку в седле.

– Говорят, будто магия земли сильнее всего в определенное время дня и ночи. Так что, полагаю, верховный каменщик не видел смысла задерживаться, дабы потом не пришлось прилагать больше усилий. – Он бросил взгляд на Андариста. – По крайней мере, мы с ним это обсуждали.

Спаро знал, что заказ сделан по распоряжению Аномандера и на его деньги. К тому же всем было прекрасно известно: этот верховный каменщик азатанаев считался лучшим среди всех мастеров, не имевшим себе равных среди ныне живущих, что, пожалуй, ставило его наравне с самим Аномандером, которого Мать-Тьма избрала своим Первым Сыном.

Андарист повернулся к брату, и глаза его вспыхнули.

– Мне хотелось бы, чтобы ты, Аномандер, вместе со мной увидел, как твой дар устанавливают на место. – Он повернулся и помахал Сильхасу. – И ты тоже, Сильхас!

Но тот лишь покачал головой:

– Это дар Аномандера, и он предназначен тебе, Андариист. Меня вполне устроит наблюдать со стороны. Идите, да побыстрее, пока это неучливое создание не забыло, зачем оно здесь и для кого был сделан этот камень.

Андариист жестом пригласил Спаро присоединиться к ним, и каменщик снова поклонился:

– Господин, я всего лишь...

– Ты мой каменщик, Спаро, превосходный мастер, чья любовь к искусству, с моей точки зрения, вполне достаточный повод оказать тебе эту честь. Идем с нами. Взглянем на этот великий труд.

Следуя в шаг за повелителем и его братом, Спаро чувствовал, как отчаянно бьется его сердце. Естественно, ему предстояло не раз увидеть творение верховного каменщика в ближайшие месяцы, на его законном месте в Большом зале, но даже обработанный азатанам твердый базальт был уязвим перед износом, царапинами, пятнами и выбоинами, неизбежными при работающем камине. И несмотря на то что Спаро испытывал жгучую зависть, он искренне любил свое дело и интересовался искусством обработки камня: это Андариист правильно подметил.

Не говоря ни слова, Спаро присоединился к господам на утоптанном земляном полу Большого зала. Азатанай стоял возле каминной плиты, парившей над предназначенным ей местом. Верховный каменщик повернулся к Андариисту и бесстрастно проговорил:

– Земля поведала мне о твоём приближении. Это ты скоро женишься? И это будет твой дом?

– Да, я Андариист Пурейк.

Широкая физиономия верховного каменщика повернулась к Аномандеру.

– А ты, видимо, Первый Сын Матери-Тьмы? Принесший этот дар своему брату и женщине, которую он возьмет в жены?

– Да, – кивнул Аномандер.

– И тем самым, – продолжал верховный каменщик, – ты связываешь себя кровными узами и клятвой с тем, что будет тут построено, и с тайными словами, высеченными на этой каминной плите. Коли вдруг сомневаешься в своей преданности, то лучше скажи сразу, Первый Сын. Как только этот камень окажется на своем месте, узы клятвы уже невозможно будет разрушить, и, если твоя любовь и верность не выдержат испытаний, даже я не берусь предсказать последствия.

Услышав подобное заявление, оба брата вдруг замерли, а Спаро почувствовал, как что-то тяжело сдавило его грудь, как будто внезапно перестало биться сердце. Он с трудом перевел дух.

– Верховный каменщик, – склонив голову, сказал Аномандер, – ты говоришь так, как будто сомневаешься в том, что я люблю Андарииста и желаю, чтобы новая жизнь, которая его ждет, сложилась наилучшим образом. Мало того, послушать тебя, так этот дар несет в себе угрозу или даже проклятие.

– Таково скрытое свойство любого дара, Первый Сын, а потому всегда прежде стоит хорошенько подумать.

– Договор между нами, – продолжал Аномандер, – включал плату за твои услуги...

– Не совсем так, – ответил азатанай. – Ты заплатил за извлечение этой каминной плиты из Джеларканских каменоломен, а также за ее охрану и перевозку. На твои деньги были куплены повозки, тягловые животные и оплачено необходимое сопровождение через Баретскую пустошь. За свои умения я ничего не беру.

– Прошу прощения, верховный каменщик, – нахмурился Аномандер, – но я явно оплатил намного большее, нежели ты только что перечислил.

– Джеларканские каменоломни находятся на спорной территории, господин. Добыча этого камня стоила нескольких жизней. Пришлось подумать о компенсации безутешным родственникам.

– Это меня... огорчает, – ответил Аномандер, и Спаро почувствовал, что в душе воина нарастает ярость.

– Выбранный камень отличается непревзойденными способностями хранить и поддерживать ту магию, которую я в него вложил. Если ты желал получить меньший дар, тебе не следовало ко мне обращаться. Среди азатанаев есть множество опытных каменщиков, любой из которых вполне мог бы сослужить тебе хорошую службу. Но ты искал самого лучшего мастера, чтобы выразить всю меру своей преданности брату и его будущей супруге. – Азатанай пожал плечами. – Что ж, я сделал то, что ты просил. Этой каминной плите нет равных во всем королевстве тисте.

– И теперь ты стоишь перед нами, – заключил Аномандер, – требуя от меня принести клятву на крови.

– Нет, – возразил верховный каменщик, скрестив на груди мускулистые руки. – Этого требуют камень и высеченные на нем слова. Этого требует честь, которую ты желаешь оказать своему брату.

На лице Андариста отразилось смятение, и он хотел было что-то сказать, но брат быстро покачал головой, заставив его замолчать.

– Ты утверждаешь, не приводя тому никаких доказательств, что знаки, которые ты высек на камне – доступные только Андаристу и Энесдии, – и в самом деле сулят любовь, верность и плодovitость. И тем не менее ты просишь меня, здесь и сейчас, связать себя клятвой на крови с этой тайной надписью. Со словами, которые навсегда останутся для меня неведомы.

– Да, – ответил верховный каменщик. – Тебе придется поверить. В мою честность и, естественно, в свою собственную.

Вновь наступило мгновение, когда весь мир будто замер и ничто не могло нарушить тишину, а затем Аномандер вытащил висевший на поясе кинжал и провел лезвием по левой ладони. Потекла кровь, капая на землю.

– Окропить кровью базальт? – спросил он.

Но верховный каменщик покачал головой:

– В том нет необходимости, Первый Сын Матери-Тьмы.

Каминная плита медленно опустилась на свое земляное ложе.

Спаро судорожно вздохнул и почти успокоился, чувствуя, как мир снова становится на место. Взглянув на своего господина, он увидел бледное и потрясенное лицо Андариста: кажется, тот даже испугался.

Никто из братьев не ожидал, что им придется пережить мгновение, преисполненное столь дурных предзнаменований. Взгляд Аномандера посерьезнел, став подобным граниту, и он посмотрел прямо в лицо верховному каменщику:

– Значит, все закончилось?

– Закончилось, – подтвердил азатанай.

Голос Аномандера стал жестче:

– В таком случае я вынужден выразить свою тревогу, ибо положился на честность азатаная, которого знаю исключительно по его репутации – умению обрабатывать камень и могуществу, которым он, по его собственным словам, обладает. Ты слишком далеко зашел в вопросах доверия, господин. Оно должно быть взаимным.

Глаза азатаная сузились, и он медленно выпрямился.

– Чего же ты попросишь от меня взамен, Первый Сын?

– Уз крови и ответной клятвы, – промолвил Аномандер. – Будь достоин моего доверия. Только и всего.

– Мою кровь ты уже получил. – Азатанай указал на каминную плиту. – Что же касается ответной клятвы... ничего подобного никогда еще не бывало. Дела тисте меня совершенно не заботят, и я не собираюсь клясться в верности знатной особе из Премудрого града Харканаса, поскольку не хочу оказаться втянутым в кровопролитие.

– В королевстве тисте царит мир, – ответил Аномандер, – и так оно и останется впредь. – Поняв, что азатанай не собирается уступать, он добавил: – Взаимное доверие не предполагает союзничества, верховный каменщик. Если ты принесешь клятву, я вовсе не потребую, чтобы ты проливал кровь от моего имени.

Андарист повернулся к брату:

– Аномандер, прошу тебя. Совершенно не обязательно...

– Этот верховный каменщик добился клятвы на крови от Первого Сына Матери-Тьмы, брат. Он что, полагает, будто это ничего не стоит? Если мы заключили договор, то разве я не вправе требовать от него заплатить той же монетой?

– Но он ведь азатанай...

– А разве азатанай не связаны законами чести?

– Аномандер, не в этом дело. Как ты сам говорил, кровные узы двусторонни. Пока что ты связал себя ими лишь с этой каминной плитой. Ты поклялся поддерживать своего брата, женщину, которую он любит, и всячески оберегать их союз. Если подобное не входило в твои намерения с самого начала, то не лучше ли услышать об этом сейчас, как и сказал верховный каменщик?

Аномандер отшатнулся, словно бы от удара, подняв окровавленную руку.

– Я нисколько в тебе не сомневаюсь, – заверил его Андарист. – Я лишь прошу тебя еще раз хорошенько подумать, чего ты требуешь от этого азатаная. Нам ничего о нем не известно, мы можем руководствоваться лишь его репутацией, которая, следует признать, в отношении честности безупречна.

– Вот именно, – ответил Аномандер. – И все же он колеблется.

Верховный каменщик со свистом втянул воздух сквозь зубы.

– Послушай меня, Первый Сын Тьмы. Если ты добьешься того, что я принесу эту клятву, я сдержу ее и останусь верен своему слову, пока мы оба живы. Но возможно, у тебя еще будет повод об этом пожалеть.

Андарист шагнул ближе к брату, умоляюще глядя на него:

– Аномандер, ты что, не понимаешь? В том, чего ты от него требуешь, кроется нечто намного большее, чем в состоянии постичь мы оба!

– Я добьюсь своего, – решительно проговорил Аномандер, не сводя взгляда с верховного каменщика.

– Но зачем? – недоумевал Андарист. – Какую цель ты при этом преследуешь?

– Верховный каменщик, – попросил Аномандер, – расскажи о тех последствиях, которые пока для нас непостижимы.

– Не могу. Как я уже говорил, Первый Сын, ничего подобного еще не бывало. Явлюсь ли я на твой зов? Возможно. Так же, как и ты, возможно, явишься на мой. Сумеет ли мы узнать мысли друг друга? Исчезнут ли между нами все тайны? Окажемся ли мы навеки по разные стороны или станем единым целым? Слишком многое мне неведомо. Так что подумай как следует, ибо, похоже, в тебе говорит уязвленная гордость. Я не из тех, кто мерит ценность деньгами, и для меня истинными сокровищами является все, что невозможно объять.

Аномандер молчал.

Азатанай поднял руку, и потрясенный Спаро увидел кровь, стекающую из глубокой раны.

– В таком случае мы закончили.

Когда верховный каменщик повернулся, собираясь уйти, Аномандер крикнул ему вслед:

– погоди, прошу тебя! Ты известен нам лишь по титулу. Я хочу знать твое имя.

Великан долго смотрел на Аномандера, а затем ответил:

– Меня зовут Каладан Бруд.

– Хорошо, – кивнул Аномандер. – Если мы все-таки станем союзниками...

– Там будет видно, – ответил верховный каменщик.

– Ничья кровь не прольется от моего имени, и ничто не приведет к...

Каладан Бруд оскалил острые и длинные, как у волка, зубы.

– Это мы тоже еще посмотрим, повелитель.

Глава третья

Не так уж и много лет тому назад, всяко меньше, чем ей хотелось думать, Кория Делат жила словно бы в другой эпохе. Солнце в ту пору было более ярким и горячим, а когда она выносила своих кукол, десяток с лишним, по предательски узким каменным ступеням на площадку Орлиного гнезда и оказывалась в лучах яркого света, у нее захватывало дыхание от восторга. Ибо это был ее мир, ограниченный окружавшими площадку низкими стенами, которые почти не отбрасывали тени, а летний ветер подхватывал поднимавшееся от камней тепло, как будто нашептывая некие обещания.

Там, наверху, в ту забытую эпоху, казалось, будто еще немного и она, развернув крылья, взмоет в бескрайнее небо. Для своих кукол Кория была этакой великаншей, богиней, и, даже не имея крыльев, она могла смотреть на них свысока, придавая им самые разные позы и поворачивая вверх маленькие лица с вышитыми на них улыбками или удивленно раскрытыми кружками ртов, а блестящие глаза кукол, сделанные из полудрагоценных камней – граната, агата, янтаря, – при этом сверкали и вспыхивали, впитывая жаркие солнечные лучи.

Лето тогда длилось дольше, а дожди если и бывали, то Кория их не помнила. Из Орлиного гнезда открывался вид на обширный мир вокруг нее и кукол, ее маленьких заложниц. На севере, меньше чем в лиге от крепости, тянулись Арудинские холмы, и по картам, которые показывал ей Хаут, девочка примерно знала, что эти холмы простираются с запада на восток, заканчиваясь лишь у границ земель тисте далеко на востоке; а на западе они слегка уходили на север, образуя южный край обширной долины, где жили талакаи. Взглянув прямо на восток, Кория могла увидеть широкие степи Джеларкана и так называемую спорную территорию. Временами ей казалось, будто она может различить темные пятнышки пасущихся стад, но, возможно, то были лишь образы со старинных гобеленов на стенах кабинета Хаута, и в любом случае эти огромные животные бродили сейчас лишь в ее мыслях, и нигде больше. На юге девочка видела две тянувшиеся через возвышенность дороги, уже тогда по большей части заросшие, одна из которых уходила на юго-восток, а другая на юго-запад. Одна из дорог вела в Омтоз Феллак, Пустой город. Другая достигала Восточного Пограничья, и именно по этой дороге Кория впервые отправилась в путешествие из того мира, что она знала, будучи еще совсем ребенком, – из Малого дома Делак в поселении тисте под названием Абара, – сюда, в самую северную крепость яггутов в королевстве, на которое они больше не претендовали, продолжая тем не менее его оккупировать.

По этой причине Хаут часто насмеялся над самим понятием «спорная территория», неодобрительно отзываясь о нежелании джелеков (или, возможно, их неспособности, учитывая, что они потерпели поражение от тисте) заявить свои права на новые земли. К тому же территория эта была сплошной пустошью и мало на что годилась, кроме разве что пастбища, а образ жизни в Джеларкане не подразумевал разведения домашних животных. В общем, оспаривать по большому счету было нечего, и, казалось, это лишь еще один из множества бессмысленных споров, что вели между собой соседи, топая ногами и задыхаясь от ярости, которая вполне могла обернуться кровопролитием. Хаут был прав, высмеивая подобное.

Кория не помнила, чтобы когда-либо видела хоть одного джелека. Территория на востоке казалась владениями соперничающих между собой сорняков и кустарников, которыми правил нескончаемый ветер, полируя до блеска потрескавшиеся камни. Девочке запрещалось бывать в этих местах, и она могла только смотреть на них с вершины Орлиного гнезда, вглядываясь в туманную даль и видя лишь то, что способно было породить ее воображение. Но с другой стороны, только так она могла узнать о чем-либо за пределами крепости. Хаут держал Корию взаперти с тех пор, как ее отдали на его попечение, одинокую заложницу всего и ничего.

Теперь Кория знала, что яггуты не вполне понимали традицию тисте обмениваться заложниками; вряд ли они когда-либо посылали кого-то из собственных отпрысков на восток, и, учитывая, сколь редко у них вообще рождались дети, удивляться этому не стоило. В любом случае Хаут рассматривал вынужденное заточение Кории лишь как часть ее образования, взяв на себя ответственность за обучение заложницы, а если он и оказался необычно суровым наставником – что ж, он ведь, в конце концов, был яггутом.

Куклы и теперь еще оставались в ее комнате. Прошли годы с тех пор, как они последний раз смотрели на солнце, неподвижно застыв с приклеенными на лицах улыбками или раскрыв рот. Иногда удивление и радость просто загадочным образом блекли. Порой мир сокращался до размеров маленькой площадки на вершине башни, а у богинь заканчивались игры, и они больше не протягивали руки, дабы изменить позы своих игрушечных детей. Иногда заложницы просто умирали от отсутствия заботы, а власть над трупами не имела никакой ценности.

Но сегодня, однако, Кория была богиней, охваченной чем-то наподобие страха или, возможно, просто тревоги, а сердце ее отчаянно колотилось в груди, когда хрупкая девушка стояла в одиночестве на площадке, глядя на два десятка приближающихся к крепости джекетов. Их намерения не вызывали сомнений: они либо хотят напасть на Хаута, либо станут ему чем-то угрожать. Вряд ли могла существовать иная причина, чтобы нарушить запрет и пересечь границу, вторгшись на территорию яггутов. Хотя формально земля эта ведь никому больше не принадлежала. Уж не решили ли давние враги заявить на нее свои права?

Ни один гобелен, статуя или фреска в крепости не изображали этих созданий, но кем еще они могли быть, как не джекетами? Прибывшие с востока, из Джеларканских степей, с виду типичные хищники: Кория рассмотрела черные кожаные сбруи на их длинных поджарых телах, блестящие железные клинки, привязанные к передним лапам, сверкающие на сторбленных плечах зубчатые диски. Они ступали подобно огромным псам, с черными или рыжими в пятнах шкурами, а их вытянутые морды скрывались под головными уборами из дубленой кожи. Во всем походя на охотничьих собак, они тем не менее были сами себе хозяевами.

Говорили, будто эта северная порода была родственна джекам с дальнего юга, хотя и намного превосходила их размерами. Кория облегченно вздохнула, поскольку эти джекеки были величиной почти с боевых коней. Хотя внешне джекеки и напоминали собак, но были созданиями разумными и даже владели так называемой магией одиночников. Кория не очень представляла себе, что стоит за этим понятием: для нее это было просто слово, столь же бессмысленное, как и многие другие, которые произносил Хаут за годы ее заточения.

Она знала, что ее хозяину известно об этом вторжении. Никто и ничто не появлялись на земле Хаута незамеченными, сколь бы легки ни были поступь пришельца или дуновение ветра. К тому же он недавно отправил Корию наверх, причем приказал это тоном столь резким и отрывистым, что девушка сперва решила, будто совершила некий проступок – не закончила какие-то дела по хозяйству или оставила открытой книгу, – но ей хватило ума не задавать вопросов. Слова Хаута могли глубоко ранить, а если он и обладал чувством юмора, она пока что этого не замечала. И все же для Кории стало потрясением, когда она услышала, как с грохотом открываются массивные железные ворота крепости, а затем увидела, что появился Хаут, уже не в своей потрепанной, побитой молью шерстяной мантии, но облаченный в черную кольчугу до лодыжек. Чешуйчатые пластины прикрывали также голени и ноги в сапогах, равно как и широкие плечи. Сзади шлема из черненого железа опускалась на затылок, подобно заплетенным в косу волосам, кольчужная накидка. Когда Хаут остановился и повернулся, глядя на Корию, она увидела ниже отверстий для глаз такую же металлическую сетку, обрывками свисавшую вокруг его массивных, покрытых пятнами клыков.

На поясе у яггута красовался меч, но вместо того, чтобы потянуться к его длинной, обернутой кожей рукояти, он развернулся лицом к джекекам, опустив руки.

Хаут был ученым. Он постоянно жаловался на хрупкие кости и боли в суставах; Кория считала его древним стариком, хотя никаких доказательств тому у нее не было. Презрение Хаута к воинам могло сравниться лишь с его отвращением к войнам, которые вечно развязывали по самым идиотским поводам. Девушка даже и не подозревала, что у ее хозяина имеются доспехи и оружие. Казалось невозможным, что он вообще способен перемещаться под весом своего снаряжения, и тем не менее движения Хаута отличались изяществом и легкостью, которых она прежде никогда у него не замечала.

Орлиное гнездо словно бы покачнулось у нее под ногами, а окружающий мир будто заскользил на массивных неповоротливых шарнирах. Чувствуя, что во рту внезапно пересохло, Кория смотрела, как ее хозяин направляется прямо к джелекам, которые неровным рядом расположились напротив яггута.

Он остановился в десяти шагах от них, и... ничего не произошло.

Вряд ли звериные глотки незваных гостей способны к членораздельной речи. Если они и разговаривают, то наверняка с помощью каких-то других средств, и тем не менее Кория не сомневалась, что сейчас между ними идет беседа. А потом Хаут, подняв руку, снял шлем, рассыпав по плечам жирные пряди длинных черных волос, и она увидела, как он запрокинул голову назад и рассмеялся.

Низкий раскатистый смех, который совершенно не вписывался в мир Кории, оказался столь неожиданным, что богиня вполне могла свалиться со своего высокого насеста. Этот смех отдался во всем ее теле подобно грому, устремившись к небу, как хлопанье крыльев.

Очертания джелеков слегка расплылись, словно бы их окутал черный дым, а мгновение спустя на месте зверей возникли два десятка воинов, которые начали снимать свои головные уборы с вытянутыми мордами, отстегивать с запястья клинки и избавляться от сбруи, протаскивая ремни через железные петли; зубчатые диски теперь выступали позади их голов, будто капюшоны.

Лица их были почти неразличимы, не считая темных пятен черных бород и грязной кожи. Помимо висевшей теперь свободно кожаной сбруи, всю их одежду, похоже, составляли меха и шкуры. Шатающейся походкой, словно бы неуверенно чувствуя себя на двух ногах, джебеки двинулись вперед.

Развернувшись кругом, Хаут посмотрел на Корию и взревел:

– У нас гости!

В здешнем хозяйстве не было никого, кроме одинокого яггута и юной заложницы-тисте: ни слуг, ни поваров, ни мясников, горничных или лакеев. Обширные кладовые крепости были практически пусты, и хотя Хаут вполне мог сотворить еду и питье посредством колдовства, он делал это редко, полагаясь почти исключительно на регулярные визиты азатанайских торговцев, которые путешествовали по связывавшим все еще обитаемые крепости дорогам.

В отсутствие прислуги Кория научилась печь хлеб, готовить жаркое и бульон, колоть дрова и чинить свою поношенную одежду. Хаут объявил эти задачи неотъемлемыми составляющими ее обучения, но девушка подозревала, что в действительности все гораздо проще: виной всему лень и нелюдимость Хаута. Ей часто казалось чудом, что он вообще готов терпеть присутствие заложницы и нести за нее ответственность.

Яггуты вообще редко общались друг с другом: этакие затворники, которым чуждо само понятие коллектива. Однако это был их собственный, вполне сознательный выбор, ибо когда-то представители упомянутого народа жили в большом городе, построив цивилизацию, равной которой не было во всех королевствах. Но потом яггуты пришли к выводу, что совершили своего рода ошибку, неверно поставили цель или, как выразился Хаут, запоздало осознали, что подобный путь ведет к экономическому самоубийству. Мир отнюдь не бесконечен, а вот население его постоянно растет. При отсутствии должного контроля оно рано или поздно превысит

ту численность, при которой в состоянии поддерживать собственное существование, и тогда неизбежно разразится катастрофа. Как говорил хозяин Кории, нет ничего губительнее успеха.

Мудрость не была свойственна смертным, и даже те, кого другие называли мудрецами, лишь коснулись самого края неприятной правды, ощутив ее на собственном печальном опыте. Для мудрецов даже радость носила оттенок грусти. Мир предъявлял к смертным свои требования, неумолимые и жестокие, и никаких знаний не хватало, чтобы избежать безумного падения в гибельную бездну.

Слова не являлись даром, утверждал Хаут. Они были запутанной сетью, в которую попадал каждый, кто забредал в их гущу, и в конце концов в ней беспомощно повисал целый народ, задыхаясь от собственных споров, в то время как со всех сторон надвигался упадок.

Яггуты отвергли подобный путь. Бросив вызов извечному стремлению народов к общению между собой во имя взаимопонимания, мира или чего-то еще, они перестали разговаривать даже друг с другом. А их город, покинутый всеми, стал прибежищем для единственной живой души, Повелителя Ненависти, единственного, кто обнажил жестокую правду об ожидающем всех будущем.

Именно так гласила история, которую учила Кория, но это было в другую эпоху, когда она, еще совсем ребенок, выслушав приводившие ее в замешательство рассказы Хаута, отвечала на это по-своему: играла с любимыми куклами, олицетворявшими для нее семью, может, даже общество, – и в обществе этом не было места войнам, спорам и вражде. Все куклы улыбались, с удивлением и восторгом глядя на совершенный мир, который создала для них богиня, а солнце всегда оставалось ярким и теплым. Кория знала, что детским мечтам не будет конца.

Джелеки принесли с собой еду: еще сочащееся кровью мясо, кувшины с густым темным вином, кожаные мешки с глыбами слежавшегося сахара. По распоряжению Хаута Кория достала соленый хлеб из каменной кладовой в задней стене кухни и сушеные фрукты из погреба; в главном зале разожгли очаг и отодвинули от стен стулья с высокими спинками, ножки которых оставляли борозды в пыли вокруг длинного стола. Зажглись дымным пламенем свечи, а когда джелеки (их было двадцать один) столпились в зале, сбросив вонючие шкуры и что-то ворча на своем лающем языке, обширное помещение наполнилось паром, а также резким запахом застарелого пота и кое-чего похуже. Носясь туда-сюда между дальними комнатами и кладовыми, Кория то и дело преодолевала тошноту, и лишь когда девушка наконец смогла сесть слева от Хаута и сделать большой глоток горького вина из придвинутой к ней фляги, она почувствовала себя чуть лучше в этом новом душном мире.

Когда джелеки заговорили на языке яггутов, в их речи чувствовался резкий акцент, но Кория все хорошо понимала, несмотря на подчеркнуто презрительный тон. Гости ели мясо сырым, и вскоре к ним присоединился Хаут, раздирая плоть измазанными в крови длинными пальцами; когда он жевал, зубы его, казалось, отодвигались от находившихся по бокам длинных клыков: ничего подобного заложница прежде не видела. Большинство еды животного происхождения в этом доме употребляли в копченом или вяленом виде, и ее приходилось размачивать в вине или бульоне – настолько она была жесткой. Кория чувствовала, как хозяин буквально на глазах превращается в зверя, становясь для нее полностью чужим.

Но все это время, даже несмотря на воздействие вина, она внимала каждому слову и каждому жесту, отчаянно пытаясь понять смысл происходящего.

Гости.

У них никогда не бывало гостей. Торговцы просто заглядывали к ним, а те, кто оставался на ночь, разбивали лагерь за стенами дома. Намного реже случалось, что появлялся еще кто-то из яггутов, чтобы вступить с Хаутом в некий невразумительный спор – сводившийся к неохотному и угрюмому обмену репликами, – а потом соплеменник хозяина снова уходил, часто посреди ночи, и Хаут после этого обычно много дней подряд пребывал в дурном расположении духа.

Д желеки предавались своему отвратительному пиршеству, не обращая на Корию никакого внимания. Вино лилось рекой. Слышались слова на двух языках, ворчание и звуки отрыжки. Среди воинов не было женщин, отчего у Кории возникла мысль, что это, вероятно, какая-то секта, сборище жрецов или же некое братство. У телакаев можно было встретить монахов, присягнувших оружию, которое они сами изготавливали из необработанной руды; возможно, эти желеки принесли похожую клятву, – во всяком случае, во время трапезы гости не отложили в сторону свои клинки, в то время как Хаут избавился от своего боевого снаряжения сразу же, как только вошел в зал.

Воин, сидевший слева, придвинулся вплотную к Кории, то и дело толкая девушку мускулистым плечом. Желек, расположившийся напротив, заметил наконец ее замешательство, что, похоже, порядком его развеселило.

– Эй, Саграл, – внезапно пролаял он, – смотри, как бы ты не оказался всей своей тушей у девчонки на коленях.

Слова его были встречены хриплым смехом. Хаут лишь пробурчал что-то невразумительное и потянулся к кувшину с вином. Налив себе еще кубок, он сказал:

– Осторожнее, а то узнаешь ее нрав.

Желек поднял лохматые брови:

– Что, прочувствовал это на своей шкуре, капитан?

«Капитан»?

– Нет, но она – тисте и притом молодая женщина. Я ждал чего-то подобного с момента ее появления и жду до сих пор. Уверен, что девчонка сумеет за себя постоять, хотя, как бы я ни старался, мне так и не удалось ее разозлить.

Саграл наклонился к Кории, так что его широкое, покрытое шрамами лицо оказалось совсем рядом.

– Злость – признак острого ума. – Он не сводил с нее взгляда своих черных глаз. – Так ведь? – спросил желек. – Или долгие годы среди всей этой яггутской чуши загасили в тебе последние искорки? Или, может, их и с самого начала не было?

Девушка молча смотрела на него, не пытаясь отстраниться.

Глаза Саграла расширились, и он повернулся к Хауту.

– Она что, немая?

– Она никогда не отличалась разговорчивостью, – пояснил яггут.

Звероподобные воины снова рассмеялись, и Кории вдруг захотелось, чтобы на нее, как и прежде, никто не обращал внимания. Однако, похоже, теперь ей суждено было стать мишенью для шуток. Девушка повернулась к Хауту:

– Хозяин, можно мне вас покинуть?

– Никоим образом, – ответил Хаут. – В конечном счете гости пришли ради тебя.

Как обычно, Хаут не спешил что-либо объяснять, и в голове Кории сменяли друг друга вопросы, не находившие ответов. Почему его называют капитаном? Это же какое-то воинское звание, вроде как в легионе Урусандера или у форулканов. Но заложников никогда не отдают солдатам, ведь среди них нет никого благородного происхождения. Неужели ее соплеменники ошиблись, отправив Корию сюда? Неужели ее отдали на попечение простолюдину?

Нет, это не имело никакого смысла. Если она...

Кория пребывала в полном замешательстве, но сидевший напротив воин отвлек ее от размышлений.

– Капитан, – сказал он, – без доверия не может быть мира. Ты лучше всех нас это знаешь. Приняв сей дар, мы обретем имя, а вместе с ним и честь.

Хаут медленно кивнул. Все за столом молча слушали и ждали, что будет дальше.

– И вы хотите сплести свой жест доброй воли с тем, что я властен вам подарить? – поинтересовался яггут. – В обмен на что?

– На мир.

– Здесь и так уже царит мир, Руск.

Воин улыбнулся, обнажив острые зубы:

– Ничто не длится вечно.

Хаут что-то проворчал и снова взял кубок.

– Никак поражение от рук тисте ничему не научило вас, псы?

Улыбка Руска исчезла. На этот раз вместо него ответил Саграл:

– У вас нет пограничников. У вас нет легиона Урусандера. У вас нет домашних войск, которыми обзавелись Высшие дома. Тебе интересно, чему мы научились, капитан? Мы знаем, что вашей армии больше нет. Вот какой урок мы извлекли.

– У нас никогда не было армии, Саграл, – возразил Хаут, и его вертикальные зрачки сузились, будто от яркого света. – Мы яггуты. Любое войско – это проклятие, а мы не питаем вкуса к войне. Когда мы сталкиваемся с глупцами, которые заявляют, будто они наши враги, то просто их уничтожаем. И мы знаем свое дело. Вы много столетий испытывали нас, и каждый раз мы отбрасывали вас назад.

– Мы приходили небольшими стаями, – прорычал Саграл. – А на этот раз нас явятся тысячи.

– Если прежде, Саграл, мы вполне довольствовались тем, чтобы отогнать вас прочь, убив лишь немногих, то теперь, когда явятся тысячи джелеков, нашей сдержанности придет конец.

Руск рассасывал кусочки сахара, поглощая их один за другим. И при этом не сводил взгляда своих маленьких глаз с Кории.

– Мы вернем ее домой целой и невредимой, капитан, – наконец сказал он.

– Ничего не получится, – медленно покачав головой, ответил Хаут. – Договор с тисте требует отдать в заложники кого-то из ваших сородичей. Нельзя одолжить жертву или заменить ее. Тисте примут только заложников-джелеков.

– Но они сами никого нам не предлагают взамен! – огрызнулся Саграл.

– Потому что вы проиграли войну. Вас поставили перед простым выбором: уступить или быть уничтоженными. Судя по вашему появлению здесь, понятно, какой выбор вы сделали, так что теперь либо живите с ним, либо снова ввязывайтесь в войну.

– Но джебеки не рабы!

Хаут взглянул на Корию:

– Ты считаешь себя рабыней, заложница?

Девушка знала, какого ответа он от нее ожидает, но ей хватило одной мысли о путешествии в обществе этих зверей, чтобы решительно заявить:

– Нет, конечно. Я тисте, рожденная в доме Делак. Я заложница яггутов, единственная, которая когда-либо у них бывала, и впредь они уже не получают другой. Через два года меня вернут моей семье. Яггуты заявили нам, что теперь они уже больше не народ и отказываются от всех претензий.

Саграл ударил кулаком по столу, заставив Корию вздрогнуть.

– Вот именно, дитя! Даже от претензий на тебя! И лишь из-за эгоизма Хаута ты все еще остаешься в его лапах! Мы доставим тебя домой, причем можем отправиться в путь уже на рассвете! Разве ты этого не хочешь? Или Хаут лишил тебя всякой воли к жизни? Сделал рабыней во всех смыслах, пусть он так тебя и не называет? – Джек поднялся на ноги. – Даже тисте теперь презирают яггутов: эти клыкастые глупцы ничего собой не представляют. Они отказались от будущего и обречены на вымирание. Их город покрылся пылью, и им правит безумец! Послушай, заложница! Ты впустую тратишь здесь свою жизнь. Говоришь, что вернешься домой через два года? Но ради чего тебе оставаться?

Кория развернулась на стуле, глядя на потемневшее от ярости лицо Саграла, на его оскаленные зубы с заостренными концами и на глаза, в которых плескался вызов. Повернувшись к Руску, она спросила:

– Не взять ли его на поводок?

Внезапный взрыв хохота разрядил возникшее напряжение, и все сидевшие за столом воины-джебеки снова потянулись к кувшинам с вином. Саграл с грохотом поставил стул, лишившись от стыда дара речи. Над ним одержала верх женщина-тисте, совсем еще юная, судя по ее мальчишеской фигуре, и он почувствовал себя щенком, которого пинком отправили на мороз, – да теперь еще все эти язвительные замечания товарищей на языке яггутов, явно рассчитанные на то, чтобы девчонка их услышала.

Посмотрев на Хаута, Кория увидела устремленный на нее взгляд бледных глаз, всегда остававшийся жестким и безжалостным, что бы за этим ни крылось – одобрение или недовольство.

«Капитан». Но у яггутов никогда не существовало армии, так что он никак не мог быть капитаном. Подобное звание применительно к Хауту не имело никакого смысла.

Словно бы по некоему невидимому сигналу шум снова утих.

– Капитан, – опять заговорил Руск, – тисте потребовали пятьдесят заложников из числа наших подростков. Но мы не отдадим жизни пятидесяти джебеков, ни молодых, ни старых.

– Вряд ли речь идет о том, чтобы забрать их жизни, Руск...

– Тисте готовятся к гражданской войне.

– Подобные опасения уже высказывались, – ответил Хаут. – Они беспочвенны. И даже если в самом деле разразится гражданская война, жизни заложников останутся неприкосновенными; собственно, я не сомневаюсь, что каждая семья сразу же вернет вам ваших детей, даже рискуя сохранением собственных домов.

– Если ты и впрямь так считаешь, капитан, – фыркнул Руск, – то ничего не понимаешь в гражданской войне. Да и с чего бы тебе в этом разбираться? Она невообразима для яггутов, тогда как у нашего народа, в отличие от вас, имеется подобный опыт.

Заговорил третий джебек, седой и покрытый шрамами:

– Наши сородичи на юге когда-то составляли с нами единое целое, были во всех отношениях такими же, как мы. Мы все прежде были джебеками.

– Я прекрасно помню вашу гражданскую войну, – медленно кивнул Хаут. – И я видел, как она разделила вас, превратив в два разных народа. Варандас много писал о зарождении культуры джеков и множестве ее отличий от вашей.

– Варандас не имел права рассуждать об этом, – глухо прорычал Руск.

– Какая теперь разница, Руск, – пожал плечами Хаут. – Этот глупец сжег все свои труды в Ночь Разлада. В чем ценность истории, если все равно никто не извлекает из нее уроков? Суть в том, что вы, основываясь на собственном опыте, предсказываете подобную же судьбу тисте. Но тисте – не джебеки и не джеки, а власть в сердце Харканаса – не дикая мощь ваших порожденных Витром одиночников, да и Мать-Тьма не заключала сделок со звериными богами. Нет, Премудрый град Харканас – черный алмаз в сердце народа тисте, и, пока горит его внутренний огонь, ни один меч не сможет его разбить.

– Мы не отдадим пятьдесят наших молодых соплеменников.

– В таком случае, Руск, вас снова ждет война. Хотя, если это случится, у вас, возможно, появится повод облегченно вздохнуть, поскольку тут уж тисте снова объединятся и до гражданской войны дело попросту не дойдет.

– Мы не боимся, что у них вспыхнет гражданская война, капитан. Мы будем этому только рады, ибо, когда она закончится, все земли тисте можно будет легко завоевать. Но мы не станем рисковать жизнями нашего молодняка.

– Кория для вас не вариант, – заявил Хаут.

– Тогда отправь ее домой! Освободи девчонку! Она не имеет для тебя никакой ценности!

– Когда придет время, я в точности так и поступлю. Образование, Руск, – это долгосрочное вложение. Не стоит ожидать плодов в первый же сезон, равно как и во второй или в третий. Нет, награда последует годы спустя – так всегда было, и так будет с Корией. Я начертил ей жизненный путь, и задача эта почти выполнена. Почти, но не до конца.

– Ты ничем больше не можешь помочь девчонке, – возразил Руск. – Мы чувствуем сущность ее души, которая темна и пуста и в которой нет силы. Кория – не дитя Матери-Тьмы, ибо тьма, которая обитает в ее душе, не имеет отношения к Куральду Галейну. Это просто пустота.

– Да, именно так и есть.

– Тогда что ее ждет? – спросил Руск.

– На языке песьегонов, Руск, созданное мною называется «махибе». Это сосуд: защищенный и запечатанный, но, как ты правильно говоришь, пустой. Что остается сделать? Естественно, заполнить его.

«Заложница».

Ошеломленная и испуганная, Кория подумала о куклах у себя в комнате: каждая из них ожидала своей судьбы, жизни, которую могла даровать ей лишь богиня. Они уже много лет не покидали темного пространства внутри каменного сундука.

– На рассвете, – сказал Хаут джелекам, – вы уйдете. Одни.

– Ты об этом пожалеешь, – пообещал Руск.

– Еще одна угроза с вашей стороны, – ответил Хаут, – и ваш хозяин прогневается. Вполне возможно, что он отправит вас спать под открытым небом, как и подобает грубым псам, не имеющим никакого понятия о чести. Или, если вдруг сочтет, что вас уже ничто не спасет, он может попросту всех вас убить.

Кория увидела, как побледнел под слоем грязи Руск. Встав, он дал знак, и все воины, отодвинув стулья, потянулись к брошенному снаряжению.

– Благодарим за трапезу, капитан, – зловеще проговорил Руск. – В следующий раз за ужином в этом зале будем грызть твои кости.

Хаут тоже поднялся:

– Пусть это тебе почаще снится, джелек. А теперь проваливайтесь. Больше мне с вами говорить не о чем.

Когда они ушли и Кория собралась убрать со стола остатки трапезы, Хаут рассеянно махнул рукой и сказал:

– Сегодня я призову магию Омтоза Феллака, заложница. Возвращайся к себе в комнату.

– Но...

– В колдовстве есть своя ценность, – заметил он. – По крайней мере, оно поможет мне очистить этот зал от блох. Иди к себе. Тебе нечего бояться этих одиночников.

– Знаю, – кивнула девушка. – Хозяин, если вы превратили меня в сосуд... то я этого не чувствую. Я не пустая внутри. И не ощущаю покоя.

Похоже, это последнее слово застигло его врасплох.

– Покоя? Я не говорил о покое. Одиночество порождает тоску, Кория. – Хаут устремил на нее свой странный взгляд. – Ты, часом, не тоскуешь?

А ведь Кория и впрямь тосковала. Она сразу это поняла, как только Хаут заговорил о том, что внутри ее. Она была богиней, которая устала от своих детей, которая видела, как лето постепенно становится все короче, как растет нетерпение, но пока не знала, что может прийти на смену утраченной эпохе.

– Иди поспи, – произнес яггут тоном, какого она никогда прежде от него не слышала. В нем чувствовалась почти... нежность. – Завтра, Кория, начнутся настоящие уроки. – Он

отвернулся. – Последняя задача, которую я должен выполнить, касается нас обоих. И мы будем ее достойны. Обещаю.

Хаут снова махнул рукой, и девушка поспешила прочь, обуреваемая множеством мыслей.

Экипаж остановился перед когда-то роскошным входом в дом семейства Друкорлат. В упряжи томилась одинокая лошадь, уныло качая головой и грызя удила. Ее ждало трудное путешествие, поскольку экипаж был тяжелым и в былые годы его тянула четверка лошадей. Стоявшая на ступенях госпожа Нерис Друкорлат смотрела на маленького мальчика, который играл на краю обугленных развалин конюшни. Руки его были черными от копоти, и он уже успел перепачкать колени.

Здесь, в этих превратившихся в руины владениях, шло сражение, выиграть которое Нерис даже не надеялась. Но детство длится недолго, и в эти тревожные времена она готова была на все, чтобы сделать его еще короче. Мальчик нуждался в наставничестве. Пора уже избавить его от глупых фантазий. Представители знати рождались в мире, строго регламентированном правилами надлежащего поведения, и чем скорее ее внук подчинится требованиям взрослой жизни, тем быстрее он осознает свое место наследника древнего дома, а получив надлежащее образование, возможно, однажды вернет их династии былые славу и могущество.

И она больше не услышит этого ужасного слова, этого жестокого титула, который висел над Орфанталом, будто крыло насмешливой вороны.

Ублюдок.

Дети не вольны выбирать. Корысть и глупость матери, пьяница-отец из самых низов – в том не было вины мальчика, и никто не имел права его очернять. Однако окружающие были в большинстве своем жестокими, готовыми с радостью осуждать и презирать других.

«Раненые сами будут ранить, – так говорил поэт Галлан, и не было слов правдивее. – Раненые сами будут ранить, отзовется в памяти любая боль». То были строки из последнего его сборника, носившего зловещее название «Дни, когда сдирают шкуру»: книга эта была опубликована в начале сезона и до сих пор служила поводом для праведного гнева и пылких обвинений. Казалось бы, представители благородных домов могли достаточно спокойно воспринять горькие истины. Однако когда Галлан осмелился занести клинок над культурой тисте, буквально сдирая с нее шкуру, то в ответ поднялась такая волна негодования, что одно лишь это, похоже, уже свидетельствовало о том, что стихотворец прав.

Причин презирать себе подобных хватало, а банальность угасающей славы порой казалась воистину невыносимой. Однажды ей предстояло возродиться вновь. И если отчетливо представлять будущее и планировать все заранее, то с наступлением новой эпохи династия Друкорлат могла обрести новую жизнь, в самом средоточии невообразимого могущества. Нерис знала, что подобный шанс выпадет наверняка, но не при ее жизни. Все, что она делала сейчас, служило будущему, и женщина надеялась, что однажды другие поймут, на какие жертвы ей пришлось пойти.

Орфантал нашел обломок деревянной палки от ограды и теперь размахивал им над головой, громко крича и бегая туда-сюда. Вскарабкавшись на невысокую грудку гравия, он с торжествующим выражением на лице воткнул палку между двумя каменными обломками, будто устанавливая знамя, но внезапно замер, словно бы пронзенный неким невидимым оружием. Выгнув спину, мальчик потрясенно уставился в небо, преисполненный воображаемых мук, а затем, шатаясь, сошел с груды и рухнул на колени, одной рукой судорожно хватаясь за живот. Мгновение спустя он упал навзничь и застыл, будто мертвый.

Глупые игры. И как всегда, в войну: эти неизменные сражения – героические, но с трагическим концом. Нерис еще ни разу не видела, чтобы ее внук изобразил смерть в стычке с воображаемым врагом. Каждый раз казалось, будто Орфантал разыгрывает сцену предательства: вонзенный в спину нож и взгляд, полный удивления, боли и обиды. Мальчики в этом

возрасте не отличались особым умом. В своих смехотворных играх они представляли себя мучениками, веря в несправедливость мира, в то, что дела по хозяйству отнимают у них время для развлечений, уроки крадут дневной свет и бесконечные летние мечты, а услышав окрик с кухни, приходится отправляться спать.

Все это следовало выбить из головы юного Орфантала. Великие войны закончились. Победа принесла мир, и теперь молодым мужчинам и женщинам предстояло заняться совершенно другими делами. Время воинов прошло, и многочисленные ветераны, что бродили по селениям, подобно брошенным псам, напиваясь и рассказывая дикие истории о собственной отваге, а потом оплакивая потерянных товарищей, стали отравой для всех, особенно для молодежи, которую легко было соблазнить подобными байками и душераздирающими сценами показного горя.

Образ жизни солдат был недоступен другим, если те сами не познали правду войны. Ветераны возвращались домой, лишённые всяческих иллюзий. Они видели мир под иным углом, но в том не было ничего здорового, ничего достойного. Солдаты пережили свои «дни, когда сдирают шкуру», и теперь все, на что они смотрели, казалось им обнаженным догола: хрящи и сухожилия, кости и мясо, беззащитно дрожащие внутренние органы.

Муж признался в этом Нерис накануне той роковой ночи, когда лишил себя жизни, незадолго до того, как бросил их всех, оставив после себя лишь несмываемый позор. Ну вот какая, спрашивается, могла быть причина для самоубийства у пришедшего с войны героя, вернувшегося к любимой супруге – женщине, о которой он постоянно говорил и по которой тосковал каждый день во время марша? У ветерана, увенчанного наградами и почестями, с перспективой заслуженной отставки в тихом семейном кругу? Однако он пробыл дома меньше месяца, а затем вонзил кинжал себе в сердце.

После того как прошло первое потрясение, когда развеялся ужас и все взгляды обратились к Нерис, вдове в траурной вуали... появились первые слухи.

«Что же, интересно, она такого ему сделала?»

Да Нерис не сделала ему ровным счетом ничего. Муж вернулся домой уже мертвым. Нет, даже не так – когда он вернулся домой, мертва была она сама. Для него. Там, в Пограничье, на полях сражений, унылыми холодными ночами под безразличными звездами он любил сам образ жены, нестареющий и совершенный, – отвлеченную идею, с которой она не могла соперничать. Как и ни одна другая смертная женщина.

Ее муж оказался глупцом, чересчур подверженным иллюзиям.

Правда заключалась в том, что их род уже ослаб, почти фатально. Ну а дальше все стало еще хуже. В Абару-Делак пришел другой солдат, пьяный и озлобленный, герой без одной руки... О, этот тип много чего успел наговорить глупой девчонке, но уже после того, как все случилось, Нерис сумела выяснить правду. Оказалось, что он потерял руку, вовсе не защищая Сына Тьмы. Нет, на самом деле он лишился ее из-за укуса лошади, задолго до того, как успел обнажить меч в схватке с врагом. Увы, мужчина сей отнюдь не славился своей отвагой. Но к тому времени было уже слишком поздно. Он успел охмурить дочь Нерис. В недобрый час он встретил Сандалату, в ту пору еще слишком юную и наивную, чтобы отнестись к нему с надлежащим скептицизмом, и с легкостью соблазнил девчонку своей болтовней; его мозолистая рука отыскала ее только что пробудившееся лоно, и он украл у Друкорлатов все их будущее.

«Сын-ублюдок».

Нерис постаралась, чтобы этот жалкий папаша никуда не делся из селения. Она платила ему достаточно, чтобы он оставался вечно пьяным и ни на что не годным. Она дала мерзавцу понять, что это единственный возможный для него вариант, и он, естественно, согласился. Этот тип никогда больше не сможет увидеть сына и Сандалату, даже приблизиться к их дому или пройти по территории усадьбы. В его распоряжении имелись лишь угол в погребе таверны в Абаре-Делак и все вино, которое он мог влить в свою тупую глотку. Нерис даже договорилась,

чтобы ему присылали шлюх, хотя, судя по их словам, с женщинами у него особо не клеилось. Вино украло у этого мужчины абсолютно все; у него было лицо старика и взгляд обреченного.

Дверь за спиной Нерис открылась. Не оборачиваясь, она подождала, пока дочь подойдет к ней.

– Не прощайся с ним, – велела Сандалате мать.

– Но как же? Орфантал ведь все равно узнает...

– Нет! Душераздирающие сцены нам ни к чему. Не сегодня. Нам уже сообщили, что твои сопровождающие сейчас обедают в таверне и скоро будут здесь. Впереди долгое путешествие, дочь моя.

– Я уже слишком старая, чтобы вновь становиться заложницей, – сказала Сандалата.

– В первый раз предполагалось, что это продлится четыре года, – ответила Нерис, почти слово в слово повторив то же самое, что говорила уже десятки раз. – Но все закончилось раньше срока. Обители Пурейк больше не существует как таковой – к тому же Матерь-Тьма признала сыновей Нимандера своими собственными.

– Но они снова примут меня. По крайней мере, позволь мне к ним вернуться, мама.

Нерис покачала головой:

– В том нет никакой политической выгоды. Помни о своем долге, дочь моя. Наш род пострадал и сильно *ослаблен*. – Она подчеркнула это слово, стараясь, чтобы оно прозвучало для Сандалаты как болезненное обвинение: в конце концов, кто был виновен в последней ране? – У нас нет выбора.

– Все-таки я прощаюсь с Орфанталом, мама. Он мой сын.

– Он и мой внук, и его благополучие для меня важнее, чем твое. Придержи слезы, пока не окажешься внутри экипажа, где никто не увидит твоего позора. Оставь мальчика, пусть играет.

– А когда он станет меня искать? Что ты ему скажешь?

Нерис вздохнула.

«Сколько можно повторять одно и то же? Но похоже, этот раз последний – я уже вижу всадника на дороге».

– Дети податливы, и их легко отвлечь. Ты прекрасно знаешь, что скоро его обучение начнется по-настоящему. Вся жизнь Орфантала будет занята учебой и общением с наставниками, а каждую ночь после ужина мальчик будет крепко спать. Не будь эгоисткой, Сандалата. – Ей не требовалось добавлять «опять». – Пора в путь.

– Я слишком стара, чтобы снова становиться заложницей. Это выглядит неподобающе.

– Считай, что тебе повезло, – ответила Нерис. – Ты дважды послужишь дому Друкорлат: сперва была в Обители Пурейк, а теперь отправляешься к их соперникам.

– Но владения Обители Драконс очень далеко отсюда, мама! – в отчаянии воскликнула Сандалата.

– Ш-ш-ш! Не так громко, – прошипела Нерис.

Она больше не видела внука: возможно, он убежал за конюшню, что и к лучшему. Пусть забавляется, пачкая руки. В ближайшее время Орфантала ждала новая жизнь, и если Сандалата считала, будто дом, из которого она уезжала, вскоре будет полон наставников, – что ж, вряд ли стоило ее разубеждать.

Орфантала ждало путешествие в Харканас, туда, где слухи про «ублюдка» никогда не достигнут его ушей. Нерис заранее сочинила для него подобающую историю: якобы мальчик был их родственником из отдаленных владений, к югу от кузниц Хуста. Его отдавали в Обитель Пурейк не в качестве заложника, но чтобы служить во дворце самой Матери-Тьмы. Орфантала должны были обучать Сыновья Тьмы как одного из членов их свиты. Поскольку мальчика с младенчества воспитывала Сандалата, то он, разумеется, часто называл ее мамой, но Нерис не придавала этому особого значения, зная, что это временно.

Подъехал всадник из Обители Драконс, остановив коня позади экипажа. Оставаясь в седле, он поклонился госпоже Нерис и Сандалате.

– Примите приветствия и поздравления от фаворита, – сказал он. – Меня зовут капитан Ивис.

Нерис повернулась к дочери:

– Садись в экипаж.

Но Сандалата смотрела мимо кареты, пытаясь в последний раз увидеть сына. Того нигде не было видно.

– Дочь моя, делай, что тебе говорит мать. Иди уже.

Сгорбившись и держась за грудь, будто чахоточная, Сандалата спустилась по каменным ступеням. Она выглядела одновременно старой и до невозможности юной, что вызывало у ее матери лишь презрение.

Нерис повернулась к сопровождающему:

– Ивис, благодарим тебя за твою любезность. Мы знаем, что сегодня тебе пришлось проделывать немалый путь.

Сидевший на козлах экипажа кучер не сводил взгляда с госпожи Нерис, ожидая сигнала. В бледном небе за его спиной взмыла к вершинам деревьев стая птиц.

– Госпожа Нерис, – объяснил пожилой женщине Ивис, – мы будем ехать всю ночь и прибудем в дом моего господина вскоре после рассвета.

– Отлично. Ты один?

Он покачал головой:

– К востоку от Абары-Делак нас ждет отряд, госпожа. Разумеется, мы уважаем традиционные границы владений вашего рода и не хотели бы вызвать вашего недовольства.

– Ты крайне любезен, Ивис. Передай мои наилучшие пожелания повелителю Драконусу за то, что он выбрал для выполнения подобной задачи столь достойного капитана.

Она кивнула кучеру, который дернул поводья, и лошадь тронулась с места.

Экипаж с грохотом покатился вперед, подпрыгивая на неровных булыжниках, и свернул на дорогу, огибавшую дом сзади. На полпути вниз по склону холма она выходила на другую дорогу, ведущую в сторону Абары-Делак, а оттуда путникам предстояло ехать на север, вдоль реки, прежде чем повернуть на северо-восток.

Накинув на плечи плотный плащ и ощущая легкую прохладу, ибо она стояла в тени крыльца, Нерис смотрела им вслед, пока всадник и экипаж не скрылись за домом, а потом вновь поискала взглядом Орфантала. Но того по-прежнему нигде не было видно.

Это ее вполне устраивало.

Очередное сражение в руинах. Очередной миг торжества. Очередной нож в спину.

Детские мечты порой бывают на редкость глупыми.

Мальчик, притаившийся на развалинах сгоревшей конюшни, так что его было невозможно разглядеть с крыльца, уставился вслед экипажу. Ему показалось, будто в маленьком мутном окошке промелькнуло мамино лицо, бледное и с покрасневшими глазами. Но экипаж быстро прокатился мимо и развернулся; теперь видны были лишь его задняя часть с рундуком для багажа и высокие, болтающиеся на старых осях колеса. А потом мимо проехал незнакомый всадник в солдатской одежде, вздымая копытами клубы пыли.

В Абару-Делак пришли солдаты. У некоторых не хватало руки, ноги или глаза. Другие, целые и невредимые на вид, умирали с ножом в груди, будто оружие преследовало их после тех далеких битв, в которых они сражались. Серебристый клинок, едва различимый в ночи, следовал за жертвой и в конце концов находил ее, чтобы убить того, кто должен был умереть несколько недель или даже месяцев назад.

Но этот солдат, который называл себя Ивисом, пришел, чтобы забрать его маму.

Орфантал не мог спокойно видеть чужие слезы. Он готов был на все, лишь бы успокоить тех, кто плачет; и в своих мечтах, в воображаемом мире борьбы и героизма, в котором мальчик жил, он часто приносил клятвы рыдающим, убитым горем женщинам, а потом прокладывал себе в бою путь через полмира во имя этой клятвы. До тех пор, пока она его не убивала, подобно коварно подстерегающему ножу из далекого прошлого.

Мальчик смотрел вслед экипажу, пока тот не скрылся из виду, а потом его губы беззвучно пошевелились, произнеся одно-единственное слово: «Мама?»

Где-то далеко шли войны, в которых ненависть призывала к оружию, а кровь лилась подобно дождю. И еще были войны в пределах одного дома или даже одной комнаты, где смертью храбрых умирала любовь, а к небу возносились рыдания. Войны вспыхивали повсюду, и Орфантал это знал. Вокруг не было ничего, кроме сражений, и сам он каждый день умирал, убитый ножом, который преследовал его по всему миру, как это случилось с его дедом.

Но пока что мальчик решил прятаться в тени конюшни, в пожаре которой погибли все лошади, кроме одной. А потом, возможно, ускользнуть в лес за загоном для скота, чтобы снова сражаться, каждый раз проигрывая, – разве не так всегда бывает с настоящими героями? Смерть непременно настигает любого. И так пройдет очередной день.

Пока его не позовут с кухни, объявляя конец света на очередную ночь.

Сандалате показалось, будто она увидела Орфантала в полумраке, на фоне одной из последних оставшихся стен сгоревшей конюшни, но, вероятно, это была лишь игра воображения. Мать всегда говорила, что разум порой играет с ней дурную шутку, а богатая фантазия, которую в избытке унаследовал ее сын, в эти напряженные времена не считалась добродетелью. Внутри экипажа было душно и воняло плесенью, петли на боковых окнах покрывал слой ржавчины и грязи, а воздух поступал лишь из особого переговорного ящика, подсоединенного к деревянной трубке рядом с козлами кучера. Самого кучера молодая женщина едва знала – его наняли в селении лишь для этой поездки, – и ей казалось, что если она обратится к нему с просьбой помочь открыть окно, то об этом скоро будут знать во всех тавернах: повсюду станут говорить про падший дом Друкорлат и их проклятое, ни на что не годное семейство. Презрительные насмешки, язвительные замечания... Нет уж, решила Сандалата, не станет она никого ни о чем просить.

Под тяжелой одеждой струился пот. Женщина старалась сидеть не шевелясь, надеясь, что это поможет, но ей нечем было занять руки и мысли. Взяться снова за вышивание мешала тряска и качка, к тому же внутрь экипажа уже вползала пыль, подсвечиваемая слабыми лучами солнца. Сандалата чувствовала, как пыль постепенно покрывает лицо, и если по щекам ее текли слезы – в чем она почти не сомневалась, – то на них должны были появиться грязные полосы. Неприглядные и постыдные.

Сандалата вспомнила, как впервые была заложницей, вспомнила дни, проведенные в Цитадели, свой восторг при виде перемещающихся по бесчисленным роскошным залам толп мужчин и женщин, рослых высокородных воинов, которые, казалось, не обращали никакого внимания на крутившуюся у них под ногами маленькую девочку. И тамошние богатства, которых было столько, что Сандалата со временем поверила, будто это и есть ее мир, для которого она родилась.

Заложнице выделили комнату на верху винтовой лестницы, где она часто сидела, с волнением ожидая звона возвещающего о трапезе колокола, а потом спешила вниз по без конца сворачивающим вбок ступеням, чтобы ворваться в обеденный зал, – и все радостно смеялись, увидев малышку.

Почти весь первый год Сандалате казалось, будто вся Цитадель оказывает ей почести, достойные юной королевы, и рядом всегда были трое воинов, сыновей повелителя Нимандера, готовые в любой момент протянуть руку помощи. Она помнила, как восхищалась белыми воло-

сами Сильхаса Гиблого, красным отблеском в его глазах и его длинными пальцами или искренней, такой теплой улыбкой Андариста, за которого втайне мечтала когда-нибудь выйти замуж. Но главным предметом ее поклонения был Аномандер – крепкий как камень, согретый солнцем и отполированный ветром и дождем. Создавалось впечатление, что он всегда готов защитить девочку, взяв ее под свое широкое крыло, и она видела, как с ним считаются другие, даже его собственные братья. Аномандер был любимцем Матери-Тьмы, и точно так же его любила больше всех остальных юная заложница в Цитадели.

Войны разлучили Сандалату с ними всеми, как с отцом, так и с сыновьями, а когда вскоре вернулся повелитель Нимандер, искалеченный и сломленный, девочка спряталась в своей комнате, замирая от ужаса при мысли, что кто-то из ее опекунов сейчас, возможно, умирает на далеком поле битвы. Они словно бы стали столпами ее собственного дома, ее собственного дворца, а она была их королевой, отныне и во веки веков. Как этому мог прийти конец?

За окном экипажа проплывали одноэтажные сельские хижины, перед которыми ходили туда-сюда местные жители; многие из них останавливались, глядя вслед путникам. Она слышала приглушенные возгласы, обращенные к вознице, взрывы смеха, пьяные крики. У Сандалаты внезапно перехватило дыхание, и она откинулась назад, чтобы ее не было видно в запыленном окне. Экипаж подпрыгивал на глубоких рывтинах, и пассажирку бросало из стороны в сторону. Она крепко сплела пальцы, глядя, как кровь отливает от костяшек, и пытаясь успокоить отчаянно бьющееся сердце.

Не стоило давать волю воображению. Сегодня просто выдался тяжелый день, только и всего.

Абара-Делак славилась своим богатством в те времена, когда дом Друкорлат был близок к тому, чтобы стать Великим домом, но это было еще до того, как войны забрали всех молодых мужчин и женщин. Когда Сандалату наконец отправили назад, будто подарок, утративший свою красоту и предназначение, ее потрясла бедность, царившая в родном селении, их обветшавшей усадьбе и окрестностях.

Отец умер незадолго до ее возвращения. Полученная на войне рана внезапно загноилась, и он отошел в мир иной, прежде чем сумел призвать на помощь лекарей. Его смерть стала для девочки трагедией, и прежнюю пустоту в душе сменила новая. Мать всегда считала мужа – отца Сандалаты – своей собственностью и не позволяла дочери заходить в их комнату, запирая дверь. Ходили слухи о том, что госпожа якобы снова забеременела, но ребенок так и не родился, а потом и отца не стало. Сандалата помнила лишь его высокую фигуру, но не лицо, да и вообще большинство ее воспоминаний были связаны с топотом отцовских сапог по деревянному полу над ее спальней в ночной тишине.

Мать больше не говорила о покойном муже ни слова. Она стала вдовой, и этот печальный титул, похоже, повысил ее ценность в собственных глазах, словно бы нес в себе некое богатство, которое предназначалось одной лишь Нерис. Тем временем со всех сторон подступала нищета, подобно тому как весенний паводок подрезает речные берега.

Пришедший в Абару-Делак молодой воин, однорукий и с мягким взглядом, изменил мир Сандалаты, и она только теперь поняла, как именно. Он не просто подарил ей ребенка или те вечера и ночи под открытым небом, на лугах и в долинах, где учил девушку раскрываться перед ним и впускать его в себя. Он стал посланником иного, внешнего мира. Не Цитадели, не дома, где жила ее мать в вечном ожидании мужа. Мир Галдана был полон жестокости и приключений, где каждая деталь, даже самая мельчайшая подробность, сверкала, будто золото и серебро, где даже камни под ногами все до единого были драгоценными, где смельчаки отважно противостояли злодеям, а честь оберегала нежные сердца. Они нашли свою любовь в полях, в жаркие летние дни среди буйства цветов.

Об этом мире Сандалата шептала своему сыну, рассказывая ему старые сказки – истории о том, кто его отец, где он жил и каким великим воином был, прежде чем задуть свечу и оставить Орфантала во власти сновидений.

Она запретила себе говорить постыдную правду о настоящем прошлом Галдана или о том, что Нерис отослала незадачливого парня прочь, изгнав его в земли яггутов, а потом пришло известие, что он умер при неизвестных обстоятельствах. Нет, ее сын не должен был знать правду, разрушавшую образ его отца: на подобную жестокость Сандалата пойти просто не могла. Мальчик нуждался в своих героях – как и любой другой. И для Орфантала его отец должен был стать не ведающим позора, лишенным видимых изъянов и очевидных слабостей, которые рано или поздно находит в своих живых родителях каждый ребенок.

В этих историях, которые Сандалата рассказывала у постели сына, она заново создала образ Галдана, сложив его из фрагментов Андариаста, Сильхаса Гиблого и, конечно же, Аномандера. Собственно, в основном Аномандера. Вплоть до самых черт его лица, его горделивой осанки, тепла его руки, сжимающей детскую ладошку, – и когда Орфантал просыпался в ночной тиши и ему вдруг становилось страшно, мальчику достаточно было лишь представить, как эта рука крепко стискивает его собственную.

Разумеется, сын спрашивал: куда делся его отец? Что с ним случилось?

Великая битва с одиночками-джелеками, старая вражда с тем, кого он когда-то считал другом. Предательство в тот самый момент, когда Галдан отдал жизнь, защищая своего раненого повелителя. Что стало с тем, кто его предал? Он тоже погиб, настигнутый собственным вероломством: предполагали, будто он покончил с собой, но вслух никогда об этом не говорили, ни единого слова. Все тисте были вне себя от горя, а потом поклялись во веки веков молчать о случившемся во имя собственной чести.

Ребенок должен был во что-то верить, и эту веру следовало сшить для него, подобно одежде или даже доспехам, которые он будет потом носить до конца своих дней. Так считала Сандалата, и если Галдан украл ее собственную одежду посредством сладкой лжи, оставив девушку дрожать в одиночестве от холода, то с Орфанталом все будет иначе... Нет, ему не придется пережить подобных страданий. Никогда.

Экипаж напоминал раскаленный котел. Сандалата задыхалась от жары, думая, кто же теперь будет рассказывать сыну истории на ночь. Никто. Но ведь Орфантал всегда может протянуть в темноте свою ручонку, чтобы взять отца за руку... Об этом больше не стоит беспокоиться: она сделала все, что было в ее силах, и, несмотря на гнев матери и жестокие обвинения в том, что сама Сандалата слишком юная, чтобы растить ребенка, доказала свою правоту. От жары кружилась голова. Сандалате казалось, будто она видела в селении Галдана, который, спотыкаясь, гнался за экипажем, а потом упал, вызвав еще больше насмешек.

Из-за жары ее воображение разыгралось не на шутку. Мир за окном стал ослепительно-белым, небо вспыхнуло огнем. Она закашлялась от пыли; конские копыта теперь стучали со всех сторон; голоса стали громче, а копыта уже гремели, подобно барабанам.

Экипаж, покачнувшись, остановился и съехал в канаву, наклонившись набок. Сандалата соскользнула с сиденья.

Пот на ее лице высох, кожа стала сухой и холодной.

Кто-то звал ее, но она не могла дотянуться до переговорного ящика, лежа на полу.

Загремел засов, и дверь распахнулась. Снаружи хлынул огонь, поглотив Сандалату.

– Витрова кровь! – выругался Ивис, забираясь в экипаж и беря на руки бесчувственную женщину. – Да тут жарко, как в кузнице! Эй, Силлен! Натяни тент: ей нужно охладиться в тени. Капрал Ялад, хватит уже тарашиться! Помоги, чтоб тебя!

Капитана охватила паника. Заложница побелела, как сам Сильхас Гиблый, кожа ее стала липкой на ощупь, а тело обмякло, будто у раздавленной куклы. Похоже, она надела на себя

почти всю имевшуюся у нее одежду в несколько слоев. Уложив молодую женщину на землю под тентом, который натягивал сбоку от экипажа Силлен, Ивис начал расстегивать застёжки.

– Капрал Ялад, мокрую тряпку ей на лоб, быстро!

Если заложница по дороге умрет, заварится такая каша, что потом и не расхлебашь... Страшно даже представить, какими будут последствия. И не только для него самого, но и для повелителя Драконуса. Семейство Друкорлат относилось к числу старых и уважаемых. У них не было других детей, кроме Сандалаты, а если и имелась еще какая-то родня, то сие было покрыто тайной. В случае трагического конца враги его повелителя только обрадовались бы, объявив, что «Драконус запятнал руки кровью», хотя на самом деле тот стремился лишь совершить благородный жест, взяв под опеку последнее дитя угасающего рода. Признание традиций, уважение к старым семействам – фаворит вовсе не желал уединяться от всего мира в безумной жажде власти.

Ивис снял с Сандалаты часть одежды – богатую парчу, тяжелую, будто кожаные доспехи, стеганое полотно, мешковину и шерсть, – а затем, помедлив, снова выругался и приказал:

– Силлен, достань тот рундук – взгляни, что в нем! Похоже, она напялила на себя весь свой гардероб!

Кучер слез с экипажа и остановился, глядя на бесчувственную женщину. Капитан Ивис нахмурился.

– Нам в любом случае пришлось бы съехать с дороги, – объяснил он вознице. – Она ведь сможет ехать верхом?

– Сомневаюсь, господин. Бедняжка без чувств.

– Да не сейчас, дурень, а когда придет в себя. Так сможет или нет?

Кучер пожал плечами:

– Не могу сказать, господин. Я, знаете ли, не из их прислуги.

– То есть?

– Друкорлаты отпустили большинство слуг еще года два назад. Земля-то пахотная есть, да вот только работать на ней некому. Одни померли, другие разбежались кто куда. – Возница потер затылок. – Ходили разговоры, чтобы устроить там пастбище, потому как работников для этого много не надо. Но вообще-то, – заключил он, все так же глядя на бесчувственную женщину, – народ просто сдался.

Силлен и еще двое солдат, кряхтя и ругаясь, сняли необычайно тяжелый рундук.

– Заперто, капитан.

– Вот ключ, – ответил Ивис, снимая с шеи раскрасневшейся заложницы узорный ключ на кожаной петле. Подбросив его в руке, он злобно взглянул на кучера. И велел: – Возвращайся пешком в селение.

– Что?! Но я должен вернуть экипаж! И лошадь!

– Это сделает один из моих солдат. Давай уже, проваливай. Нет, погоди! – Капитан отцепил от пояса маленький кожаный мешочек и бросил его кучеру. – Ты ничего не видел: ни как она упала в обморок, ни вообще ничего. Ясно?

Возница кивнул, широко раскрыв глаза.

– Если я вдруг узнаю, – продолжал Ивис, – что слух о случившемся разошелся по Абаре, то найду тебя и заставлю навеки замолчать твой болтливый язык.

Бедняга испуганно попятился:

– Не стоит мне угрожать, господин. Я вас прекрасно понял.

Услышав, как щелкнул замок рундука, Ивис махнул кучеру рукой, и тот поспешил прочь, на ходу заглядывая в кожаный мешочек. Бросив на капитана удивленный взгляд, он ускорил шаг.

Ивис повернулся к Силлену:

– Открывай.

Заскрипела крышка. Нахмурившись, Силлен извлек завернутый в ткань глиняный кувшин, из тех, что использовались для хранения сидра. Когда он встряхнул сосуд, то даже Ивис услышал странное шуршание, которое издавало его содержимое.

«Там явно не сидр», – подумал капитан и, встретив вопросительный взгляд Силлена, кивнул.

Солдат вытащил тяжелую пробку и заглянул внутрь.

– Камни, капитан. Отполированные камни. – Он кивнул в сторону рундука. – Там полно таких кувшинов.

– С побережья Дорсан-Рила, – пробормотал Ивис.

Взяв у капрала Ялада мокрую тряпку, он наклонился и вытер Сандалате лоб.

Камни в память о любви – обычное дело. По традиции все носили их с собой, однако не в таком же количестве.

«Любовь любовью, но прихватить с собой множество кувшинов этих камней? Целый клятый рундук?»

– Видать, у нашей дамочки было немало ухажеров, – заметил Силлен, возвращая пробку на место и плотно забивая ее ладонью.

Ивис недовольно уставился на солдата:

– Попридержи язык, Силлен. Если ты вздумал пошутить...

– Нет, капитан! – быстро ответил Силлен, ставя кувшин на место и закрывая крышку. – Прошу прощения, капитан. Что я могу знать о прекрасных дочерях из знатных семейств?

– Похоже, не многое, – согласился Ивис. – Запирай рундук, чтоб тебя. И верни мне ключ.

– Она приходит в себя, – сказал капрал Ялад.

– Слава Матери-Тьме, – облегченно прошептал капитан, глядя, как веки женщины дрогнули.

Сандалата непонимающе уставилась на него. Ивис ждал, но, похоже, она его не узнавала.

– Заложница Сандалата Друкорлат, я капитан Ивис. Я возглавляю ваш эскорт в Обитель Драконс.

– Эки... экипаж...

– Нам пришлось свернуть с дороги, госпожа: дальше можно ехать только верхом. Вы в состоянии сесть на лошадь?

Нахмурившись, она медленно кивнула.

– Мы останемся здесь чуть дольше, – продолжил Ивис, помогая женщине сесть. Увидев, что Сандалата заметила отсутствие части одежды, он взял плащ и накинул ей на плечи. – Вы перегрелись в экипаже, – объяснил капитан. – И упали в обморок. Госпожа, мы уж всерьез испугались, что можем вас потерять.

– У меня слишком живое воображение, капитан.

Ивис пристально посмотрел на нее, пытаясь понять смысл этого заявления.

– Мне уже лучше. – Сандалата слабо улыбнулась. – Пить хочется.

Капитан подал знак, и подошел солдат с фляжкой.

– Только не пейте сразу много, – посоветовал он.

– У вас мой ключ, капитан.

– Он сдавливал вам горло, госпожа. – Сандалата взглянула на рундук, и Ивис добавил: – Мы сделаем упряжь, натянув ремни между двумя всадниками. – Капитан улыбнулся. – Понятия не имею, что там внутри, но он дьявольски тяжел. Ах уж эти молодые женщины со своими туалетными принадлежностями... Кажется, белилам, духам и прочему не бывает конца. Я-то знаю: у самого есть дочь.

Сандалата отвела взгляд, похоже сосредоточившись исключительно на фляжке, а затем с тревогой посмотрела на капитана:

– А где кучер?

- Я отослал его, госпожа.
- Вот как? А он не...
- Нет. Клянусь честью.

Казалось, женщина собиралась еще что-то спросить, но ей не хватило сил, и она опять осела на землю, будто собираясь вновь лишиться чувств.

Ивис поддержал ее:

- Госпожа? Вы в порядке?
- Все будет хорошо, – заверила его Сандалата. – И сколько же ей лет?
- Кому?
- Вашей дочери.
- Она всего на несколько лет моложе вас, госпожа.
- Красивая?

– Ну, я все-таки ее отец, так что мне трудно судить... – Ивис криво усмехнулся. – А вот ума, готов поспорить, ей определенно не помешало бы побольше.

Сандалата протянула руку и дотронулась до плеча капитана таким жестом, словно была принцессой, которая общалась с коленопреклоненным подданным.

– Уверена, ваша дочь очень красивая, – сказала она.

– Да, госпожа, – ответил он и выпрямился. – Прошу нас простить: мне нужно поговорить с солдатами и заняться рундуком. Собирайтесь с силами, госпожа, а когда почувствуете себя лучше, мы продолжим наш путь в Обитель Драконс.

Когда он скрылся по другую сторону экипажа, Силлен наклонился поближе и сказал:

– Да поможет ей Матерь-Тьма, если она похожа на вас, господин. В смысле, ваша дочка.

Ивис нахмурился:

- Слишком много болтаешь, солдат. Как бы тебе не оказаться на дне нужника.
- Виноват, капитан. Просто не знал, что у вас есть дочь, только и всего. Как-то, знаете, трудно во всем этом разобраться, капитан.
- Ты в самом деле такой тупой, Силлен? – фыркнул за их спиной капрал Ялад.
- Займись упряжью, Силлен, – велел Ивис.
- Есть, капитан!

У настоящих мужчин не просто так имеется по две руки. Одна – чтобы брать, что хочется, а другая – чтобы отталкивать лишнее. Галдан потерял руку, которая отталкивала лишнее, и теперь, когда в пределах его досягаемости возникало нечто соблазнительное, он хватал его, чтобы жадно пожать.

Галдан нашел это мрачное проклятие в глубинах дешевого вина, а потом в молодой невинной девушке, которая всей душой мечтала о лучшей жизни. Что ж, разве он ей этого не пообещал? В смысле, самой лучшей жизни? Но ладонь, касавшаяся ее, принадлежала не той руке – единственной, которая у него осталась, – а потому прикосновение это оставило лишь ссадины и синяки, пятная прекрасное тело, до которого ему вообще не следовало дотрагиваться.

Любовь не имела ни рук, ни ног. Она не могла ни бегать, ни хватать, не могла даже оттолкнуть, как бы ни старалась. Брошенная наземь, не способная пошевелиться, плачущая, будто покинутый ребенок, – ее могли украсть, запинать до крови либо столкнуть со склона холма или утеса. Любовь могли задушить, утопить или сжечь, превратив в пепел и обугленные кости. Ее могли научить постоянно хотеть большего, как бы хорошо ее ни кормили. А иногда любовь превращалась в нечто, волочившееся позади на цепи, становившееся все тяжелее с каждым шагом, и когда под ней расступалась земля, она увлекала вас за собой туда, где никогда не кончались страдания.

Будь у него две руки, Галдан пронзил бы ее в самое сердце.

Но никто вокруг этого не понимал. Никто не знал, по каким причинам он постоянно пьет, хотя на самом деле причин-то никаких и не было. По крайней мере, настоящих. И Галдану не требовалось особых оправданий: вполне хватало пустого рукава и украденной у него прекрасной женщины. Не то чтобы он, конечно, ее заслуживал, но ведь известно, что чем выше взлетишь, тем больнее потом падать. «Форулканская справедливость» – так это называли. Галдан познал ее куда лучше, чем кто-либо другой, и не сомневался, что к нему отнеслись особым образом. Его коснулось некое злое божество, и теперь внушающие ужас слуги этого божества преследовали беднягу, скрываясь в тени за спиной.

Один из них затаился в узком, забитом мусором переулке возле таверны, присев в яме под четырьмя ступенями в погреб, и тихо насмехался над всеми оправданиями, которые имелись у Галдана по поводу того, кем он был и что делал. Причины и оправдания – это вовсе не одно и то же. Причины объясняли, а оправдания... оправдывали, но не лучшим образом.

Сандалату отправили прочь – Галдан видел катившийся по центральной улице экипаж, – и он успел заметить мелькнувшее в грязном окне лицо бывшей возлюбленной, даже выкрикнул ее имя.

Галдан придвинул ближе кувшин вина. Он выпил больше, чем следовало, и Грасу вряд ли понравится, что ему требуется еще. В день полагался один кувшин, не больше. Но Галдан ничего не мог с собой поделать. Сандалата ушла от него навсегда, и точно так же безвозвратно миновали все те ночи, когда он подкрадывался к границе усадьбы, будто вор, борясь с желанием найти любимую и забрать ее с собой, подальше от этой бессмысленной жизни.

Ну, строго говоря, ее-то жизнь как раз нельзя назвать бессмысленной. А вот эти его ночные вылазки были всего лишь притворством, несмотря на все те речные камни, что он оставлял в известном только им двоим тайнике. По крайней мере, Галдан точно знал, что Сандалата их нашла. Нашла и куда-то отнесла, вероятно в кучу отбросов позади кухни.

Галдан устался на кувшин и собственные грязные пальцы, сжимавшие керамическую ручку. Все, что он мог ухватить, исчезало подобно этому вину – рука, способная лишь брать, не могла ничего долго удерживать.

У настоящих мужчин имелось по две руки. С двумя руками они могли делать что угодно – держать мир в надлежащем отдалении и брать лишь необходимое, а если оно потом исчезало, это не имело значения, поскольку так происходило со всеми.

Когда-то он и сам был таким мужчиной.

Из глубокой тени внизу лестницы продолжал доноситься смех его преследователя. Но с другой стороны, жители селения всегда смеялись, увидев Галдана, и на их лицах он видел все оправдания своих поступков, те, которые ему нравилось называть причинами, и это его вполне устраивало. Как, похоже, и всех остальных.

Галар Барас знал, что форулканы всей душой ненавидели беспорядок и хаос. Многие поколения их жрецов-ассейлов посвятили свою жизнь созданию законов и правил поведения, насаждая мир во имя порядка. Но с точки зрения Галара, они взялись за меч не с того конца. Мир вовсе не служил порядку – все обстояло наоборот, а когда порядок становился священным и нерушимым, подобно некоему божеству, завоеванный подобным образом мир превращался в тюрьму, а те, кто стремился к свободе, неизбежно делались врагами порядка, и уничтожение таких врагов означало конец мира.

Он видел в этом определенную логику, но умозаключения подобного рода теряли силу, когда их навязывали тебе помимо воли, как бывало со многими умозаключениями. И их простоте противостояла смертельная буря эмоциональных крайностей и страстей, увенчанная страхом.

Форулканские жрецы решили проблему таким образом, что в результате воцарился порожденный страхом порядок, когда мир был обречен на вечную угрозу со стороны злых

сил, многие из которых носили обличье чужаков. Барас вынужден был признать, что взгляды ассейлов отличались своего рода совершенством. При таком раскладе никакое инакомыслие не имело шансов: его моментально уничтожали на корню. А оставаясь неизвестными, чужаки всегда представляли угрозу для тех, кто служил страху.

Их цивилизация закалялась на холодной наковальне, и тисте обнаружили в ней изъян. По мнению Галара Бараса, ирония заключалась в том, что великий полководец, победивший форулканов, столь явно восхищался их культурой. Галар прекрасно понимал его, ибо и сам видел в ней определенные соблазнительные составляющие, но если Урусандера они привлекали, то Барас лишь смущенно отшатывался. Чего стоит мир, который приходится поддерживать с помощью угроз?

Только трусы благоговейно преклоняли колени перед порядком, а Галар отказывался жить в страхе.

До войны пограничным войскам на юге не хватало должной организации и снаряжения. И все же именно они первыми ответили на форулканское вторжение, первыми нанесли урон врагу. Цена оказалась чудовищной, однако Галар высоко оценил рождение в хаосе и раздоре сражения того, что впоследствии стало называться легионом Хуста. Создание этого подразделения не принесло мира, и первые годы его существования были тяжелыми и жестокими.

Среди оружейников из кузниц Хуста бытовало поверье, что в сердце каждого клинка тянется нить страха, которую невозможно уничтожить, ибо она связана с жизнью самого железа. Ее называли Нитью Сердца. Стоило ее перерезать, и оружие теряло страх быть сломанным. Ковка мечей посвящалась укреплению Нити Сердца; каждый очередной слой металла скручивал эту нить, раз за разом свивая ее в прочные узлы: тайным искусством подобной закалки владели лишь кузнецы-оружейники Хуста. Галар слышал, что они якобы обнаружили сущность этой нити страха, жилы Хаоса, придававшей мечу его силу. И нисколько не сомневался, что так оно и есть, поскольку Хуст наделил эту Нить Сердца голосом, полным безумия или бьющей через край радости, одновременно чудесным и ужасным, кричащим сквозь закаленное железо, и у каждого меча этот голос был свой, а тот, который пел громче всего, считался самым грозным оружием.

Кузница Хуста начала снабжать пограничников юга ближе к концу Форулканской войны, но к тому времени враг был уже разбит, в беспорядке отступая перед неумолимым наступлением легиона Урусандера. Понесшие потери опытные пограничники играли роль вспомогательного подразделения, участвуя во всех основных сражениях последних двух лет кампании. Силы их были на исходе.

Галар до сих пор помнил ставший теперь легендарным день, когда начались поставки от Хуста: как в облаках пыли появились громадные фургоны, а воздух наполнился мычанием и стонами; сперва потрепанное войско пограничников решило, что это голоса вьючных животных, но оказалось, что звуки издает лежащее в деревянных ящиках оружие. Галар вспомнил ужас, охвативший его самого, когда он, положив на землю свой зазубренный потертый меч, взял в руки новое оружие Хуста. Оно вскрикнуло от его прикосновения, издав оглушительный вопль, и Галару показалось, будто по всем его костям прошли острые когти.

Меч ему вручил сам Хенаральд, сын Хуста, и, когда вопль внезапно оборвался, отдавшись звенящим эхом в черепе Галара, молодой оружейник кивнул и сказал:

– Ему приятно ваше прикосновение, капитан, но имейте в виду, что меч этот весьма ревнив. Как мы выяснили, с самыми могущественными клинками всегда так происходит.

Галар не знал, благодарить ему мастера или нет. Некоторые дары оказывались проклятием. Но вес оружия вполне соответствовал силе его руки, и оно казалось ему продолжением собственных костей и мышц.

– Не существует меча, который невозможно сломать, – продолжал оружейник, – хотя, ведает Бездна, мы старались изо всех сил. Капитан, слушайте меня внимательно, ибо то, что я

сейчас скажу, известно лишь немногим. Мы вели не то сражение, против не того врага. Любое железо имеет пределы гибкости и прочности – таковы законы природы. Я не могу ручаться, что ваш новый меч не сломается, хотя он настолько могуществен, что ни одно обычное оружие, вероятно, никогда его не повредит, и он никогда не подведет хозяина, оставаясь в ваших руках. Но даже если этот клинок вдруг сломается, не бросайте его, капитан. На Нити Сердца много узлов. Очень много.

В то время Барас понятия не имел об узлах или о Нитях Сердца. Знание пришло позже, когда тайны мечей Хуста стали у него навязчивой идеей. Теперь Галар считал, что понимает значимость этих узлов, и, хотя пока что ни разу не видел, как ломается меч Хуста (и даже не слышал об этом), однако полагал, что в каждом клинке скрыто некое чудо, колдовство, не похожее ни на какое другое.

Мечи Хуста были живыми. Галар Барас в этом не сомневался, да и не только он один. Похоже, никто из бойцов легиона Хуста не считал иначе. Солдаты Урусандера могли вволю насмехаться и отпускать ехидные шуточки. Но именно рудники Хуста были главной целью вторжения форулканов, и именно благодаря сопротивлению южных пограничников их удалось сохранить. Хуст Хенаральд выразил свою благодарность единственным возможным способом.

Даже высокородным воинам из домашнего войска становилось не по себе при виде легионеров Хуста и их пугающего оружия. Естественно, бывали и исключения. Взять хоть Келлараса, командира личной гвардии Обители Пурейк. Не случайно Галар Барас ехал сейчас верхом в обществе именно этого офицера.

В их Обители произошли перемены. С благословения Нимандера, горячо почитавшего Матерь-Тьму, ей были переданы все земельные владения. Мало того, все принадлежавшие к роду Пурейк тисте вместе со своей прислугой, а также воины, нищенствующие монахи и ученые теперь служили Матери-Тьме, приняв имя «анди», Детей Ночи.

Первый Сын Тьмы, повелитель Аномандер, которому подчинялся Келларас, охотно прославлял легион Хуста и открыто восхищался Обителью Хуст. Его войска первыми прибыли на юг, на подмогу пограничникам после обороны рудников, и Галар помнил, как повелитель Аномандер пересек залитую кровью землю, чтобы поговорить с Торас Редон, самой старшей из воинов, которая взяла на себя командование пограничниками, а затем официально получила звание командира. Тот поход сам по себе был достоин уважения: повелитель мог с легкостью вызвать Торас к себе, но вместо этого сам отправился на поле боя, чтобы похлопать ее по плечу, удивив всех присутствовавших.

В тот день все воины, которым вскоре предстояло стать солдатами легиона Хуста, тоже почувствовали себя анди, Сыновьями и Дочерьми Ночи.

Никто из них не мог представить, какими окажутся последствия этого судьбоносного момента: в результате начались политические распри, и в отношениях между легионом Урусандера и легионом Хуста пролегла трещина. Не один месяц подряд сражавшиеся бок о бок Галар Барас и его друзья Хустейны с их внушающим страх оружием вдруг стали чужими в войске Урусандера.

Несмотря на всю абсурдность и даже пагубность ситуации, любые попытки навести мосты через эту трещину заканчивались неудачей. Большую часть легиона Урусандера распустили, отправив пребывать в состоянии неизвестности в рядах резерва, в то время как легион Хуста остался нетронутым, продолжая бдительно нести охрану драгоценных рудников. Как пробормотала, здорово приняв на грудь, Торас Редон однажды ночью у себя в штаб-квартире, когда все разошлись и остались лишь Галар и его командир, мир стал катастрофой. Вспомнив об этом, Галар позволил себе улыбнуться. Он не был тогда пьян, поскольку не переваривал спиртного, а вот Торас прикончила в одиночку почти целый кувшин вина, но потом они ни в чем не винили друг друга. Для обоих это стало первой физической близостью с кем бы то ни было со времен войны. Галар и Торас нуждались друг в друге, и хотя потом они редко говорили о

той ночи – единственной, которую провели вместе, – Торас как-то призналась, что специально тогда так наклюкалась, чтобы набраться смелости и затащить его в постель. Когда Галар рассмеялся, она оскорбленно отвернулась, и он поспешил объяснить, что это всего лишь от удивления: сам он вплоть до того мгновения тоже боялся быть отвергнутым.

Теперь Барас понимал, что им следовало ухватиться за этот миг откровенности, посмотреть друг другу в глаза и выковать из своих желаний один общий клинок. При этих мыслях улыбка Галара померкла, как бывало каждый раз, стоило лишь ему погрузиться в воспоминания.

Всего несколько месяцев спустя Торас отослала его прочь, отправив служить в Харканасе связным легиона Хуста. Ну не странно ли, что отвага мужчины и женщины, сражавшихся бок о бок на войне, осталась где-то на поле брани? Хотя, если хорошенько подумать, то это, пожалуй, и к лучшему. В конце концов, Торас Редон была замужем, и ее супругом был не кто иной, как Калат Хустейн, сын Хенаральда – того самого, который вручил ему меч Хуста.

Теперь, когда Галар большую часть времени находился в Цитадели, он мог в любое время найти утешение в объятиях кого-нибудь из жриц, хотя пока что обходился без этого. Он проводил дни, будто в осаде, не обращая внимания на половину нацеленного на него оружия, и каждую ночь устало тащился в свое скромное жилище, жалея, что не переносит спиртного.

Он слышал, будто Калата Хустейна назначили командиром смотрителей Внешних пределов, далеко к северу от равнины Призрачной Судьбы. Осталась ли Торас теперь одна? Написается ли она в чужих объятиях? Барас этого не знал и, откровенно говоря, знать не хотел.

И все же он не мог побороть смешанного с тревогой нетерпения, когда они въехали в основательно прореженный Старый лес. Покинув его молчаливую сень, воины должны были увидеть кузницу Хуста и сам Большой дом. Галар убеждал себя, что не стоит на что-либо рассчитывать: вероятно, Торас тут даже не было, поскольку рудники, где стоял легион, располагались намного южнее. Собственно, будет даже лучше, если ее здесь не окажется. В последнее время в его жизни и без того хватает неразберихи.

С тех пор как Галар Барас поселился в городе, он понял, что трещина между легионами Урусандера и Хуста была лишь одной из многих и даже принятие титула «анди» стало источником раздоров. Да еще вдобавок росло могущество того, кто находился рядом с Матерью-Тьмой, и невозможно было предсказать, каким окажется предел амбиций повелителя Драконуса, хотя наиболее громогласные его очернители не колеблясь воображали самые злокозненные намерения. Галар считал положение Драконуса довольно шатким, особенно теперь, когда всюю шли разговоры о браке – явно политическом союзе, целью которого было залечить старые раны и фактически предотвратить гражданскую войну. Если у Драконуса и имелись амбиции, вряд ли они простирались дальше укрепления уже обретенного им статуса, но даже тогда фаворит должен был понимать, что в любой момент может впасть в немилость.

Если только, как нагло заявляли его враги, Драконус не искал тайных союзников среди всех знатных семейств, дабы сделать брак в принципе невозможным. Пожалуй, это был наиболее правдоподобный из всех слухов; но с другой стороны, нельзя ведь сбрасывать со счетов и то, каким могуществом обладала сама Матерь-Тьма. Она вполне могла любить Драконуса – а Галар подозревал, что так и есть, – но не была склонна никому покоряться. Ее воля была подобна Нити Сердца у меча. Ни один возлюбленный был не в силах подчинить ее себе, и точно так же ее не могли убедить никакие аргументы.

Во многих отношениях Матерь-Тьма воплощала собой форулканский идеал справедливости и порядка – даже если сами форулканы в своем слепом фанатизме и не были способны это признать.

Галар считал, что именно таков величайший дар Матери-Тьмы ее детям, всем без исключения. Пока она была жива, можно было не опасаться беспорядка и хаоса, что успокаивало и служило величайшим утешением. Если брачный союз будет заключен, если Урусандер из

Нерет-Сорра разделит правление с Матерью-Тьмой как ее законный муж, то, возможно, вражде придет конец, все трещины затянутся и легион Хуста сможет вздохнуть спокойно.

И как тогда поступит Драконус, для которого не останется места в Цитадели, как и во всем Харканасе? Признает свое поражение и удалится в северную Обитель на берегах реки Дорсан-Рил? Галар считал Драконуса достойным уважения и полагал, что повелитель подчинится воле той, кого любил.

Никто не может избежать в жизни горестных мгновений, боль утраты ведома абсолютно каждому. И Драконус достаточно умен, чтобы это понимать.

Мир был вполне возможен. Лишь глупец мог желать гражданской войны. Сыновья и дочери тисте отдали свои жизни, защищая королевство; пролилась кровь каждого дома и каждой Обители, от наиболее могущественных до самых мелких. Кто осмелился бы утверждать, будто это ничего не значит?

Командир Келларас молча ехал рядом с капитаном легиона Хуста. Он слышал бормотание, доносившееся из сделанных из чернодрева ножен на боку Галара, и от этого звука его пробирала дрожь, будто от прикосновения к трупам. Ему было известно немало историй об этом мрачном легионе и его внушающем страх оружии, но он впервые пребывал в обществе одного из тамошних солдат.

Покинув Харканас, они проехали вдоль реки Дорсан-Рил, оставив слева обширную равнину, а затем рощу утративших свои естественные свойства деревьев, прежнее название которой никто теперь не произносил без тени иронии. За все это время попутчики обменялись лишь парой слов; разговор не клеился, и Келларас начал верить в истории, которые слышал от стражей Цитадели, всех до единого ветеранов легиона Урусандера. Мечи Хуста были прокляты, и сочащийся из них яд отравлял их владельцев. Этих мужчин и женщин окружала темнота, но не чистая, как у тех, кто служил Матери-Тьме, а мутная, пронизанная чем-то болезненным, как будто зараженная хаосом Витра.

У Келлараса вспотели под перчатками руки. Он чувствовал, как на него давит сила, исходящая от этого офицера из легиона Хуста, с его никогда не смолкающим мечом, таким средоточием некоего зловещего водоворота. Внешне капитан Галар Барас казался слишком молодым для того, кто перенес тяготы прошлой войны; его мальчишеские черты, похоже, были неподвластны возрасту – Келларас подозревал, что он будет выглядеть примерно так же и через триста лет, и даже через пятьсот. Правда, подобные лица, озарявшиеся улыбкой при каждом удобном случае, обычно принадлежали весельчакам, обладавшим изрядным чувством юмора и неистребимым оптимизмом.

Но Галар скорее походил на того, кто лишился былой радости во взгляде и теперь брел в полумраке. Он не слишком годился на роль представителя легиона Хуста и его старшего офицера в Харканасе: в городе его не любили и редко приглашали на торжества. Насколько знал Келларас, капитан Галар Барас проводил свободное от службы время в одиночестве. Чем он интересовался? Что доставляло ему удовольствие? Никто не мог этого сказать. Как когда-то писал Галлан, «запертые двери скрип не издают». Капитан не отличался разговорчивостью, и Келларасу даже в голову не могло прийти отправиться в жилище Бараса в поисках его общества. Насколько Келларас знал, подобного желания не возникало вообще ни у кого.

Пней в этом странном лесу было не меньше, чем живых деревьев, да и те выглядели слишком мрачно, с тускло-серыми листьями вместо блестяще-черных. В сухой листве подстилки не пробегали никакие мелкие зверьки, а в редком пении птиц звучали жалостливые нотки, как будто они тщетно зывали и никак не могли дожидаться ответа. Несмотря на солнечный свет, падавший сквозь зияющие в листве над головой дыры, Келларасу становилось все больше не по себе.

В притороченной к седлу сумке он вез послание от своего хозяина, повелителя Аномандера, которое ему велели вручить лично в руки Хусту Хенаральду и ждать ответа. Никакой эскорт для этого не требовался, и Келларасу казалось, будто настойчивое желание Галара сопровождать его свидетельствует о своего рода недоверии, даже подозрительности. По сути, это выглядело оскорблением.

И тем не менее Первый Сын Тьмы не питал неприязни к легиону Хуста, даже совсем напротив, так что Келларас считал за благо не противиться воле своего спутника, о чем бы ни шла речь. Они вполне могли ехать молча – осталось уже совсем немного, поскольку впереди уже виднелся просвет, – и изображать, будто их связывают дружеские отношения.

И тут Галар Барас застиг его врасплох своим вопросом:

– Вам что-нибудь известно о послании вашего повелителя повелителю Хенаральду, командир?

Пустив лошадей галопом, они выехали на открытое пространство. Келларас уставился на офицера:

– Даже если бы я и знал подробности, капитан, не нам с вами их обсуждать.

– Прошу прощения, командир. Я вовсе не собирался совать нос не в свое дело. Но повелитель Хуст Хенаральд славится тем, что лично работает в кузницах, и, боюсь, его не окажется в доме. Так что я хотел лишь удостовериться в том, насколько срочное это послание.

– Понятно. – Келларас на мгновение задумался. – Я должен дождаться ответа повелителя.

– В таком случае задержка может быть нежелательной.

– Что вы предлагаете, капитан?

– Для начала, естественно, поехать в Большой дом. Если, однако, повелитель Хенаральд отправился на юг, на рудники, боюсь, мне придется передать вас местному эскорту, поскольку я не могу столь долго отсутствовать в Цитадели.

Впереди появились массивные каменные стены, окружавшие кузницу Хуста. Келларас молчал, вынужденный признать, что слова попутчика сбили его с толку. Наконец он откашлялся.

– Меня удивляет, капитан, почему вы вообще настояли на том, чтобы меня сопровождать. Вы сомневаетесь в приеме, который могут мне оказать в этом доме?

Барас удивленно поднял брови:

– Конечно же нет, командир. – Он мгновение поколебался, прежде чем добавить: – Вообще-то, я решил поехать с вами, чтобы размять ноги. Чуть ли не всю свою сознательную жизнь я прослужил пограничником и теперь чувствую себя заточенным в каменных стенах во дворце, где царит столь густая тьма, что, даже стоя на балконе, не увидишь ни единой звезды в ночном небе. Вот я и подумал, что, если так будет продолжаться, можно сойти с ума. – Галар медленно остановил лошадь, отведя взгляд. – Прошу прощения, командир. Слышите звон? Они узнали вас и теперь готовятся встретить. Мне незачем ехать дальше...

– Мы поедем вместе, капитан, – сказал Келларас, только теперь поняв, что его спутник и впрямь очень молод. – Ваша лошадь нуждается в отдыхе и воде, а кроме того, я рассчитываю, что вы будете меня сопровождать, поскольку мне предстоит въехать во владения легиона Хуста. Вы окажете мне надлежащую честь, ибо офицеру моего ранга полагается эскорт.

Келларас рисковал: строго говоря, он не имел права приказывать офицерам из легиона Хуста. Но если капитан и впрямь чахнул в темнице, к которой приковывал его долг, то лишь какой-то другой приказ мог помешать бедняге вернуться туда, где он так страдал.

Келларас заметил на раскрасневшемся лице Бараса мимолетное облегчение, которое тут же сменилось внезапным страхом.

«И что теперь?»

Но Галар Барас вновь пришпорил лошадь, продолжая ехать рядом:

– Как прикажете, командир. Я полностью в вашем распоряжении.

Впереди, грохоча тяжелыми цепями, распахнулись огромные бронзовые ворота. Келларас снова откашлялся.

– К тому же, капитан, – сказал он, – разве вам не интересно увидеть выражение лица повелителя Хенаральда, когда он узнает, что мой хозяин желает заказать меч?

Галар Барас потрясенно повернулся к нему, но ничего не сказал.

А потом оба офицера въехали в ворота.

Глава четвертая

Равнина Призрачной Судьбы десятилетиями не видела дождей, но черная трава густо покрывала холмистую землю, порой доходя лошадям до плеч. Тонкие острые стебли вбирали в себя жар солнца, превращаясь в некое подобие раскаленной печи. Железное снаряжение – пряжки, застежки, оружие и доспехи – обжигало руки. Кожа за день успевала съежиться и потрескаться. Тело задышалось под одеждой, страдая от невыносимого зноя.

Смотрители Внешних пределов, самой северной части равнины, граничившей с серебристым, как ртуть, морем Витр, носили одежду почти из одного шелка, но даже в ней они страшно мучились, покидая свои форпосты больше чем на несколько дней, равно как и их лошади, обремененные толстыми деревянными доспехами, защищавшими ноги и нижнюю часть туловища как от жары, так и от острых зазубренных стеблей травы. Патрули к морю Витр были настоящим испытанием, и мало кто среди тисте добровольно соглашался служить в рядах смотрителей.

Что, впрочем, и к лучшему, подумала Фарор Хенд, ведь, окажись среди тисте больше подобных им безумцев, проблем хватило бы всем. Ближе к краю Витра трава засыхала, оставляя после себя лишь голую землю, утыканную изъеденными камнями и хрупкими валунами. Воздух, плывший со стороны спокойной серебристой глади моря, обжигал легкие и ноздри, разъедал любую ссадину.

Сидя верхом на лошади, Фарор смотрела, как ее младший двоюродный брат, достав меч, вставляет его лезвие в бороздку валуна у края Витра. Некий яд, содержащийся в странной жидкости, растворял даже самые твердые камни, и смотрители использовали некоторые валуны для заточки оружия. Меч ее спутника был выкован Хустами, но уже давно, а потому милосердно молчал. И все же для Спиннока Дюрава это оружие, хранившееся в его семье много поколений, было новым. Фарор видела, как парень им гордится, и это ей нравилось.

Третья и последняя всадница из их патруля, Финарра Стоун, усккала вдоль побережья на запад, и Фарор какое-то время назад потеряла ее из виду. В том, чтобы отправляться куда-то в одиночку столь близко от Витра, не было ничего необычного: голые волки с равнин никогда сюда не забирались, а от других зверей остались лишь кости. Финарре некого было опасаться, и рано или поздно она должна была вернуться. Смотрители собирались разбить на ночь лагерь в тени высоких утесов, где былые бури вгрызлись глубоко в берег, достаточно далеко от моря, чтобы избежать его ядовитых испарений, но все же на некотором расстоянии от края зарослей густой травы.

Слыша ободряющий скрежет клинка, который точил Спиннок, Фарор развернулась в седле, глядя на серебристую водную гладь, обещавшую пожрать без остатка плоть и кости любого, кто ее коснется. Но сейчас поверхность моря была спокойна, хотя и усеяна пятнами, как будто отражая затянутое тучами небо. Ужасающие силы, обитавшие в глубинах Витра или где-то в его далеком сердце, пребывали в покое, что в последнее время было необычно. В прошлые три раза, когда здесь побывал патруль, смотрителей неизменно вынуждали отступать яростные бури, после каждой из которых суши оставалось все меньше.

Если тайну Витра не смогут разгадать, если его мощь не удастся притупить, загнать вглубь или уничтожить, не исключено, что через десяток столетий ядовитое море поглотит всю равнину Призрачной Судьбы, добравшись до самых границ Куральда Галейна.

Никто точно не знал, каково происхождение Витра, – по крайней мере, никто из тисте. Фарор считала, что ответ можно найти у азатанаев, но никаких подтверждений тому у нее не было; к тому же она была всего лишь простой смотрительницей – кому интересно ее мнение? Что же касается ученых и философов Харканаса, те были полностью погружены в себя, не при-

нимая всерьез чужеземцев и их чуждые обычаи. Казалось, будто они высоко ценят собственное невежество, воспринимая его как некое достоинство.

Возможно, среди добытых у форулканов трофеев, которыми теперь владел повелитель Урусандер, и могло найтись нечто, позволявшее приоткрыть завесу тайны, хотя подобное казалось маловероятным, учитывая одержимость Урусандера идеями закона и порядка. Занимаясь своими исследованиями, полководец мог, конечно, наткнуться на какие-то древние размышления по поводу Витра, но вот только обратил ли бы он на них вообще внимание?

Все признавали, что Витр представлял собой угрозу, неотвратимую и неминуемую. Несколько тысячелетий были не таким уж и долгим сроком, а в мире хватало истин, на постижение которых требовались века. Так или иначе, все сводилось к простому факту: их время подходило к концу.

– Говорят, – сказал Спиннок, выпрямившись и глядя вдоль лезвия меча, – будто в клинок проникает некое свойство Витра, благодаря чему он становится прочнее, не зазубривается и его становится сложнее сломать.

– Да, братец, я тоже такое слышала, – улыбнулась Фарор.

Кузен взглянул на нее, и Фарор вновь ощутила странное чувство, смесь гордости и зависти: ну до чего же хорош, паршивец! Какая женщина устоит перед Спинноком Дюравом? Но она сама никогда бы не осмелилась закрутить с ним роман. Дело было даже не в том, что парень еще не успел толком повзрослеть, в то время как она была на одиннадцать лет старше и к тому же помолвлена. Фарор не задумываясь пренебрегла бы обоими препятствиями, но их семьи – дома Хенд и Дюрав – связывало слишком близкое родство. А запрет на сей счет был строг и непреложен: дети родных братьев и сестер не могли вступать в интимную связь.

И все же здесь, вблизи от Витра, столь далеко от земель тисте, некий голос нашептывал ей, порой весьма настойчиво: да кто, собственно, узнает? Финарра Стоун уехала и вряд ли вернется до захода солнца. «Все тайны сохранит земля, а небу дела нет до игрищ тех, кто смотрит на него». В произведениях Галлана содержалось столько захватывающих дух истин, будто поэт проник в ее собственный разум; да и наверняка не одна только Фарор так считала. Каждый находил в этих истинах свой вкус и аромат, и казалось, что стихотворец обращается напрямую к каждому слушателю или читателю. Волшебство тех, кто посвящал жизнь изучению тайн Ночи, с трудом могло сравниться с магией поэм Галлана.

Его слова пробуждали у Фарор самые сокровенные желания и от этого становились опасными. Усилием воли она заглушила шепот у себя в голове, подавляя сладостные, но запретные мысли.

– А еще рассказывают, – продолжал Спиннок, убирая меч в ножны, – что у азатанаев есть специальные сосуды, способные хранить в себе содержимое Витра. Наверняка они сделаны из какого-то необычного и редкого камня.

Фарор тоже об этом слышала, и именно подробности такого рода убеждали ее, что азатанаи постигли природу этого ужасающего яда.

– Если подобные сосуды и впрямь существуют, – отозвалась она, – то возникает вопрос: какую цель можно преследовать, собирая в них жидкость из Витра?

Пожав плечами, кузен направился к своей лошади.

– Какой лагерь находится тут неподалеку, Фарор?

– Тот, который мы называем Чашей. Ты там еще не бывал. Я провожу.

От его до невозможности невинной улыбки у нее защеколало между ног, и женщина отвела взгляд, взяв поводья и молча проклиная собственную слабость. Услышав, как брат забрался в седло, она развернула лошадь и повела ее вперед, к тропе, что вилась вдоль берега.

– Ответ на твой вопрос: Матерь-Тьма, – послышался позади нее голос Спиннока.

«Что ж, будем об этом молиться», – подумала Фарор.

– Между прочим, об этом писал поэт Галлан, – сказала она.

– И почему я не удивлен? – усмехнулся Спиннок. – Продолжай же, моя прекрасная сестрица. Послушаем очередную цитату...

Она ответила не сразу, пытаясь успокоить внезапно заколотившееся сердце. Спиннок вступил в ряды зрителей год назад, но сейчас впервые пытался с ней флиртовать.

– Ладно, раз уж тебе так хочется. Галлан писал: «В смертельной тьме ждут все ответы». Лошади с хрустом ступали по неровному грунту.

– Так я и думал, – помедлив, буркнул Спиннок.

– Что именно?

Он рассмеялся:

– Вполне достаточно горстки поэтических слов, чтобы перестать что-либо понимать. Подобное искусство не для меня.

– Проницательности можно научиться, – возразила Фарор.

– В самом деле? – усмехнулся он. – Может, теперь, умудренная сединами, ты отважишься погладить меня по руке?

Она обернулась:

– Я тебя чем-то обидела, братец?

Спиннок беззаботно потрянул головой:

– Вовсе нет, Фарор Хенд. Но нас разделяет не так уж много лет.

Она долго смотрела ему в глаза, а потом снова отвернулась.

– Скоро стемнеет, и Финарра разозлится, если к ее возвращению не будет готов ужин. А также поставлены шатры и приготовлена постель.

– Финарра разозлится? Никогда еще не видел ее в ярости, сестрица.

– Надеюсь, что и сегодня ночью мы тоже этого не увидим.

– Она найдет нас в темноте?

– Ну разумеется, по свету нашего костра, Спиннок.

– В месте под названием Чаша?

– Ну да, я совсем забыла. В любом случае ей хорошо знаком этот лагерь, поскольку именно она первая его обнаружила.

– Значит, Финарра не заблудится?

– Никоим образом.

– Стало быть, – весело продолжал Спиннок, – эта ночь не принесет никаких открытий. И в свете костра не найдутся никакие ответы.

– Похоже, ты прекрасно понял Галлана, Спиннок Дюрав.

– Я с каждым мгновением становлюсь старше.

– Как и все мы, – вздохнула Фарор.

Капитан Финарра Стоун остановила лошадь, уставившись на лежащую на неровном берегу моря тушу. В воздухе чувствовался тяжелый сладковатый запах гниющей плоти. Она много лет патрулировала равнину Призрачной Судьбы и Внешние пределы на границе моря Витр, но никогда прежде волны не выбрасывали на берег какое-либо существо, живое или мертвое.

Финарра уехала далеко от своих спутников и знала, что, прежде чем сумеет к ним вернуться, уже стемнеет. Вообще-то так случалось сплошь и рядом. На этот раз, однако, она пожалела, что с ней никого нет.

Тварь была огромной, но большую ее часть пожрали ядовитые воды Витра, и трудно было понять, что это за создание. Вдоль спины массивной туши виднелись обрывки чешуйчатой кожи, полностью выпцветшие и лишённые окраски. Ближе к земле толстые мышцы сменялись похожим на кривой забор рядом красноватых ребер. Находившийся внутри этих ребер блед-

ный мешок лопнул, вывалив гниющие органы наземь, туда, где на кварцевый песок медленно накатывали волны моря.

Ближайшая задняя конечность, согнутая по-кошачьи, уходила к выступающей тазовой кости, на уровне глаз сидевшей верхом Финарры. Кроме того, виднелись остатки толстого, суживавшегося к концу хвоста. Передние лапы как будто тянулись к берегу; когти одной из них зарылись глубоко в песок, словно бы тварь пыталась выбраться из Витра, но усилия ее оказались тщетными.

Голова и шея отсутствовали, а обрубок между плеч выглядел так, будто его отгрызли чьи-то гигантские клыки.

Финарра не могла понять, сухопутное это животное или водное; насколько она знала, мифические драконы имели крылья, но никаких признаков таковых за сгорбленными лопатками не наблюдалось. Может, это какой-то нелетающий родственник легендарных элейнтов? Трудно сказать. Сама она в этом не разбиралась, да и вообще лишь немногие среди тисте могли похвастаться тем, что когда-либо видели дракона. До сих пор Финарра отчасти считала подобные рассказы преувеличением: ни одно живое существо в мире не могло быть настолько огромным, как их изображали.

Чувствуя, как под ней нервно переступает с ноги на ногу лошадь, капитан Стоун вгляделась в обрубок шеи, пытаясь прикинуть, насколько тяжелой была голова, которую поддерживали на весу эти могучие мышцы. Был отчетливо виден какой-то крупный кровеносный сосуд, возможно сонная артерия, в отверстие которой вполне мог пройти кулак взрослого мужчины.

Порыв ветра донес до них тяжелую вонь, и лошадь Финарры попятилась, ударяя копытами по песку.

Обрубок твари приподнялся, словно бы реагируя на звук.

У женщины перехватило дыхание. Замерев, она смотрела, как ближайшая к ней лапа зарывается глубже в сверкающий песок. Задние лапы напряглись, подтянулись. Туловище поднялось, а затем тяжело рухнуло чуть дальше, заставив берег содрогнуться. Внезапно осознав грозящую ей опасность, Финарра отвела лошадь назад, глядя, как жуткий обгрызенный обрубок слепо шарит вокруг. Рядом с передней лапой появилась вторая, вонзив в песок длинные, будто охотничьи ножи, когти.

– Ты труп, – проговорила Финарра. – Тебе оторвали голову. Твою плоть растворяет Витр. Пора покончить с твоими мучениями.

На мгновение наступила тишина, будто тварь каким-то образом услышала и поняла ее слова, а затем отвратительное существо устремилось вперед, прямо к всаднице, с невероятной быстротой сокращая разделяющее их расстояние и рассекая воздух одной лапой.

Лошадь заржала и встала на дыбы. Когтистая лапа с размаху ударила ее по передним ногам, разбив деревянные доспехи и подбросив животное в воздух. Финарра почувствовала, что валится влево, а затем ощутила на себе чудовищный вес лошади. Не в силах поверить в происходящее, ошеломленная близостью возможной смерти, капитан ощутила, как одна ее нога выскальзывает из стремени, но они уже вместе падали наземь.

С другой стороны появилась вторая лапа. Все поле зрения Финарры заполнили мелькнувшие когти, затем последовал удар; конское ржание внезапно оборвалось, и женщина, куврякаясь, отлетела в сторону.

Тяжело приземлившись на левое плечо, она увидела труп лошади, у которой были оторваны голова и большая часть шеи. Мерзкая тварь вновь рванулась вперед, раздирая лапами туловище несчастного животного. Послышался хруст костей, на песок хлынула кровь.

А потом демон снова застыл неподвижно.

Плечо Финарры пронзила боль. Кость была сломана, руку жгло огнем, кисть онемела. Женщина пыталась задержать дыхание, чтобы тварь ее не услышала, – она не верила, что та мертва, да и вообще сомневалась, что подобное существо способно умереть. Возможно, ему

придавало жизненную силу некое колдовство, первобытная мощь, бросающая вызов рассудку, и даже если бы море Витр полностью растворило это страшилище, пожрав его вплоть до костей, на берегу все равно осталось бы нечто бесформенное, раскаленное добела и не менее смертоносное.

Сжав зубы от боли, Финарра начала отползать в сторону, зарываясь пятками в песок, и тут же замерла, увидев, как монстр дернулся и обрубок его шеи задрожал. Затем по всему телу прошла судорога, достаточно мощная, чтобы разорвать плоть, и демон будто обмяк. Шкура на его боку пошла пузырями, а затем лопнула, и сквозь нее показались сломанные концы ребер.

Немного подождав, Финарра продолжила медленное и мучительное отступление по песчаному склону. В какой-то момент под ее сапогом хрустнул камень величиной с кулак, но тварь никак не отреагировала на звук. Осмелев, женщина подобрала под себя ноги и поднялась во весь рост. Распухшая левая рука безвольно свисала. Повернувшись, капитан заранее мысленно проложила путь к отступлению среди валунов и осторожно двинулась вперед.

Добравшись до возвышенности, она обернулась и взглянула на далекое теперь чудовище. Седло пропало, как и все притороченное к нему снаряжение. Финарра могла различить копье, которым владела с тех пор, как прошла посвящение в свой День Крови, наполовину придавленное трупом лошади, ее преданной боевой подруги. Вздохнув, капитан направилась на восток.

Стемнело, и Финарра оказалась перед выбором. Она шла вдоль усеянного валунами хребта над берегом, но быстро идти не могла, тем более со сломанной рукой. Можно было спуститься к морю... но ей мешал страх. Неизвестно, была ли выбравшаяся на берег тварь одинокой. То, что выглядело во мраке валуном, могло оказаться еще одним таким же монстром, выползшим дальше на песок. Имелся и другой вариант – свернуть вглубь суши, к пологому краю равнины Призрачной Судьбы, где трава полностью высохла, оставив после себя лишь гравий и пыльную землю. Опасность, учитывая быстро приближающуюся ночь, могла исходить из высокой травы: голые волки с радостью загонят добычу на безжизненную территорию.

Тем не менее на равнине она могла идти быстрее и, соответственно, добраться до своих товарищей намного раньше. Финарра достала длинный меч, когда-то принадлежавший ее отцу Хусту Хенаральду. Это было молчащее оружие, созданное в давние времена, еще до Пробуждения, закаленное в воде и раз за разом неизменно доказывавшее свою силу. Вдоль клинка струился извилистый узор, огибая рукоятку. В отполированном металле меча отражалось неземное сияние простиравшегося с левой стороны моря Витр.

Финарра свернула вглубь суши, прошла мимо изъеденных валунов, пока не добралась до самого края равнины. В стене черной травы справа от нее виднелись более темные просветы, отмечавшие тайные тропы зверей, обитавших на равнине Призрачной Судьбы. Многие из тропинок использовались какими-то похожими на оленей мелкими животными, видеть которых зрителям доводилось редко, да и то не полностью: лишь мелькнет вдали кусочек чешуйчатой шкуры, зазубренной спины или высоко поднятый гибкий хвост. По другим тропам вполне могла пройти лошадь, и они принадлежали клыкастым хегестам, помеси рептилии и кабана, массивным и отличавшимся дурным нравом; но эти создания ломались сквозь высокую траву, ни от кого не скрываясь, и их было слышно издали. Не могли хегесты и догнать конного зрителя: они быстро уставали или, возможно, просто теряли интерес. Единственными их врагами были волки, о чем свидетельствовали остатки туш, которые иногда находили на равнине, на примятой траве среди луж крови и обрывков шкуры.

Финарра вспомнила, как однажды слышала издали шум подобного сражения – пронзительный, врезающийся в уши вой волков и разъяренный рев загнанного хегеста. Воспоминание было не из приятных, и она не сводила взгляда с неровной стены высокой травы, мимо которой шла.

Над головой медленно возникали спиральные узоры звезд, похожие на брызги Витра. Легенды повествовали о временах, когда звезды еще не появились, ночной небосвод был

непроницаемо черен и даже солнце не осмеливалось открыть свой единственный глаз. Камни и земля тогда были всего лишь телесным воплощением Тьмы, стихийной силой, превращенной в нечто твердое, что можно взять в ладонь или просеять сквозь пальцы. Если тогда в земле и камнях и присутствовала жизнь, то лишь в виде смутного обещания.

Обещания, которое ждало поцелуя Хаоса, будто живительной искры. Но Хаос начал войну с этой жизнью, воплощавшей в себе свойственный Тьме порядок. Солнце открыло свой глаз и рассекло все сущее надвое, разделив земной мир на Свет и Тьму, которые тоже вступили в сражение друг с другом, ставшее отражением борьбы за саму жизнь.

В подобного рода войнах обрел очертания лик времени. «С рождением заканчивается смерть» – так написали древние на пепелище Первых Дней.

Финарра не могла понять суть этого утверждения. Если нет ничего ни до, ни после – значит миг творения не вечен и вместе с тем непреходящ? Мир все еще рождается и одновременно умирает?

Говорили, будто в изначальной тьме не было света, а в сердце света не было тьмы. Но одно не могло существовать без другого, постижимое лишь в сравнении, – и в конечном счете разум смертного оказывался в ловушке скрытых в тени понятий. Финарра инстинктивно избегала любого рода крайностей, как в поведении, так и в характере. Она познала горький вкус Витра и пугающую пустоту безбрежной тьмы, сторонилась огня и ослепительного света. Ей казалось, будто жизнь может существовать лишь в таких местах, как эта узкая полоска между двумя смертоносными силами, среди холодных безразличных теней.

Свет теперь вел сражение в крошечной тьме ночного неба – и свидетельством тому были звезды.

Финарра вспомнила, как стояла на коленях, принося присягу при поступлении на службу к зрителям Внешних пределов, съжившись среди колдовской пустоты, в смертельном холоде могущественной сферы, окружавшей Матерь-Тьму. Но, почувствовав холодное прикосновение ко лбу, она ощутила своего рода соблазнительный покой, как будто услышав шепот, призывавший ее сдаться. Страх пришел позже, когда Финарру бросило в дрожь и у нее перехватило дыхание. Так или иначе, до того как стать той, кем она стала, Матерь-Тьма была обычной смертной женщиной-тисте, мало чем отличавшейся от самой Финарры.

«Но сейчас ее называют богиней, – подумала капитан Стоун. – Теперь мы стоим перед ней на коленях и знаем ее лицо как облик самой Тьмы; для нас она сделалась воплощением стихийной силы. Что с нами случилось? Почему мы стали столь суеверны?»

Она знала, что это предательские мысли. Игры философов, отделявших власть от веры, были ложью. Вера правила всем – от поклонения духам неба до объяснения в любви мужчине, от следования гласу божьему до признания права офицера отдавать приказы. Единственная разница заключалась лишь в масштабах.

Финарра бесчисленное множество раз мысленно перебирала подтверждавшие сей факт аргументы. Доказательством, по ее мнению, служило то, что суть всегда оставалась одинаковой, начиная от форулканских командующих, посылающих солдат в бой, и заканчивая уплатой штрафа за обнажение оружия на улицах Харканаса.

«Отказываясь повиноваться, ты рискуешь жизнью. Если не жизнью, то свободой, а если не свободой, то волей, а если не волей, то желанием. Все это лишь монеты разного номинала, мера ценности и достоинства.

Власть над моим телом, власть над моей душой. Суть одна и та же».

У нее не было времени на ученых и их софистические игры. Так же, как и на поэтов, которые, похоже, были одержимы желанием скрыть тяжкую истину под соблазнительными словами. Их дары были лишь способом отвлечься, опасным танцем на краю обрыва.

Во мраке внезапно что-то мелькнуло. Раздался дикий вой, от которого у жертвы должна была застыть кровь в жилах. В свете звезд блеснул украшенный змеящимся узором клинок.

И снова пронзительный вой, звуки бьющегося на земле смертельно раненного тела. Шипящий рык, шорох лап за спиной. Прыжок...

Фарор Хенд выпрямилась, жестом велел Спинноку молчать. В ночи вновь послышался зловеющий вой, где-то далеко на западе. Она увидела, как юноша достает свой меч и медленно поднимается на ноги. Что-то Финарра Стоун припозднилась: прошла уже половина ночи.

– Не слышно других голосов, – сказала Фарор. – Ни хегестов, ни трамилов.

– И лошадиного ржания тоже, – заметил Спиннок.

Он был прав. Женщина призадумалась, медленно выпуская воздух из ноздрей. Она явно колебалась.

– И все-таки мне не по себе, – продолжал Спиннок. – Капитан часто настолько задерживается?

Фарор покачала головой и наконец решилась:

– Оставайся здесь, Спиннок. А я поеду ее искать.

– Туда, где дерутся те волки, сестрица?

Она не стала ему лгать.

– Надо хотя бы убедиться, что их добыча – не наша Финарра.

– Ладно, – буркнул юноша. – А то я и впрямь за нее боюсь.

– Разожги снова костер, – велела она, беря седло и спеша к своей лошади.

– Фарор...

Она обернулась. Глаза Спиннока блеснули в поднимающихся над углями языках пламени. В свете костра казалось, будто на его щеках вспыхнул румянец.

– Будь осторожна, – попросил он. – Мне не хочется тебя потерять.

Надо было что-то сказать в ответ, чтобы успокоить его, отогнать прочь мысли, скрывавшиеся за этими словами. И отвлечься самой.

– Ничего страшного, Спиннок, у тебя и без меня хватает родственников.

Он удивленно уставился на нее.

Фарор снова повернулась к лошади, понимая, что фраза прозвучала слишком уж пренебрежительно. У нее вовсе не было подобного намерения, и, похоже, эхо ее слов повисло в возникшей между ними двоими тишине, безжалостное, будто острый нож. Смотрительница быстро оседлала лошадь, села верхом и достала из ножен копье. Пришпорив лошадь, она выехала из укрытия среди высоких скал и направилась к краю равнины.

В ночи завывали все новые волки. На мелкую добычу обычно охотились стаи в три или четыре особи, но тут хищников, похоже, было с десятков, если не больше. Слишком много даже для охоты на хегеста. Но ничьих других голосов Фарор не слышала – а рев трамила мог обрушить каменную стену.

«Это наверняка Финарра. Ее лошадь погибла. И теперь она сражается в одиночку».

Фарор пустила лошадь галопом. В небе все так же бесстрастно светили звезды.

Перед ней возник мысленный образ: лицо Спиннока, освещенное пламенем костра. Выругавшись про себя, молодая женщина попробовала отогнать его прочь, а когда у нее ничего не вышло, попыталась превратить его в образ своего жениха. Вряд ли можно было назвать Кагамандру Туласа красавцем; годы лишений и голода во время войн наложили отпечаток на воина, а в глазах царила такая пустота, будто жестокие воспоминания вынуждали его сторониться света. Фарор знала, что Кагамандра ее не любит, и считала, что этот суровый мужчина вообще больше не способен любить.

Рожденный в одном из Малых домов, он служил офицером в легионе Урусандера, командуя когортой. Если бы не случившееся с Туласом во время войн, он вряд ли мог бы рассчитывать породниться с домом Дюрав, ибо, прямо скажем, женихом во всех отношениях был незавидным. Слава, однако, нашла Туласа, когда он спас жизнь Сильхаса Гиблого, и коман-

дир когорты получил благословение самой Матери-Тьмы. Наградой за этот подвиг должен был стать новый Великий дом, что давало возможность возвыситься всему многочисленному семейству Кагамандры.

Фарор ничего не оставалось, кроме как ради блага ее же собственного рода найти хоть какой-то способ полюбить Кагамандру Туласа.

Однако, пока молодая женщина ехала в ночи, она так и не сумела представить себе его лицо, остававшееся по-прежнему размытым и бесформенным. А в темных пятнах на месте глаз мерцали отблески костра.

Навязчивые мысли не приносили вреда, пока оставались в плену надежной клетки совести, и если ключом служило искушение – что ж, она достаточно глубоко его закопала.

Тяжелое копье оттягивало Фарор руку, и она решила вставить оружие в закрепленное на седле гнездо. Волчьего воя какое-то время слышно не было, и ничто на тускло-серебристой равнине перед нею не указывало на присутствие зверей. Но она знала, насколько далеко может разноситься этот вой.

Прогнав прочь посторонние мысли, смотрительница полностью сосредоточилась, внимательно глядя на край равнины. Чуть позже некий инстинкт заставил ее сбавить скорость. Лошадь перешла с галопа на рысь, и Фарор напрягла слух, боясь услышать самое страшное: приглушенное рычание дерущихся за добычу волков.

Но вместо этого ночь внезапно прорезал дикий вой, застигнув всадницу врасплох. Взяв копье, Фарор приподнялась на стременах и, натянув поводья, заставила напуганную лошадь идти шагом. Вой раздался ближе, но она пока что ничего не видела.

«Там».

Безжизненное тело зверя, чернеющий в серой пыли кровавый след. Рядом еще один хищник.

Фарор подъехала к первому мертвому волку. Удар меча пронзил мягкое подбрюшье, вспоров живот. Убегая, зверь тащил за собой собственные потроха, пока не запутался в них, и теперь выглядел так, будто его вывернули наизнанку. Кровь заливала чешуйчатую кожу, светящиеся глаза угасали.

Второй хищник, лежавший в десятке шагов дальше, был разрублен почти пополам, поперек позвоночника и ребер. Земля вокруг него была изрыта неровными бороздами. Фарор осторожно подвела лошадь ближе.

Нигде не было видно отпечатков сапог, но их вполне могли скрыть следы когтей и судорожно бьющихся лап.

Из глубокой раны все еще хлестала кровь, и, наклонившись, Фарор увидела продолжающееся биться сердце зверя. Она в тревоге отпрянула. Волк проследил за ней злобным взглядом, пытаясь поднять голову.

Приставив острие копья к мягкому горлу, женщина с силой вогнала его в шею хищника. Волк попробовал было укусить длинный клинок, а затем рухнул наземь, раскрыв пасть, и глаза его погасли. Выпрямившись и высвободив оружие, Фарор огляделась.

Слева, в полутора десятках шагов от нее, тянулась рваная стена травы, большую часть которой растоптали звери. В серой пыли виднелись темные кровавые брызги. Взгляд ее упал на одну из троп, где корни травы по краям были густо покрыты кровью. Казалось, будто стебли срубили мечом.

Остановив лошадь, женщина прислушалась, но в ночной тьме вновь воцарилась тишина. Фарор внимательнее пригляделась к началу тропы. Она подозревала, что если направится вдоль нее, то увидит внушающую ужас сцену: волков, пожирающих труп капитана. Она знала, что ей придется их отогнать, пусть даже только для того, чтобы забрать тело Финарры Стоун. Было ясно, что сражение закончилось.

Фарор заколебалась, ощутив легкий страх. Вряд ли ей удастся победить волков: запах, а также зловещий вой, который она слышала раньше, могли привлечь на место убийства и другие стаи. Где-то в зарослях травы находилась поляна, утоптанная и залитая кровью, и вокруг нее кружили стаи соперников. Зверей могло быть с полсотни, и наверняка все голодные.

Мысли о замужестве, жизни в Харканасе и запретных желаниях тут же испарились, когда Фарор поняла, что Спиннок вполне может оказаться один, вынужденный возвращаться в форт без охраны, брошенный всеми, а Кагамандре Туласу ничего не останется, кроме как оплакивать невесту или, по крайней мере, делать вид, что он скорбит, но в итоге в пустых глазах воина лишь появится еще одно жестокое воспоминание наряду со множеством других, а мысли о том, что он проявил недостаточно чувств, добавят в его душе пустоты.

Крепче сжав копьё, смотрительница наклонилась, что-то шепча на ухо лошади, и приготовилась направить ее по тропе.

Звук за спиной заставил ее обернуться.

Из-за камней, образывавших гряды вдоль берега, вышла Финарра Стоун. Меч ее был в ножнах. Она помахала рукой.

С отчаянно бьющимся сердцем Фарор развернула лошадь кругом и шагом направилась к Финарре.

Та жестом велела ей спешиться. Мгновение спустя Фарор уже стояла перед своим капитаном.

Финарра была вся забрызгана кровью, теперь уже запекшейся. Ее левая рука, похоже, была сломана, а плечо, возможно, вывихнуто. Волчьи клыки разорвали левое бедро, но на рану была наложена грубая повязка.

– А я уж думала...

Финарра привлекла девушку к себе.

– Тихо, – прошептала она. – Кто-то вышел из моря.

«Что?»

Фарор в замешательстве показала на тропу:

– Кто-то прошел там с мечом. Я думала, это вы, капитан.

– И ты собиралась отправиться следом?.. Смотрительница, да ведь меня в любом случае уже не было бы в живых. Ты лишь понапрасну погибла бы сама. Разве я ничему тебя не научила?

Фарор молчала, только теперь осознав, что, пожалуй, была бы даже рада подобному концу, несмотря на то что это причинило бы горе близким. Будущее казалось ей безнадежным – так не проще ли отдать жизнь прямо сейчас? Она была к этому готова, и ее вдруг охватило какое-то странное, близкое к экстазу умиротворение.

– Меня настигла небольшая стая волков, – помедлив, продолжила Финарра, пристально глядя на Фарор. – Я быстро с ней разделалась. Но опасность была слишком велика, и я вернулась на проторенную тропу между камней. Именно там я обнаружила след, ведущий со стороны Витра.

– Но этого просто не может быть.

Финарра поморщилась:

– Я бы с тобой согласилась... вчера. Но теперь... – Она покачала головой. – Следы маленькие, с лужицами внутри. Я шла по ним, пока не наткнулась на тебя.

Фарор вновь повернулась к стене травы.

– Оно прошло там, – показала девушка. – Я слышала волчий вой.

– Я тоже, – кивнула Финарра. – Но скажи мне, Фарор Хенд: ты веришь, что некое создание из Витра может бояться волков?

– Что будем делать, капитан?

Финарра вздохнула:

– Все думаю, не передалось ли мне твое безумие. Нам нужно выяснить побольше про этого чужака. Надо трезво оценить угрозу – разве это не первостепенная наша задача здесь, во Внешних пределах?

– Значит, мы последуем за ним?

– Не сегодня. Вернемся к Спинноку: мне нужно отдохнуть и обработать раны, чтобы в них не попала инфекция. Пока, однако, води свою лошадь в поводу. Как только отойдем подальше отсюда, поедем верхом вдвоем.

– Волки растерзали вашу лошадь, капитан?

Финарра поморщилась:

– Нет. – Она выпрямилась. – Держи копьё наготове и не спускай глаз с травы.

И обе женщины двинулись в путь.

Раненая нога не позволяла идти быстро, и Финарре не терпелось забраться в седло позади Фарор. Онемение в руке прошло, и его сменила мучительная пульсирующая боль, от которой перед глазами плыла красная пелена; она чувствовала, как одна кость скрежещет о другую. Но ничто не могло избавить капитана от мыслей о том, что она узрела в глазах Фарор Хенд.

Во взгляде молодой смотрительницы пылала жажда смерти, черная и яростная. Финарра уже встречала подобное раньше и полагала, что это свойственная тисте черта, проявлявшаяся в каждом поколении, будто ядовитые сорняки на пшеничном поле. Загнанный в угол разум поворачивался спиной к внешнему миру. Не видя ничего, кроме стен, – ни выхода, ни надежды бежать, – он мечтал положить конец мучениям, совершив некое героическое, но обреченное на неудачу деяние, некий жест с целью отвлечь других, скрыв истинные мотивы. Цель состояла в том, чтобы тайное желание таковым и осталось, а смерть предотвращала любые сомнения.

Финарра считала, что знает, какие мысли преследуют Фарор Хенд. Нежеланная помолвка, перспектива жить со сломленным мужчиной. А здесь, в дикой глуши, где не действовали никакие запреты, рядом с ней был юноша, которого она знала большую часть жизни. Он был молод и отважен в своей невинности, осознавал свое врожденное обаяние и знал себе цену. С тех пор как Спиннок Дюрав достиг зрелости, его постоянно преследовали женщины и мужчины. Однако он научился не поддаваться, поскольку тянувшиеся к нему руки желали лишь эгоистично завоевать красавчика, чтобы им обладать. Парню хватало ума держаться настороже.

Но при всем этом Дюрав был молодым воином, и благоговение, которое он испытывал к своей старшей кузине, постепенно перерастало в нечто большее. Финарра не раз замечала попытки Спиннока флиртовать с Фарор Хенд. Двоюродные брат и сестра подвергали себя изощренной пытке, похоже не осознавая того, какую опасность она несет и в какой степени способна разрушить жизнь обоим.

В более темные времена в легионе открылась правда о сущности пыток. Будучи актом жестокости, направленным на то, чтобы сломить жертву, они приводили к цели лишь тогда, когда обещали конец, – в основе всего лежал принцип благословенного избавления от мучений. И эта игра в утонченные страдания между Фарор Хенд и Спинноком Дюравом была, по сути, тем же самым. Если не последует избавления, жизнь их утратит радость, а любовь – если она вообще придет – обретет горький вкус.

Фарор Хенд прекрасно все понимала. Финарра прочитала это в ее глазах – внезапное откровение, принесенное подобным буре осознанием неминуемой смерти. Эти двое сплели вокруг себя паутину из невозможного, неудивительно, что в результате родилось желание расстаться с жизнью.

Но как бы ни была потрясена Финарра Стоун, сделать что-либо оказалось не в ее силах, по крайней мере пока. Сперва нужно вернуться на форпост. Если им это удастся, можно будет попросту устроить так, чтобы кто-то из этих двоих получил новое назначение – как можно

далее от другого. Естественно, капитан прекрасно понимала, что это вовсе не обязательно сработает. Пытка могла продолжаться и на расстоянии, зачастую становясь еще мучительнее.

Был, правда, и иной вариант. Начало ему положила мимолетная мысль, которая теперь никак не оставляла Финарру, хотя ей хватало ума опасаться, что у окружающих возникнут подозрения относительно ее истинных мотивов, а это может повлечь за собой соответствующие последствия. Некоторые из них она могла предвидеть, но далеко не все. Не важно. К счастью, эгоизм пока еще не считается преступлением.

Да, она превысила бы свои полномочия, но, взяв на себя всю ответственность, Финарра могла смягчить ущерб, и чего бы она при этом ни лишилась, такое в любом случае вполне можно пережить.

– Ну же, давай, – велела она Фарор.

Та крепче уселась в седле, высвободила одну ногу из стремени и протянула Финарре руку.

Капитан схватилась за ее ладонь здоровой рукой, проклиная себя за неуклюжесть. Балансируя на одной ноге, она вставила другую в стремя и подтянулась. Перекинув свободную ногу через круп лошади, Финарра поудобнее устроилась сзади седла и лишь затем отпустила руку подчиненной.

– Вам, наверное, очень больно, – пробормотала молодая смотрительница, беря поводья.

Финарра, тяжело дыша, высвободила сапог из стремени.

– Вот так, отлично, – сказала она, обхватывая Фарор здоровой рукой за пояс. – А теперь поехали к Спинноку. Бедняга наверняка с ума сходит от тревоги.

– Это точно, – ответила Фарор Хенд, прищипывая лошадь.

– Чем быстрее он узнает, что нам ничего не грозит, тем лучше.

Девушка кивнула.

– Все-таки он как-никак твой любимый двоюродный брат, Фарор Хенд, – продолжала Финарра.

– Что верно, то верно, капитан. Друг друга мы знаем прекрасно.

Финарра закрыла глаза, желая уткнуться лицом в плечо Фарор, зарыться в густые черные волосы, падавшие из-под края шлема. События этой ночи полностью лишили ее сил, а мысли путались.

– Есть такая вещь, как ответственность, – пробормотала она.

– Прошу прощения, капитан?

– Похоже, Спиннок еще слишком молод. Витр... подобен поцелую Хаоса. Мы должны... должны его остерегаться.

– Да, капитан.

Мокрый от пота шелк скользил по телу в такт медленной рыси лошади. Раненое бедро то и дело пронзали волны боли. Распухшая левая рука казалась чудовищной, будто конечность демона.

«Возможно, придется ее отрезать. Опаснее всего, если туда попала инфекция. Говорят, будто испарения серебристого моря крайне вредны. Может, я уже заразилась?»

– Капитан?

– Что?

– Держитесь за меня крепче: я чувствую, что вы соскальзываете. Вам еще только не хватало сейчас свалиться.

Финарра кивнула из-за плеча Фарор. Лошадь под ними выбивалась из сил, из ее ноздрей вырывалось тяжелое жаркое дыхание.

«Лишь тупые животные способны нести подобное бремя. Почему так?»

Капитан тяжело наваливалась на ее спину, угрожая упасть, и Фарор Хенд пришлось взять поводья в одну руку, обхватив другой Финарру и удерживая ее за запястье.

Прижавшееся к ней тело было жестким и жилистым, почти мужским. Финарра Стоун в свое время сражалась при обороне рудников Хуста, в домашнем войске под командованием ее отца. Она была всего на несколько лет старше Фарор, и тем не менее той казалось, будто их разделяет целая вечность. За те годы, что они вместе патрулировали равнину Призрачной Судьбы, Фарор начала воспринимать своего капитана как старую и умудренную опытом женщину, такого ветерана. Хорошо натренированные мышцы дочери Хуста Хенаральда походили на туго натянутые узловатые веревки. Черты ее лица были угловатыми, но при этом пропорциональными, и она редко смотрела кому-то в глаза, спеша отвести взор.

Фарор вспомнила, как Финарра недавно бросила на нее взгляд, который, казалось, чуть ли не в буквальном смысле пронизывал насквозь, основательно ее напугав. Не готова оказалась она и к словам капитана о том, что кто-то вышел из моря. Перед ее глазами вновь возник страшный образ: порубленные на куски волки, скорчившиеся в лужах собственной крови, и забрызганные кровью края просвета в стене травы.

«Кто-то вышел из моря».

Впереди уже виднелся слабый свет костра. Спиннок наверняка потратил весь запас дров, чтобы соорудить некое подобие маяка. Вряд ли капитану это понравится.

Фарор направила лошадь по извивавшейся среди бесформенных валунов и скал тропе. Скоро уже рассвет.

Услышав, что они приближаются, Спиннок вышел навстречу с оружием наготове. Жестом велел брату возвращаться в лагерь, Фарор поехала следом за ним.

– Капитан ранена. Помогите ей сойти с лошади, Спиннок. Осторожнее: у нее повреждены левая рука и плечо.

Она почувствовала, как он принимает на руки тяжесть Финарры – та была почти без сознания – и осторожно спускает ее с лошадиной спины. Фарор спешила, ощущая на промокшей спине приятную прохладу.

Спиннок уложил капитана на расстеленный матрас:

– Она свалилась с лошади?

Фарор увидела его недоверчивый взгляд. И неудивительно: Финарра Стоун была искусной наездницей; ходили слухи, будто однажды она въехала верхом по винтовой лестнице на самый верх башни.

Молодая смотрительница присела рядом с капитаном и сказала:

– Сперва займемся укусом на ноге. Помогите мне снять повязку.

Рана оказалась серьезной: плоть вокруг нее уже распухла и покраснела.

– Спиннок, – велела Фарор, – нагрей нож.

Солнце уже стояло высоко, но капитан так еще и не пришла в себя. Фарор Хенд рассказала Спинноку все, что ей было известно о случившемся ночью, и парень с тех пор молчал. Они потратили большую часть целебных мазей и нити из кишок, обрабатывая рану на ноге, после того как прижгли разорванную плоть. В том, что теперь останется жуткий шрам, можно было не сомневаться, к тому же брат с сестрой вовсе не были уверены, что полностью удалили инфекцию. Финарру Стоун сильно лихорадило, и она не очнулась даже тогда, когда ей вправили вывихнутое плечо, а затем наложили шину на сломанную плечевую кость. Перспектива отправиться в погоню за чужаком выглядела при таком раскладе весьма сомнительной.

Наконец Спиннок повернулся к Фарор:

– Сестрица, я тут подумал... Похоже, нам суждено провести здесь еще одну ночь, если только мы не подвесим носилки между нашими лошадьми, чтобы нести капитана. Но сделать это надо прямо сейчас. Тогда у нас будет достаточно времени, чтобы до наступления ночи добраться до форпоста.

– Капитан хочет, чтобы мы выследили чужака.

Он отвел взгляд:

– Честно говоря, вся эта история звучит сомнительно. Кто-то появился из моря Витр?

– Я ей верю. Я видела мертвых волков.

– Может, это те самые, которые напали на Финарру? Если она с трудом соображала из-за лихорадки, то вполне могла заблудиться и вернуться по собственным следам. Так что таинственные отпечатки ног с тем же успехом могут принадлежать ей самой.

– Когда я нашла Финарру, она, похоже, была в ясном уме.

– И что нам тогда делать? Ждать?

Фарор Хенд вздохнула:

– У меня есть другое предложение. – Девушка взглянула на лежащую Финарру Стоун. – Соглашусь с тобой: капитана нужно как можно быстрее доставить на форпост. Она не в состоянии вести нас по следу чужака и без надлежащей врачебной помощи может умереть...

– Продолжай, – мрачно кивнул Спиннок.

– Посадим Финарру позади тебя на твою лошадь и привяжем. Ты отвезешь ее на форпост.

А я отправлюсь по следам чужака.

– Но Фарор...

– Твоя лошадь сильнее, и она отдохнула. Порой нам приходится патрулировать в одиночку, и ты это знаешь, Спиннок.

– Если Финарра очнется...

– Да, она разозлится не на шутку. Но я беру ответственность на себя. Пусть побережет свой гнев для меня. – Фарор встала. – Как ты сам сказал, нужно спешить.

Фарор с холодным профессионализмом подготовила все необходимое и теперь молча смотрела, как ее двоюродный брат въезжает по раскаленной тропе в заросли травы и через несколько мгновений исчезает из виду. Увы, они не могли подбодрить и поддержать друг друга: оба были зрителями Внешних пределов и перед каждым из них сейчас стояла своя задача. Равнина Призрачной Судьбы кишит опасностями. Зрители здесь то и дело погибают. Такова была простая истина, которую Спинноку пришлось усвоить.

Фарор рысью направилась на запад, назад, вдоль той же тропы, по которой ехала прошлой ночью. В ярком свете солнца край равнины выглядел еще более отталкивающим и враждебным. Было бы заблуждением считать, что мир известен нам во всех подробностях. Ни один смертный разум не может постичь неуловимого образа действия правящих этим миром сил. Фарор воспринимала жизнь как всего лишь странствие по неведомым путям, сменяющим друг друга, и суть их можно было понять, только последовав по ним; но это означало отказаться от собственного пути, что казалось неприемлемым, и в результате она продолжала по нему двигаться, охваченная любопытством, а зачастую и страхом.

Глядя налево, девушка видела стену черной травы, дрожащей и размытой в жарком мареве, и знала, что через равнину Призрачной Судьбы ведут бесчисленные тропы. Возможно, будь у нее крылья, как у птицы, Фарор могла бы взмыть высоко в небо и рассмотреть каждую из них, а может быть, даже различить там некую закономерность, узреть этакую карту с ответами. Интересно, принесло бы это облегчение? Прямо перед ней, подобно проторенной дороге, тянулся край равнины.

Наконец Фарор добралась до первого мертвого волка, тушу которого уже вовсю обрабатывали вылезшие из травы маленькие чешуйчатые крысы. При приближении всадницы они разбежались, скользнув, подобно змеям, в укрытие среди густых стеблей. Проехав рысью мимо, зрительница оказалась напротив просвета в траве. Над почерневшей кровью роились жуки, и на жаре чувствовалась вонь быстро разлагающейся плоти.

Остановившись, молодая женщина несколько мгновений разглядывала просвет, а затем решительно направила в него лошадь.

Едва лишь всадница оказалась среди высоких стеблей, как ее окутала яростная жара. Лошадь тяжело фыркала, прижав уши. Фарор шепотом пыталась ее успокоить. Вонь разлитой крови заполняла горло при каждом вдохе.

Неподалеку смотрительница наткнулась еще на двух мертвых хищников и увидела по обе стороны от них вмятины в траве. Остановив лошадь, она наклонилась, вглядываясь в одну из них, и различила задние лапы третьего убитого волка. А затем, выпрямившись, быстро посчитала просветы с каждой стороны.

Всего их было пять. Вряд ли в конце каждого из них лежал мертвый зверь. Но засохшая кровь была повсюду.

Фарор двинулась дальше.

Вскоре впереди появилась поляна, где она обнаружила еще одну перебитую стаю – четырех тварей, разбросанных яростными ударами по обеим сторонам протоптанной оленями тропы, которая проходила прямо через центр поляны и исчезала вдали. В том, как этих волков зарубили и бросили подыхать от страшных ран, чувствовалось нечто почти пренебрежительное.

Несмотря на жару, Фарор пробрала дрожь. По другую сторону поляны тропа заметно сужалась, и кобыле приходилось продирается сквозь толстые зазубренные стебли, цеплявшиеся за деревянные защитные приспособления на ее ногах и боках. Тяжелые стебли покачивались, угрожая в любой момент сомкнуться над всадницей и лошадыю. Фарор вытащила меч, отводя с помощью оружия траву от лица и шеи.

Достаточно скоро она поняла, что тропа эта была вовсе не звериной, поскольку шла слишком прямо, возле ручьев и родников, нисколько не отклоняясь в сторону. Тропа тянулась на юг, и, если ее направление оставалось неизменным, она должна была привести в Харканас.

Чужак продолжал свой путь ночью: Фарор не видела никаких следов лагеря или даже привала. Близился вечер, над головой сияло безоблачное небо; солнечный свет напоминал расплавленный огонь, бушующий под все утолщающейся коркой, и мертвенно-бледные языки этого пламени просачивались сквозь черную траву. Девушка никогда прежде не видела ничего подобного, и все вокруг вдруг показалось ей каким-то сверхъестественным.

«В мире грядут перемены», – подумала она.

Под ее шелковой одеждой струился пот.

Где-то на востоке Спиннок Дюрав подъезжает сейчас к форпосту, хотя вряд ли сумеет прибыть на место до захода солнца. Она знала, что им с Финаррой – пока они едут верхом – мало что угрожает. Волки не любили лошадей, к тому же кони смотрителей были обучены сражаться. И все же она тревожилась за обоих. Если заражение в ране капитана пойдет дальше...

Лошадь Фарор выехала на поляну, в дальнем конце которой стояла какая-то светлокожая женщина с растрепанными светлыми волосами, грубо подрезанными на уровне плеч. Всю ее одежду составляла небрежно наброшенная на плечи шкура чешуйчатого волка. Остальные неприкрытые части тела покрывал густой загар.

Остановив лошадь, смотрительница Внешних пределов убрала меч в ножны и подняла руку.

– Я не желаю тебе зла! – выкрикнула она.

Фарор не увидела никакого оружия, даже ножа. Странно: волки были убиты острым клинком, похоже тем же самым, которым незнакомка наспех подрезала, если не сказать обкорнала свои золотые кудри.

«Она совсем молоденькая. Стройная, как юноша. И явно не тисте».

– Ты меня понимаешь? Ты из племени азатанаев?

Услышав это слово, женщина подняла голову, и глаза ее вдруг вспыхнули.

– Я знаю твой язык, – заговорила она. – Но он не мой. Азатанай. Я знаю это слово. *Азат древлид наратарх азатанай*. Народ, который никогда не родился.

Фарор Хенд покачала головой. Она прежде не слышала языка, на котором говорила женщина: он абсолютно точно не принадлежал ни азатанаям, ни форулканам.

– За тобой следили от самого моря Витр. Я из народа тисте, смотрительница Внешних пределов. Меня зовут Фарор Хенд, и я связана кровными узами с домом Дюрав. Ты приближаешься к границам Куральда Галейна, родины моего народа.

– Море?

– Можешь сказать, как тебя зовут? – спросила Фарор.

Помедлив, незнакомка отрицательно покачала головой.

– Не хочешь или не помнишь?

– Я... ничего не помню. Море?

Фарор Хенд вздохнула:

– Ты путешествуешь на юг – зачем?

Женщина снова покачала головой:

– Воздух очень горячий. – Она огляделась и добавила: – Похоже, я этого не ожидала.

– Тогда я дам тебе имя, которое принято у тисте. Пока к тебе не вернется память. И провожу тебя в Харканас, где правит Матерь-Тьма. Согласна?

Незнакомка кивнула.

– Буду называть тебя Т'риссой.

Женщина улыбнулась и наклонила голову:

– Я – рожденная в море.

– Пойдешь пешком или поедешь со мной?

– Мне нравится животное, на котором ты сидишь. Я тоже хочу такое.

Повернувшись, она уставилась на высокую траву слева от себя.

Внезапно возникшее там движение заставило Фарор схватиться за копьё. Черные стебли травы вздыбились и изогнулись, завязываясь в узлы. Она услышала, как из земли с треском вырываются корни, после чего раздался странный звук – громкий хруст и нечто похожее на скрип скручиваемых веревок, а затем перед ее глазами начало обретать очертания некое существо.

С земли, стряхивая пыль, поднялась связанная из травы лошадь, массивная, словно боевой конь. На месте глазниц у нее зияли дыры, а рот представлял собой массу заостренных стеблей. Казалось, будто она весила намного больше, чем трава, из которой состояла.

Лошадь Фарор в испуге попятилась, и всадница с трудом удержала ее на месте.

А Т'рисса тем временем принялась создавать из травы одежду, подражая стилю шелкового одеяния смотрительницы. Она стояла не шевелясь, а черные стебли змеями обвивали стройное тело, полностью подчиняясь ее воле. Все это напоминало магию, доступную лишь богам, которая пугала Фарор до глубины души. Облачившись в сотканную из травы блестящую, странно мерцающую одежду, девушка сотворила из того же материала копьё, а затем меч с поясом и наконец снова повернулась к Фарор:

– Я рожденная в море. Я путешествую со смотрительницей Внешних пределов Фарор Хенд, связанной кровными узами с домом Дюрав, и мы едем в Харканас, где правит Матерь-Тьма.

Она немного подождала, медленно изогнув брови.

Фарор кивнула.

Похоже удовлетворившись подобным ответом, Т'рисса подошла к своему странному коню и легко запрыгнула на его спину. Взяв поводья, которые, казалось, росли прямо из щек этого создания, сразу за краем рта, она вставила обутую теперь в сапог ногу в напоминавшие скрученные веревки стремяна, а затем посмотрела на Фарор:

– Мне прокладывать путь, смотрительница Фарор Хенд?

– Буду только благодарна.

- В ту же сторону?
- Да.
- Матерь-Тьма, – улыбнулась Т’рисса. – Красивый титул.

Солнце опускалось к западному горизонту, будто плавясь в огненном озере, и капитан Шаренас Анхаду, в отличие от ее боевых товарищей, нисколько этому не радовалась. Вероятно, молодая женщина была своего рода исключением среди них, поскольку ее кожа покрывалась приятным загаром, вместо того чтобы обгорать, и она с удовольствием чувствовала солнечное тепло на лице, шее и тыльной стороне рук, лежавших на передке седла.

Да, жара стояла просто яростная, но Шаренас ею наслаждалась. Она не привыкла к холоду, как большинство ее сородичей, и северные кампании против джелеков вызывали у нее лишь неприятные воспоминания. В когорте иногда насмехались над мерзлячкой, выделяя ей дополнительные меха и дрова для костра, когда разбивали лагерь, а многие мужчины предлагали разделить с командиром постель – как они утверждали, исключительно из чувства долга.

Устав легиона, естественно, строго запрещал подобные развлечения с солдатами, и капитан Анхаду порой проклинала, пусть лишь в мыслях, это правило. Она была слишком молода, чтобы командовать когортой, но вряд ли стоило удивляться, что Шаренас назначили на такую должность, учитывая славу двух ее старших родственниц. Хочешь не хочешь, но с подобным наследием приходилось жить, даже если и не все в нем было достойно уважения.

Сейчас, когда Шаренас ехала в компании других офицеров легиона – включая лишенных звания и отправленных в отставку, – она жалела, что ни Инфайен Менанд, ни Тате Лорат не захотели к ним присоединиться. Девушка знала, что остальные пребывают в недоумении по поводу того, что может означать их отсутствие. Однако, обратиться они за ответом к Шаренас – а она видела бросаемые в ее сторону взгляды, – их ждало бы разочарование. Впрочем, Шаренас любила своих сестер – как родную, так и двоюродную – и искренне восхищалась ими, относясь к обеим с немалым уважением. И нисколько не сомневалась, что, если в ближайшее время встанет вопрос о том, чью сторону занять, они не колеблясь ответят на призыв.

В то же время Шаренас вынуждена была признать, что не может в полной мере доверять некоторым из своих спутников. При этой мысли взгляд ее снова упал на рослого солдата, ехавшего позади авангарда в лице Хунна Раала и Оссерка. Илгаст Ренд принял это приглашение с неохотой – по крайней мере, так считалось – и, несомненно, пребывал в мрачном расположении духа, не менявшемся с того момента, когда они три дня назад покинули Нерет-Сорр. Собственно, по прибытии в окрестности селения он первым делом обратился к Хунну Раалу с многозначительным вопросом: «Знает ли об этом Урусандер?» Хунн Раал, улыбнувшись, уклонился от ответа. Илгаст наверняка стал бы настаивать, если бы не внезапное заявление Оссерка, что его отец не только осведомлен об их путешествии, но и полностью его одобряет.

Шаренас подозревала, что все это ложь. Ей тогда на какой-то миг показалось, будто Илгаст готов бросить вызов сыну Урусандера, но потом он лишь молча отвернулся, что, с точки зрения Оссерка, было оскорблением. Напряжение разрядил внезапный смех Хунна Раала, с размаху хлопнувшего Оссерка по спине, но Шаренас заметила яростный взгляд, которым юноша несколько мгновений спустя наградил Ренда.

Что ж, союзники вовсе не обязательно должны быть друзьями. Илгаст Ренд был главой Великого дома, и, если бы что-то вдруг пошло не так, мог потерять куда больше, чем любой другой.

«Но этого не случится, – подумала Шаренас. – Хунн Раал достоин уважения. Он знает, что делает, и, как и все мы, уверен, что поступает правильно».

Чтобы подавить в зародыше любые сомнения, ей достаточно было подумать об Урусандере. И пока бывший командир Шаренас по-прежнему являлся средоточием всех их амбиций – источником голоса разума, благодаря которому никакие справедливые требования не остава-

лись без внимания, – она могла особо не беспокоиться насчет молодого Оссерка, отличавшегося вспыльчивостью и детской неуверенностью в себе. В любом случае рядом с порывистым, склонным к тирадам юношей всегда был Хунн Раал, который и сдерживал его.

Их сопровождали еще четверо, хотя лишь один из них, с точки зрения Шаренас, заслуживал серьезного отношения. Три родственницы Хунна Раала – Серап, Рисп и Севегг, – хоть и были солдатами, но буквально смотрели ему в рот и во всем ему подчинялись. Если верить слухам, подобная преданность с их стороны, по крайней мере отчасти, была завоевана Хунном под меховыми одеялами, хотя все три дамы были его троюродными сестрами – то есть состояли с ним в родстве не настолько близком, чтобы подобное считалось преступлением, но достаточно тесном, дабы их отношения вызвали удивленные взгляды и язвительные пересуды. В любом случае ясно было, что три молодые женщины буквально боготворили своего старшего родственника, и Шаренас забавляла мысль, что в основе этого поклонения лежит мастерство, которое Раал проявляет в постели. С другой стороны, жалость иной раз можно спутать с преданностью, а поскольку сама она никогда не предавалась плотским утехам с Хунном Раалом, то ни в чем, разумеется, уверена быть не могла. Так или иначе, он слишком много пил.

Шаренас подозревала, что рано или поздно тоже его оседлает, но это произойдет лишь тогда, когда у нее будут иметься вполне определенные политические мотивы. Хунн не отличался благородным происхождением, хотя и принадлежал к уважаемой семье, и она прекрасно видела упрямую заносчивость этого мужчины, постоянно боровшуюся в нем с чувством долга перед повелителем Урусандером. Рано или поздно кому-то придется поставить его на место – ради его же собственного блага, – и то, что может сперва показаться Раалу триумфальным завоеванием, быстро обнажит свою истинную природу. Нет ничего легче, чем унижить мужчину, когда он лежит между женских ног. Эффект в таких случаях бывает почти мгновенным и всегда безошибочным.

На трех мокрогубых сестриц Раала легко было не обращать внимания, чего нельзя было сказать о последнем солдате в их группе, который, казалось, путешествовал в одиночестве, хотя на самом деле постоянно находился среди них: ехал рядом с Шаренас, слева от нее. Сидя прямо в седле, будто весь спаянный из железных клинков, Кагамандра Тулас не произнес ни слова с тех пор, как они покинули Нерет-Сорр.

Естественно, Тулас прекрасно знал, что на форпосте смотрителей, к которому они направлялись, служит также его невеста, Фарор Хенд, и что еще до рассвета он окажется рядом с ней – впервые после помолвки.

Шаренас очень хотелось стать свидетельницей этого сладостного мгновения.

Кагамандра Тулас был мертв внутри. Чтобы понять это, любой женщине достаточно было заглянуть в его погасшие глаза. Его израненная душа осталась позади, брошенная на каком-то поле боя. Он превратился в пустую оболочку, скрежетавшую подобно стертým зубам железных шестеренок; казалось, будто Тулас сам не рад тому, что до сих пор жив, тоскуя по смерти, ибо заполнявшая его мертвечина просачивалась наружу, отравляя все его существование: плоть, кожу, лицо, – и так будет продолжаться, пока он не сможет наконец, испустив последний вздох, поблагодарить за великодушные тех, кто опустит его в безмолвную могилу.

Несчастливая Фарор Хенд. При новом порядке, с приходом к власти Урусандера, политическая целесообразность уже не будет отбрасывать жестокую тень на все, что связано с любовью и супружеством. Власть Великих домов с охраняемыми воротами их усадеб и бдительно патрулируемыми стенами, внешними рвами и смертельными ловушками останется в прошлом. Единственной ценностью станет служба королевству. И в этом грядущем, которое было все ближе, у Фарор Хенд имелась возможность взять себе в мужа любого, кого она пожелает, хотя по иронии судьбы в этом новом мире Кагамандра Тулас, по сути отдавший всего себя защите королевства, вполне мог оказаться наиболее ценным приобретением.

Собственно, кто еще мог бы встать рядом с повелителем Урусандером, подобно призраку брата оберегая рукопожатие, которое соединит Матерь-Тьму с командиром легиона? Кому, кроме Кагамандры Туласа, хватило бы отваги и скромности, чтобы удостоиться подобной чести от Урусандера? И разве сама Матерь-Тьма не совершила выдающийся жест, выразив признательность тому, кто спас жизнь Сильхаса Гиблого? Шаренас не сомневалась, что Тулас вскоре и впрямь окажется около трона, положив руку в перчатке на потертую рукоять меча и окидывая пустым взглядом тронный зал в поисках вызова, который никто не осмелится ему бросить.

Однако, несмотря на все это, он станет ужасным мужем для любой женщины, придавая горький вкус каждой политической выгоде.

Возьмет ли он в жены Фарор Хенд? Похоже, решение уже было принято и высечено глубоко в камне, твердое, как воля каменщика. Шаренас между делом прикинула, не удастся ли ей что-нибудь придумать, дабы избавить Фарор от жизни в тоске и одиночестве. До Кагамандры нельзя было добраться, его невозможно было опорочить: подобное выглядело просто невыносимым, сколь бы сладостным ни казался возможный триумф. Оставалась сама Фарор Хенд. Шаренас почти ничего не знала про невесту Туласа, за исключением того, что девушка происходила из рода Дюравов. Рядовая смотрительница Внешних пределов – вряд ли она от хорошей жизни поступила туда на службу.

«Вот только ну не странно ли... – подумала Шаренас. – Как Фарор поступила, прибыв сюда? Буквально через несколько дней после помолвки предпочла добровольное изгнание из Харканаса. Ха! Кажется, я понимаю. Она от него сбежала. Прочь отсюда, как можно дальше от Туласа. Ну просто великолепно. Фарор Хенд, твой жених тебя выследил! Ты еще не дрожишь от волнения? Не падаешь в обморок от столь романтического поступка?»

Вечер на форпосте обещал быть оживленным. Шаренас собиралась держаться поближе к Хунну Раалу, когда тот будет говорить с командиром смотрителей, желая заключить союз с Калатом Хустейном. Но сколь бы ни захватывающей могла оказаться эта беседа, ее теперь куда больше интересовала драматическая – или даже мелодраматическая – встреча жениха и невесты.

Бедняжка Фарор Хенд. Наверняка это станет для нее ударом. Причем весьма болезненным.

Шаренас готова была ее утешить, выслушать с пониманием и без осуждения – к кому еще осмелится обратиться Фарор на этом уединенном форпосте?

«Поведай мне свои тайны, сестра, и мы вместе придумаем, как выпутаться из этого кошмара. Даже если это будет означать конец твоему доброму имени – уверена, через пару сотен лет ты меня поблагодаришь. Покажи мне путь своей тоски, а я возьму тебя за руку и поведу по нему. Как и подобает настоящей подруге».

Прямо перед Илгастом Рендом ехали капитан Хунн Раал и Оссерк, сын повелителя Урусандера. Ни тот ни другой его особо не вдохновляли. Капитан был тщеславен и высокомерен. Претендент на звание принца был бледным отражением отца, юношей раздражительным и вспыльчивым. Ну не удивительно ли, что повелитель Урусандер произвел на свет такого наследника? Но с другой стороны, Илгаст хорошо помнил мать Оссерка, женщину без особых моральных устоев. Если бы не внешнее сходство между отцом и сыном, он вполне мог бы поверить, что Оссерк – порождение семени какого-то другого мужчины. Ведает Бездна, в нынешние времена тисте предавались просто невероятному распутству. Жены всю наставляли рога мужьям, те тоже постоянно ходили на сторону, а теперь даже Матерь-Тьма обзавелась любовником.

Потомство сыпалось из утроб, будто спелые плоды. Нет, Илгаста определенно не впечатляло то, во что превратились тисте. Добытый ими мир стал жертвой праздности и резкого падения нравов.

Затем мысли Ренда переключились на Урусандера. Повелитель оказался прекрасным командиром, но окончание войны явно не пошло ему на пользу. Он тоже сбился с пути, предаваясь тайным слабостям, свойственным скорее престарелым жрецам с измазанными чернилами ладонями.

Урусандер станет весьма посредственным королем, а его нежелание оказывать кому-либо расположение – эта непоколебимая вера в справедливость – вскоре распугает всех его сторонников. Таким, как Хунн Раал, ничего не обломится: ни богатых даров, ни земельных наделов, ни власти, ни влияния при дворе. Как скоро они начнут плести заговоры против своего любимого повелителя? Илгаст слишком хорошо понимал этих глупцов. Единственное, к чему они стремились, – возвыситься любой ценой.

Больше всего его беспокоило, что приход к власти Урусандера приведет к кровопролитию. Даже столь желанное изгнание Драконуса и его чужеземной родни не уменьшало опасений. Домашние войска большинства Обитателей и Великих домов готовы были выступить против восхождения к власти повелителя Урусандера и его сторонников. В этом крылось нечто большее, чем просто защита имеющейся власти. Илгаст слишком хорошо знал своих соплеменников. Политические махинации со стороны солдат, таких как Хунн Раал, оскорбят их до глубины души. Они обидятся, потом возмутятся, а затем и вовсе придут в ярость. Внешние приличия слишком хрупки, и разбить их вдребезги ничего не стоит.

«В мире крови тонут все», – подумал он.

И тем не менее Илгаст находился в обществе этих солдат, хотя его тошнило от вредоносной ауры, окружавшей Хунна Раала и трех его напрочь лишенных вкуса сестриц, и от чрезмерного самомнения Оссерка, продолжавшего воображать, будто он возглавляет их группу. А позади Илгаста ехали Кагамандра Тулас, для которого прошлая война еще не закончилась (и, скорее всего, не закончится никогда, вплоть до самой его смерти), и Шаренас Анхаду – хотя эта женщина и вызывала меньше всего возражений из трех капитанов легиона, называвших себя сестрами по духу, однако Илгаст был разочарован ее присутствием здесь. Он считал Шаренас достаточно умной и проницательной, чтобы не ввязаться в эту компанию глупцов, плывя по течению, будто мусор.

«Так-то оно так. Но тут вновь неизбежно возникает вопрос: а что же, интересно, делаю я сам в столь кошмарном обществе?»

Ренд знал, что Хунн Раал воспринимает его присутствие здесь как свою личную победу. Вне всякого сомнения, капитан рассчитывал, что он поможет ему привлечь на свою сторону Калата Хустейна и зрителей. Следует признать, что на самом деле Илгаст отгородился от остальных, самоустранился, слишком довольный собственной отставкой. Однако его внешнее безразличие вовсе не означало, будто мир застыл на месте. Хотя никто не спрашивал совета у Ренда, сам он прекрасно понимал, что оказался меж двух огней, вернее, между двумя лагерьями. В его жилах текла кровь Великого дома, а сам он был в прошлом командиром когорты в легионе Урусандера, и теперь Илгаст разрывался между двумя силами, которым пока еще вполне мог сопротивляться, продолжая твердо стоять нога, что требовало немалого внимания и осторожности.

Лишь постепенно Илгаст начал осознавать свое одиночество и прочие минусы, с которыми было связано его нынешнее положение. Пока что он вполне успешно отражал предпринимаемые время от времени попытки перетянуть его к себе, особенно со стороны легиона, но события развивались все быстрее, и теперь он уже боялся, что его просто-напросто решительно подтолкнут.

Илгаст знал, что есть еще немало таких, как он сам. И очень глупо считать, что все в мире сводится к борьбе двух сил, которые стоят друг против друга, оскалив клыки, потрясая оружием и пылая ненавистью к врагу. На самом деле все намного сложнее. Илгасту не нравилась аморальность фаворита Матери-Тьмы: если она в самом деле любила Драконуса, ей следовало

выйти за него замуж, будь она проклята. В продолжающем обретать влияние культе Матери-Тьмы все сильнее проявлялась тема сексуальных излишеств. Плотские наслаждения не были чужды и ему самому, но он ощущал за внешними пышными покрывалами неприкрытую похоть, которая была подобна гнили, разъедающей сердцевину плода.

Если религиозный экстаз ничем не отличался от совокупления, что мешало превратить в храм любой публичный дом? Если благословенное избавление заключалось лишь в бессмысленных содроганиях – кому потом убирать грязь? Однако Матерь-Тьма, похоже, приветствовала эту постыдную капитуляцию. Любая вера, поощрявшая разум отказаться от его величайших даров – таких, как способность к рассуждению, к скепсису, – ради пустых банальностей и сомнительной привилегии ни о чем не думать, претила ему. Нет уж, увольте... Илгаст Ренд не собирался ослеплять себя, затыкать уши, зашивать рот или отрубать руки. Он не был бессловесным животным, которого можно впрячь в ярмо, убедив в правильности чужих воззрений. Он намеревался найти свою собственную истину – или умереть.

Фаворит должен был уйти. Матерь-Тьма нуждалась в достойном супруге, а если брак с таким невозможен, то пусть уж лучше остается одинокой. Илгаст полагал, что с распутством при дворе следует покончить. Однако это не стало для него поводом войти в лагерь Урусандера или же занять сторону своей знатной родни. То были всего лишь суждения, а отнюдь не непреклонные, подобно крепостным стенам, убеждения.

Он знал Калата Хустейна. Преданность этого тисте не ведала границ – по отношению к его собственному дому. Хунн Раал все равно не сможет достичь цели и в конечном итоге лишь добавит имя Калата Хустейна в список своих врагов.

Илгаст Ренд собирался поговорить со своим старым другом – поздно ночью, когда эти глупцы как следует напьются и сцепятся друг с другом в главном зале. Образно выражаясь, они намереваются обсудить новые смертоносные течения, и, возможно, к рассвету им удастся найти способ проложить путь в этих яростных водах.

По крайней мере, Илгаст очень на это надеялся.

Однажды ночью Хунну Раалу вполне могут перерезать горло, и никто не станет его оплакивать. Пусть Урусандер занимается интеллектуальным самоудовлетворением: вреда от этого никакого, к тому же он заслужил те удовольствия, которыми наслаждался в последние годы, сколь бы сомнительными они ни были. Матерь-Тьма рано или поздно устанет от Драконуса. Собственно, она может столь углубиться в колдовство Бесконечной Ночи – или как там правильно называется этот культ, – что любые плотские желания останутся позади. Недаром ведь болтают, будто она днем и ночью окутывает себя пронизывающим холодом темноты.

Когда в той темноте исчезает ее фаворит – что он там находит?

Илгаст вспомнил времена, когда Матерь-Тьму еще знали по имени, данному ей при рождении; в ту пору она была просто женщиной – живой и прекрасной, полной невообразимой силы и неожиданных слабостей. Словом, такой же, как и любая другая, – вплоть до того дня, когда она обнаружила Врата. Тьма многолика, но самая главная ее черта – эгоизм.

Быстро смеркалось, и прямо впереди Илгаст Ренд мог различить черную как ночь линию травы на равнине Призрачной Судьбы; на самом краю ее стояли каменные ворота, отмечавшие начало Северной дороги. Двигаясь по этой дороге, они вскоре должны были добраться до форпоста, где находился штаб Калата.

Смотрители Внешних пределов были странным народом, недисциплинированной толпой неудачников – и именно это делало их столь важными. В приличном обществе всегда должно быть место для таких вот чудаков, свободное от предубеждений и насмешек. В приличном обществе они не должны оказываться в темных переулках, под мостами, в сточных канавах и трущобах. Их не выгоняют в глушь и не перерезают им горло.

Для неудачников имелось свое место в мире, и о них следовало заботиться, ибо однажды они могли пригодиться.

Возле ворот пылали факелы. Часовые стояли на посту.

Ехавший впереди Хунн Раал развернулся в седле и бросил взгляд назад, хотя в темноте сложно было понять, куда именно он смотрит. Вновь повернувшись вперед, он что-то негромко пробормотал. Оссерк взглянул через плечо, а потом рассмеялся.

Над головой появился целый водоворот звезд, заполнивший все небо.

Глава пятая

Баретская пустошь представляла собой обширную равнину, которую пересекали древние, истертые водой известняковые хребты; они тянулись на многие мили, но были относительно невысокими, что, как объяснял наставник Сагандер несколько месяцев назад, свидетельствовало о наличии здесь внутреннего моря, которому потребовались тысячи лет, чтобы умереть. Дав волю фантазии, Аратан мог вообразить, будто они едут по почти неосязаемой воде – воде былого и туманных воспоминаний, а морское дно под конскими копытами, покрытое полосами нанесенного ветром песка и желтой травы, находится глубоко под поверхностью иного мира.

Дав волю фантазии, юноша мог почти физически ощутить, как он отрывается от тяжелого жесткого седла, взмывая вверх на собственных мыслях, которые уносили ввысь его тело, измученное и усталое. Освобожденные от оков, мысли эти были способны найти тысячи миров, чтобы странствовать там. И никто из ехавших вместе с Аратаном по равнине ни о чем бы не догадался: тело не выдавало бы его ни единым жестом. Свобода существовала во множестве ипостасей, и самые ценные из них всегда оставались тайной.

Вряд ли бы наставник Сагандер его понял. Ведь наряду с многочисленными разновидностями свободы имелось также и множество разновидностей плена. Когда Аратан впервые постиг данную истину, это стало для него своего рода потрясением. Каменные стены были повсюду, и, дабы убедиться, что они и впрямь существуют, вовсе не требовались тяжелые серые башни. Стены эти могли прятаться в глазах или перекрывать горло, не давая выхода словам. Они могли неожиданно возникать вокруг мыслей в черепной коробке, буквально удушая их. Или же преграждать путь другим мыслям – чуждым, пугающим, дерзким. Однако все эти злоеющие ограждения объединяла общая особенность: они были врагами свободы.

Аратан знал эти прочные серые стены всю свою жизнь.

Но теперь он ехал верхом под открытым небом, слишком обширным и слишком пустым. В висках у него стучало, спина болела, на внутренней стороне бедер образовались волдыри. Массивный шлем, который юношу заставили надеть, давил на шею. Якобы легкие доспехи из нашитых на кожу бронзовых полос оттягивали плечи. Наручи на запястьях и усиленные металлом толстые перчатки обжигали кожу. Даже простой меч на боку с непривычки мешал.

Аратан выбился из сил, но обдувавший лицо ветер казался сладким, как вода, и даже громадная фигура отца, ехавшего впереди рядом с сержантом Расканом, казалось, не имела над ним никакой власти.

«Есть много разновидностей свободы», – снова подумал он.

В день отъезда Аратан не на шутку перепугался, и теперь ему было стыдно. В холодных утренних сумерках, толком еще не проснувшись, он стоял, дрожа, во внутреннем дворе, наблюдая, как готовят лошадей и привязывают к седлам всевозможные припасы. Повсюду носились слуги, в основном выполняя команды Сагандера, которые тот отдавал визгливым пронзительным голосом. Два тщательно упакованных дорожных сундука наставника были открыты, и их содержимое лихорадочно перекладывали с места на место – выючных лошадей для путешествия не предполагалось, и старик настолько из-за этого переживал, что начал осыпать проклятиями слуг, конюхов и всех прочих, кто оказывался поблизости.

За исключением, естественно, Раскана и четырех пограничников, которые бесстрастно наблюдали за происходящим, поджидая возле ворот.

Повелитель Драконус еще не появился, хотя две его лошади уже стояли наготове. Одиноким конюх сжимал поводья Калараса; огромный боевой конь, казалось, не обращал никакого внимания на царившую вокруг панику, застыв практически неподвижно возле подножки. Другие лошади, как показалось Аратану, нервничали; он заметил еще одного слугу, который

выводил из конюшни лошадей для него самого. Кобыла Хеллар беспокойно вертела головой, а за ней шел Бесра, верхом на котором юноша решил начать это путешествие, – крепкий на вид чалый мерин с покрытой шрамами шеей. Оба выглядели громадинами, будто выросли за одну ночь, и Аратан попытался вновь обрести ту уверенность, что пришла к нему к концу уроков верховой езды.

– Аратан! Сюда, быстро!

Вздвогнув, он обернулся и увидел Сагандера, стоявшего на коленях возле одного из сундуков. Старик отчаянно жестикулировал, лицо его помрачнело.

– Иди сюда, я сказал! Ты как был моим учеником, так им и остаешься! Помоги мне!

Мечтая вновь оказаться в своей комнате, в тепле под тяжелыми мехами, где впереди его бы ждал день, ничем не отличающийся от других, Аратан заставил себя шагнуть вперед. Руки и ноги онемели от холода, он с трудом соображал спросонок, и его тошнило от одной лишь мысли, что придется покинуть мир, который он знал всю свою жизнь.

– Оказывается, никаких сундуков с собой брать нельзя! Я потратил полночи на то, чтобы их упаковать, по глупости послушав тебя, – и что теперь прикажешь делать? Придется тебе освободить место в своем багаже. – Сагандер показал на груды вещей. – Для всего этого, понял?

– Да, учитель.

– И побыстрее, пока не появился твой отец!

Аратан подошел к вещам. Какое-то время он разглядывал их, размышляя, каким образом запихнуть в свой спальный мешок пробирные весы с набором гирь. Тем более что мешочка, в котором они раньше хранились, теперь нигде не было видно. Он насчитал с десяток разновесов из чистого металла, самый тяжелый из которых едва помещался на ладони. Самый легкий был величиной с камешек, похожий на толстую монету, и Аратан сунул его в кошелёк на поясе.

Услышав, как выругался Сагандер, он быстро собрал все остальное и направился к лошади.

Конюх, молоденький парнишка, его ровесник, уже привязал багаж к седлу мерина. Увидев сына Драконуса, он недовольно поморщился и снова начал отвязывать спальный мешок.

– Давай сюда, – сказал Аратан. – Мне нужно все это туда запихнуть.

Конюх положил мешок на землю и попытался, будто не желая подходить слишком близко к странным инструментам.

– Можешь идти, – бросил ему Аратан. – Я сам.

Быстро кивнув, парень поспешил прочь и скрылся во мраке конюшни.

Аратан развязал узлы, которые надежно затянул на спальном мешке. Он уже упаковал внутрь смену одежды, в том числе новую пару сапог из кожи хенена. Сапоги были тяжелые, и он позаботился о балансе, поскольку Раскан сказал ему, что не стоит лишний раз раздражать лошадей, особенно в долгом путешествии. Освободив завязки, юноша развернул мешок и уложил в него гирьки, но сами весы оказались чересчур большими и не помещались внутрь. Присев на корточки и размышляя, что делать с громоздким приспособлением, он вдруг понял, что во дворе наступила тишина, не считая тяжелого приближающегося топота сапог. На Аратана упала тень, и он поднял взгляд.

– Почему ты еще не готов? – требовательно спросил повелитель Драконус.

Почувствовав, что у него перехватило горло, Аратан продолжал молча смотреть вверх.

Юноша увидел, как отец перевел взгляд на весы на земле рядом с ним, а потом поднял их и протянул куда-то в сторону. Подошедший слуга забрал весы и поспешил обратно к дому.

– На это нет времени, – сказал Драконус и направился прочь.

Аратан смотрел, как его отец подходит к Каларасу. Слуги во дворе стояли, склонив голову. Наставник Сагандер был уже рядом со своей лошастью, издали яростно сверля глазами ученика.

Аратан быстро скатал мешок, оставив гири на месте, завязал грубые узлы и пристроил его сзади за седлом. Какое-то время юноша сражался с веревками, чувствуя, насколько неуклюжи, даже почти бесполезны его руки со слишком мягкими кончиками пальцев с обгрызенными ногтями, но наконец справился с задачей и отошел назад. Повернувшись, он увидел, что отец уже сидит верхом на Каларасе, держа поводья в облаченных в перчатки руках. Раскан сел на своего коня, в то время как двое слуг помогали Сагандеру сделать то же самое. Стоявшие прежде у ворот пограничники исчезли, наверняка ожидая теперь снаружи.

Аратан взял свободно свисавшие поводья Бесры, нашарил сапогом стремя, едва не потеряв равновесие, и, подтянувшись, взгромоздился в седло.

Драконус первым выехал за ворота. За ним следовали Раскан, а затем Сагандер, который коротко махнул рукой Аратану.

Оглянувшись за мгновение до того, как на него упала тень ворот, Аратан заметил единокровных сестер, стоявших на крыльце дома. Они были в свободных и черных как смоль ночных рубашках, на фоне которых лица девочек казались смертельно бледными. При виде их он слегка вздрогнул, а затем вновь повернулся вперед и, ведя за собой на длинном поводу боевую кобылу, выехал со двора.

Пограничники сидели на гнедых лошадках, более легких и длинноногих, чем те, на которых ездили в семействе Драконуса. Помимо всадников, кони несли на себе свернутые шатры и кухонную утварь, а также набитые провизией мешки и бочки с водой.

Чувствуя себя неуютно под гнетом доспехов и тяжелого шлема на голове, Аратан повел своего коня следом за Сагандером – пока наставник вдруг неожиданно не остановился, натянув поводья. Бесра ловко обошел возникшее препятствие, но Сагандер протянул руку и схватил его за узду:

– Оглянись, ученик. Ну давай же. Делай, как я говорю.

Пограничники держались позади Драконуса и Раскана, выехавших на изгибающуюся дорогу, которая вела на запад.

Развернувшись в седле, Аратан взглянул на ворота и стены усадьбы.

– Скажи, что видишь, – странно хриплым голосом потребовал Сагандер.

– Большой дом повелителя Драконуса, – ответил Аратан.

– То был весь твой мир, ученик. Вплоть до сегодняшнего дня.

– Да, учитель.

– Теперь этому пришел конец.

Аратан кивнул.

– Сестры не хотели тебя провожать. Но отец им приказал. Эти девчонки презирают тебя, Аратан.

– Знаю.

– А знаешь почему?

Подумав, он кивнул:

– Я родился не от той матери.

Сагандер усмехнулся:

– Твоя жизнь, какой ты ее знал, закончилась. Отныне придется полагаться только на себя, и ни на кого больше, что бы тебя ни ожидало. Даже мое наставничество подходит к концу. И сестры... не рассчитывают снова тебя увидеть.

– Да, они были в черном.

– Дурачок, они всегда носят черное. Но да, они хотели, чтобы ты это увидел. – Старик отпустил уздечку Бесры. – Поехали, догоним остальных. Ты едешь рядом со мной, но, должен тебе сказать, отец сегодня утром был тобой недоволен: он не предполагал, что тебя придется ждать.

– Знаю, учитель.

– И вдобавок, Аратан, он был недоволен тем, что ты предпочел мерина кобыле.

– Но... мне говорили, что я не должен слишком часто ездить на Хеллар...

– Когда ты покидаешь Большой дом, то должен ехать на своей боевой лошади. Может, ты и внебрачный сын, но в глазах прислуги все равно остаешься сыном повелителя. Понимаешь?

– Мне этого не объяснили...

– В подобных объяснениях нет нужды! Ты опозорил не только отца, но и меня тоже! Своего наставника, который явно не сумел тебя ничему научить!

– Прошу прощения, учитель.

– И ты оставил дома весы. А что толку от гирь без весов?

Впереди появилась извивающаяся среди низких холмов дорога. Дальше, судя по картам, которые изучил Аратан, дорога сворачивала на юг, ведя к селению Абара-Делак. За ним простиралась Баретская пустошь, а в конце этой обширной равнины начинались земли азатанаев и яггутов.

– Надеюсь, ты взял с собой мои подарки, включая и особый дар для Повелителя Ненависти?

– Взял, учитель.

– Скажи мне, что там... Хотя нет, не стоит. В любом случае уже слишком поздно что-либо менять. Надеюсь, дар окажется достаточно ценным.

– Это решать Повелителю Ненависти.

Сагандер резко взглянул на юношу.

– Я остаюсь твоим наставником, – бросил он. – Ты должен говорить со мной с надлежащим уважением.

– Я всегда помню об этом, учитель. Приношу свои извинения.

– Ты не особо приятен в общении, Аратан. Вот в чем твоя проблема. Нет, не так – положи обе руки на поводья! Или хочешь, чтобы отец обернулся и снова увидел, как ты грызешь ногти? Выпрямись в седле!

День предстоял жаркий, а дорога не давала надежды на тень. Аратан чувствовал, как под его тяжелой одеждой струится пот. Трудно было поверить, что еще недавно он дрожал от холода, чувствуя себя полностью потерянным во дворе, который знал всю свою жизнь. Небо светлело, без единого облачка, голубое, как лед и сталь, и восходящее солнце припекало спину.

Они продолжали ехать размеренной рысью, внезапно оказавшись среди голых холмов. Сворачивавшая вправо дорога показалась Аратану смутно знакомой.

– Куда она ведет, учитель? – спросил он, показывая в ту сторону.

Ему почудилось, будто Сагандер вздрогнул.

– В заброшенные каменоломни. Не удивлен, что ты ее помнишь.

– На самом деле нет.

– Пожалуй, оно и к лучшему.

– Это ведь там я едва не утонул? В конце той тропы, куда гонят на бойню скот?

– Лучше тебе обо всем этом забыть, Аратан.

– Да, учитель.

Аратан сосредоточился на спине отца, плечи которого были шире, чем у сержанта Раскана, шире, чем у любого другого мужчины из тех, кого юноша мог вспомнить. Тяжелый плащ из дубленой кожи свешивался на круп Калараса. Когда-то плащ был выкрашен в черный цвет, но с тех пор прошли многие годы, и теперь он выцвел от соленого пота и солнца, приобретя крапчатый тусклый оттенок.

Раскан ехал в шаге позади своего господина, слева от него. Вряд ли они о чем-то разговаривали. Внезапно Аратан сообразил, что Ивис не успел вовремя вернуться, чтобы их всех проводить. Накануне отец куда-то отослал капитана с отрядом домашнего войска. Юноша жалел, что не смог с ним попрощаться.

Поздним утром путники выехали из холмов, и теперь перед ними простиралась местность, где когда-то, может лет сто тому назад, шумел лес, от которого сейчас остались лишь заросли кустов и папоротника, обманчиво густые на месте ям от вывороченных с корнями деревьев. Пересекавшая эту местность тропа была узкой, вынуждая всадников ехать гуськом. По обе стороны от дороги летали целые полчища бабочек, пчел и более мелких насекомых, питавшихся нектаром маленьких желтых, пурпурных и белых цветов, которыми был усеян каждый куст. Низко над головой порхали птицы.

Они никого больше не встретили, и горизонт казался слишком далеким. Когда-то росший здесь лес наверняка был весьма обширен. Из добытой тут древесины можно было бы построить целый город. И куда только все делось?

Сагандер начал жаловаться на недомогание, издавая стоны при каждом резком движении седла, когда они слегка ускорили шаг. Вскоре после того, как миновали каменоломни, старик замолчал; казалось, теперь у него пропало всякое желание общаться с Аратаном, хотя пару раз наставник все же оглядывался, удостоверившись, что ученик продолжает ехать за ним.

Юноша был только рад относительной тишине, хотя тоже чувствовал себя крайне вымотанным. Он надеялся, что до конца путешествия на него никто не станет обращать внимания. Так было проще. Где внимание, там и ожидание, которое неизбежно порождает давление, а Аратану не нравилось, когда на него давили. Его вполне бы устроило, если бы он мог прожить остаток жизни, оставаясь неприметным и не вызывая ни у кого интереса.

Солнце висело прямо над головой, когда путники добрались до свободной от зарослей местности, где земля была ровно утоптана, а по обеим сторонам дороги в дальнем ее конце виднелись два длинных каменных желоба. В одном лежали джутовые мешки с кормом для лошадей, а другой был до краев заполнен водой. Здесь проходила номинальная граница земель повелителя Драконуса, и накануне тут побывали всадники, пополнив припасы. Объявили привал, и Аратан наконец смог спешиться, чувствуя, как у него подгибаются ноги. Он немного постоял, наблюдая за остальными, пока наконец легкий рывок поводьев не дал ему понять, что следует подвести лошадей к желобам.

Драконус уже так и сделал, но остальные медлили.

«Похоже, они ждут меня», – подумал Аратан.

Яростное шипение Сагандера, в котором на самом деле не было никакой необходимости, обожгло юношу, будто удар хлыстом по спине, и он поспешил вперед. Обе его лошади устремились следом.

Отец, наклонившись, ополоснул лицо в желобе рядом с мордой Калараса, дал коню напиться, а затем подвел его к другому желобу. Раскан придержал вторую лошадь своего господина в стороне, пропуская Аратана вперед, но, когда тот собрался направить Бесру к воде, сержант внезапно покачал головой.

Юноша заколебался. Он ехал верхом на Бесре все утро, и вполне справедливо было дать мерину напиться раньше, чем боевой лошади. Решив не обращать внимания на сержанта, Аратан повел Бесру к желобу. Если отец и заметил это, то не подал виду.

Однако, когда Аратан собрался зачерпнуть воды, послышался голос Раскана:

– Нет, так нельзя. Сейчас ты можешь напоить свою боевую лошадь, но никого больше. Второму коню придется подождать.

– Я намерен напоить того, на ком ехал верхом, сержант.

Во внезапно наступившей тишине Аратан все же сумел выдержать жесткий взгляд Раскана, прежде чем, отвернувшись, опустить руку в прохладную воду.

– Сержант Раскан, – сказал стоявший возле другого желоба Драконус, – Хеллар теперь на твоём попечении, пока парень не поймет, каковы его обязанности.

– Да, господин, – ответил сержант. – Но я все же предпочел бы, чтобы сегодня днем он какое-то время ехал на боевой лошади.

– Очень хорошо. – Драконус отвел Калараса от второго желоба и махнул пограничнице Ферен. – Подойди-ка! Хочу поговорить с тобой наедине.

– Конечно, повелитель.

Брат женщины забрал у нее поводья, и она отправилась следом за Драконусом в дальний конец поляны.

Раскан подошел к Аратану.

– Я тебя достаточно ясно предупреждал, – негромко проговорил он хриплым голосом.

– Моя ошибка в том, что я сегодня утром выбрал не ту лошадь, сержант.

– Вот именно. Ты показал всем, что боишься Хеллар, выставив меня дураком. И мне это не нравится.

– Разве мы не должны достойно относиться ко всем животным, которые нам служат?

Раскан нахмурился:

– Кто вбил тебе в башку подобную чушь? Этот клятый наставник? Только взгляни на него: будет чудом, если старик доживет до конца похода.

– Вообще-то, это мои собственные мысли, сержант.

– Ну так гони их прочь. И если у тебя появятся еще какие-то собственные мысли, Аратан, впредь держи их при себе. А еще лучше – дави в зародыше. Не тебе бросать вызов обычаям тисте.

Юноша почти услышал продолжение: «Оставь это таким, как твой отец».

Ничего. Аратан знал, что скоро будет от всего этого свободен. Он распрощался с Большим домом, и перед ним лежала дорога на запад. Ведя Бесру ко второму желобу, юноша посмотрел на остальных пограничников, рассчитывая встретить их жесткие взгляды. Однако его опасения не оправдались, поскольку Ринт, Вилл и Галак были заняты приготовлением обеда. Их лошади стояли неподвижно, с перекинутыми через седла поводьями – меньше чем в десяти шагах от длинного желоба с водой, но ни одно из животных не двигалось с места. Аратан поискал пути на их ногах, но не нашел.

«Кажется, я понял, – подумал он. – Презрению должна предшествовать гордость.

Однажды я найду нечто такое, чем смогу гордиться, а потом познаю вкус презрения – и пойму, насколько он меня устраивает. Разве не так мне следует рассуждать, будучи сыном своего отца?

Но я так не считаю. Гордости не нужны когти, ей не требуется чешуйчатая броня. Не каждое достоинство должно становиться оружием.

Это мои собственные мысли. И я не намерен давить их в зародыше».

– Когда ты в следующий раз обратишься ко мне, ученик, – прошипел за его спиной Сагандер, – я увижу лик собственного унижения. Жаль, что повелитель не оставил тебя дома. От тебя все равно нет никакой пользы. И убери руки ото рта!

Ринт склонился над углями, глядя, как вспыхивают первые язычки пламени. Подбросив в костер несколько веток, он кивнул Галаку, который начал разбивать брикет сухого навоза. Тот что-то проворчал и выпрямился.

– Что думаешь? – спросил Вилл, подходя ближе.

Ринт пожал плечами, заставляя себя не смотреть туда, где стоял повелитель Драконус, разговаривая с его сестрой.

– Ферен своего не упустит. Будто ты не знаешь.

– Полагаю, ему нужно горячее тело, чтобы согреть постель в холодные ночи.

– Посмотрим, – пробормотал Ринт, едва не заскрежетав зубами. – В конце концов, Драконус – великий повелитель.

– Но он не наш великий повелитель, Ринт.

Тот яростно взглянул на Вилла:

- Не твое дело. И не мое тоже. Решать Ферен, и что бы она ни решила, мы ее поддержим.
- Без вопросов, Ринт, – проворчал склонившийся над костром Галак.

Вилл нахмурился:

– Все равно мне это не по душе. Кто они, собственно, такие, эти фавориты? Сожители, не более того. Даже хуже, чем те клятые жрицы в Харканасе. Думаешь, он хоть что-то знает о чести?

Ринт шагнул ближе:

- Помолчи, Вилл. Еще одно слово, и обойдемся без тебя, понял?

Наступила напряженная тишина. Галак поднялся.

– Там, во дворе, – вполголоса проговорил он, – когда я увидел, как Драконус стоит, держа в руке те весы, меня аж дрожь пробрала. БудтодохнулоБездной.

- Опять ты со своими дурными предзнаменованиями, – усмехнулся Вилл.

– Доставай котелок, – велел Виллу Ринт. – Хватит уже пустой болтовни, мы только время понапрасну теряем.

Оставив своих товарищей, он подошел к сержанту Раскану и старику Сагандеру. О чем-то тихо беседуя, оба смотрели в сторону парнишки, который сидел на земле на краю поляны, спиной ко всем. Увидев Ринта, они замолчали.

– Сержант, – сказал Ринт, – это наша первая трапеза в пути. В последующие дни, нам, естественно, придется обходиться в обед едой, не требующей готовки.

Раскан кивнул:

- Повелитель вполне осведомлен о ваших традициях, пограничник.

- Я так и предполагал, – ответил Ринт. – Просто хотел убедиться.

– Какая-то дурацкая традиция, – мрачно буркнул Сагандер. – Прошло всего полдня, и мы останавливаемся, чтобы наесться до отвала, хотя нам следовало бы спешить дальше.

Ринт пристально взглянул на Сагандера:

– Первый день любого похода всегда труден, наставник, даже для закаленных путешественников. Нужно найти нужный ритм, растряссти кости, и не только нам, но и нашим лошадям. В первый день лошадям приходится хуже всего. Отправляться в путь рано утром, не разогрев мышцы... рискованно.

В ответ старик лишь пожал плечами и отвернулся.

Ринт снова посмотрел на Раскана:

– Сержант, до Абары-Делак два дня пути. Когда окажемся в нескольких лигах от селения, я пошлю вперед Галака...

– Прошу прощения, – прервал его Раскан, – но мой господин приказал объехать Абару-Делак стороной. Мы не задержимся в селении и не станем гостить у каких-либо местных высокородных семейств.

- Об этом походе никто не должен знать, – после некоторого раздумья проговорил Ринт.

- Совершенно верно.

- Подобное крайне трудно сохранить в тайне, сержант.

- Понимаю, Ринт, но мы все же попытаемся.

- Хорошо, я сообщу остальным.

- И еще один момент... – сказал Раскан, когда Ринт собрался уходить.

- Да, сержант?

– Было бы лучше, если бы вы, пограничники, не держались особняком. В конце концов, компания у нас небольшая и впереди еще много дней пути. Мы видели, как вы о чем-то спорили у костра. Если нужно что-то обсудить – обращайтесь ко мне.

- Конечно, сержант.

Вернувшись туда, где он оставил Вилла и Галака, Ринт увидел, что его сестра уже возвратилась со встречи с повелителем Драконусом. Как ни странно, все, похоже, молчали. Ферен бросила взгляд на брата и покачала головой.

На Ринта нахлынула волна подозрений, а вместе с ней густая, удушающая ярость.

– Сержант хочет, чтобы впредь мы были более общительными, – сказал он, изо всех сил стараясь не выдавать своих чувств.

– Двое из них нам приказывают, – проворчал Вилл, – а другие двое – всего лишь старик-грамотей и кролик в шкуре мальчишки. Ну и какой, интересно, общительности он от нас ждет?

– А я почему знаю? – раздраженно пробурчал Ринт. – Какого хрена вы ко мне прицепились?

К его облегчению, все трое рассмеялись, хотя Ринт заметил, как в глазах сестры мелькнуло какое-то странное, совершенно безнадежное выражение. С другой стороны, напомнил он себе, в этом не было ничего необычного.

– Ха! Кролик в шкуре мальчишки, – сказал Галак Виллу. – Неплохо.

– А теперь забудь, что когда-либо это слышал, – предупредил его Ринт.

– Само собой, но все равно вполне ему подходит...

– С чего ты взял? – вдруг осведомилась Ферен, застигнув всех врасплох этим вопросом. – Мне, например, нравится, как парень обращался с лошадьми. Традиции – это прекрасно, но они ведь появились не просто так. Хотя, похоже, теперь об этом начисто позабыли, поскольку всех волнует исключительно внешняя сторона. Парнишка был прав: следует делиться водой с тем конем, который тебе служит. Именно так проявляется благодарность.

– Благодарить следует того коня, на котором скачешь в бой, – возразил Вилл.

– Благодарить следует всех. Именно так и возникли традиции, Вилл. Это было в ту пору, когда они еще что-то значили.

Ринт пристально посмотрел на сестру. Давненько она не говорила столь прочувствованно, ничего подобного он не замечал за ней уже много лет. Возможно, стоило порадоваться, ибо сие обнадеживало, но вместо этого он ощутил лишь смутное беспокойство, как будто упустил в ее словах нечто важное.

– Мясо разварилось, можно есть, – сообщил Галак.

– Я позову остальных, – сказал Ринт.

Аратан сидел на земле, разглядывая кусты и кружившие над ними тучи насекомых. От жары клонило в сон. Внезапно за спиной послышались шаги, повергшие его в еще большее уныние.

– Аратан, меня зовут Ферен.

Вздвигнув, он неуверенно поднялся на ноги, оказавшись лицом к лицу с пограничницей, и вытер мокрые пальцы о бедро.

– У нас есть ритуал, – продолжила она, глядя ему прямо в глаза, отчего юноше стало не по себе. – Первая трапеза в пути. Мы делимся мясом. Со всеми.

Он кивнул.

Женщина шагнула ближе, и Аратан вдруг почувствовал себя загнанным в угол. От нее пахло выделанной кожей и еще чем-то похожим на цветы, но более пряным. Ферен была вдвое его старше, но морщинки в уголках ее глаз пробуждали в нем мысль о... страсти. А потом она едва заметно улыбнулась. И сказала:

– Как по мне, ты абсолютно правильно поступил со своим конем. Есть обычаи, которым якобы полагается следовать, а есть такие, что идут от самого сердца. Если тебя будут ждать два пути, холодный и теплый, какой ты выберешь?

– А если вообще нет никаких путей? – после короткого раздумья спросил он. – Ни одного?

– Тогда создай его сам, Аратан. – Ферен махнула рукой. – Идем, первым должен попробовать мясо твой отец. А после него – ты.

Он двинулся следом за женщиной. И пояснил:

– Я ублюдок. Внебрачный сын.

Остановившись, Ферен повернулась к нему.

– Скоро ты станешь взрослым, – негромко проговорила она. – И с этого дня решать будешь только ты сам. У каждого из нас были отцы и матери, но, повзрослев, мы не стоим ни в чьей тени, а отбрасываем свою собственную. Если тебя прозвали ублюдком, то это вина твоего отца, а не твоя.

Эта женщина была совсем не похожа на его сестер. Аратана приводило в замешательство и даже пугало то внимание, которое она ему уделяла. Он подозревал, что Ферен поручили его сопровождать, поскольку больше желающих не нашлось. Но даже жалость была для нее подобна ласке.

Они пошли дальше.

Остальные ждали у костра.

– Расслабься, парень, это не кролик, – проворчал один из пограничников.

А другой, которого, как знал Аратан, звали Ринт, нахмурился:

– Моя сестра предлагает тебе дар, Аратан. Твой отец уже попробовал мясо.

Ферен подошла к котелку и насадила на кинжал серый кусок мяса. Выпрямившись, она протянула его юноше.

Забирая кинжал, Аратан случайно коснулся руки женщины, и его потрясло, насколько шершавой была кожа у нее на ладони. Жалея о скоротечности мгновения, он зубами стащил мясо с железного острия.

Жесткое и безвкусное: ну и угощение.

Затем Ферен передала кинжал одному из своих товарищей, который повторил тот же ритуал с сержантом Расканом. Четвертый пограничник поступил точно так же с Сагандером. После чего раздали сухой хлеб и миски с расплавленным салом, в которое были добавлены травы. Аратан посмотрел, как Ринт макает хлеб в сало и откусывает от него, и последовал его примеру.

В отличие от мяса, это оказалось намного вкуснее.

– В холодное время года, – пояснил один из пограничников, – именно сало может спасти тебе жизнь. Оно горит в животе, будто масляная лампа. Просто хлеб, без ничего, убьет тебя, как и постное мясо.

– Помню, мы как-то преследовали джебеков в разгар зимы, – сказал Раскан. – Казалось, сколько бы шкур мы на себя ни надевали, все равно никак не могли согреться и дрожали от холода.

– Просто у вас была с собой неправильная еда, сержант, – усмехнулся пограничник.

– Ну ясное дело, Галак, и никто нам не подсказал, ведь вас рядом не было.

– Так вы их в конце концов выследили? – заинтересовался Ринт.

Раскан покачал головой:

– Мы сдались после одной особенно морозной ночи, а поскольку с севера приближалась снежная буря, стало ясно, что след мы потеряем. Пришлось вернуться в форт. Тепло костра и подогретое вино помогли мне ожить, но прошли почти целые сутки, прежде чем холод окончательно ушел из моих костей.

– Хорошо, что вы вернулись, – промолвил Галак и, прожевав, добавил: – Джебеки любят использовать снежные бури для засады. Могу поспорить на лучший свой меч, они шли по вашим следам, скрываясь под покровом метели.

– В той войне вообще было мало приятного, – вздохнул Ринт.

– Никогда не слышала о приятных войнах, – парировала Ферен.

Заметив, что его отец ушел, предпочитая не участвовать в непринужденной застольной беседе, Аратан невольно призадумался: интересно, какая скрытая сила или черта характера обеспечивает Драконусу преданность подчиненных при столь явном отсутствии товарищеских отношений? Или всем вполне достаточно лишь того, что Мать-Тьма выбрала его своим фаворитом?

Драконус отважно сражался во время Форулканской войны. Все об этом знали, и никто не оспаривал его смелости и бесстрашия. Он водил в бой домашнее войско, носил тяжелые доспехи, будто легкий шелк, а меч на его поясе выглядел столь же потертым и простым, как и у обычного солдата. Аратан подозревал, что все эти детали имеют огромное значение. У солдат наверняка есть некий свой кодекс – да и как могло быть иначе?

Трапеза внезапно завершилась, и все начали готовиться к дальнейшему пути. Аратан поспешил к Бесре – но увидел, что Раскан подготовил вместо него Хеллар. Юноша слегка замедлил шаг, а потом обнаружил, что рядом с ним идет Ферен, внимательно рассматривая боевую лошадь.

– Впечатляющая кобыла, – сказала женщина. – Но взгляни на ее глаза: она знает, что ты ее хозяин, ее защитник.

– Я ни от чего не могу ее защитить.

– Кое от чего можешь. По крайней мере, так считает сама лошадь.

Аратан искоса посмотрел на Ферен:

– О чем ты говоришь?

– Ты способен защитить ее от жеребца твоего отца. Да, это повелитель своей рукой держит Калараса в узде. Но кобыла рассчитывает на тебя. Так уж заведено у животных. Вера побеждает логику, и в этом наше счастье. Но вижу, роста она немало. Давай подсажу тебя.

– Зачем тебе все это? – внезапно вырвалось у Аратана; его спутница резко остановилась. – Я видел, как мой отец говорил с тобой. Это он велел тебе быть со мной любезной?

Вздохнув, Ферен отвела взгляд:

– Повелитель Драконус ничего мне не приказывал.

– Тогда что он тебе сказал?

– Это останется между ним и мною.

– А ко мне это имеет какое-то отношение?

В ее глазах вспыхнула злость.

– Подставляй сапог, парень! Или нам всем опять придется тебя ждать?

Без каких-либо видимых усилий подсадив его в седло, пограничница направилась туда, где ждали верхом на лошадях ее товарищи.

Аратану хотелось окликнуть Ферен. Он слышал свой мысленный голос, жалостливый и тонкий, будто у ребенка, к тому же обиженного. Но подозрения никуда не делись, а вместе с ними Аратана терзало и чувство глубокого унижения, жаркое и удушливое. Неужели Драконус считал, будто его сын до сих пор нуждается в заботливой няньке? С ним что, собираются сюсюкать вплоть до последнего дня, который он проведет в обществе отца?

«Возможно, тебе кажется, будто я хочу от тебя избавиться» – именно такие слова Драконус произнес в Зале Кампаний.

«Нет, отец, ты хочешь вовсе не этого, – подумал Аратан. – На самом деле ты отдаешь меня под опеку. Кого? Да любого, кого пожелаешь».

– Эй, ученик! Ко мне!

Взяв поводья, Аратан пустил Хеллар рысью. Тяжелая поступь кобылы сильно отличалась от размашистого бега Бесры. Кроме Сагандера, на поляне никого больше не осталось.

«Мне бы Ферен понравилась куда больше без твоего вмешательства, отец. Зачем заставлять кого-то становиться для меня матерью? Да и вообще, зачем ты лезешь в мою жизнь? Прогони меня, и я буду только рад. А пока что оставь меня в покое».

– Имей в виду, добра от этой девицы ждать не стоит. Эй, Аратан, ты слышишь меня? Не обращай на нее внимания. Повернись к ней спиной.

Юноша хмуро взглянул на наставника, удивляясь его горячности.

– Между прочим, эти пограничники годами не моются. У них полно вшей, которые разносят заразу. Ясно?

– Да, учитель.

– Я твой сопровождающий в этом походе, понял?

– Как скоро мы прибудем в Абару-Делак?

– Никогда. Мы ее объедем.

– Но почему?

– Потому что такова воля повелителя Драконуса. Хватит вопросов! Пора уже приступить к уроку. И темой нашего сегодняшнего занятия будет «Слабость и желание».

Ближе к вечеру они ехали среди старых лагерей лесорубов, широких ровных пространств, обрамленных со всех сторон выкорчеванными обгоревшими пнями. До Абары-Делак оставалось еще несколько лиг, буквально все дороги вели к этому селению. Здесь можно было ехать бок о бок, и Сагандер потребовал от ученика держаться рядом с ним.

В каком-то смысле так было даже легче. До этого Ринт скакал чуть впереди Сагандера и не мог не слышать громкие резкие фразы наставника, составлявших суть так называемого урока, хотя Аратан старался, чтобы его нечастые ответы на вопросы учителя звучали как можно тише.

Как только дорога стала шире, пограничник прищипорил коня, поравнявшись с сестрой, и они о чем-то негромко заговорили.

– Слабость, – продолжал Сагандер тоном измученным и вместе с тем неумолимым, – есть болезнь духа. Самые знатные представители нашего народа ею попросту не страдают, и именно их прирожденное, брызжущее энергией здоровье оправдывает то положение, которое они занимают в жизни. Несчастный работяга в полях слаб, и его бедность – всего лишь симптом той же самой болезни. Но одного этого недостаточно, чтобы заслужить твое сочувствие, ученик. Ты должен понять, что слабость начинается вне тела и ее нужно поймать, а затем вобрать в себя. Иного выбора нет. В любом обществе существует иерархия, и она измеряется силой воли. Только этим, и ничем другим. Наблюдение за обществом раскрывает истинную природу справедливости. Те, кто обладает властью и богатством, во всех отношениях превосходят тех, кто им служит. Ты вообще меня слушаешь? Терпеть не могу, когда ты витаешь в облаках, Аратан.

– Я слушаю вас, учитель.

– Некоторые – свернувшие с истинного пути философы и ярые фанатики – утверждают, будто социальная иерархия неестественна и навязана извне, а потому ей необходима изменчивость. Это лишь проявление сознательного невежества, ибо означенная подвижность общества на самом деле существует. Болезнь, каковой является слабость, можно изгнать из себя. Часто подобное преобразование случается во времена великих потрясений, вроде яростных битв и прочего, но есть и иные пути, доступные для тех из нас, кому несвойственна натура солдата. И главными из них, естественно, являются образование и строгая дисциплина. Дисциплина – это оружие против слабости, Аратан. Считай ее одновременно мечом и доспехами, ибо она способна как нападать, так и защищать. Дисциплина надежно противостоит воинству слабости, а ничейной землей, за которую ведется битва, является желание. Каждый из нас должен в своей жизни пройти через это сражение. Собственно, любая борьба, свидетелем которой ты можешь оказаться, – всего лишь одна из граней этого единственного конфликта. Есть чистые желания,

и есть нечистые. Первые придают силу дисциплине, а вторые – слабости. Я достаточно доходчиво все объяснил?

– Да, учитель. Можно вопрос?

– Слушаю.

Аратан показал на окружавшую их пустошь:

– Этот лес вырубili, потому что местным жителям требовалась древесина. Для строительства и обогрева. Похоже, дисциплина тут была на высоте: ни одно дерево не устояло. Вот это меня и смущает. Разве их желания не были чистыми? Разве их потребности не были честными? И тем не менее уничтожен целый лес. Не оказалась ли сила в итоге слабостью?

Сагандер слезящимися глазами взглянул на Аратана и покачал головой:

– Ты не понял ни слова из того, что я говорил. Сила – всегда сила, а слабость – всегда слабость. Нет! – Лицо его исказилось. – Твои мысли путаются, а озвучивая их, ты заражаешь этой путаницей других. Больше никаких вопросов!

– Хорошо, учитель.

– Вместе с дисциплиной приходит уверенность, и тогда наступает конец любому замешательству.

– Понимаю, учитель.

– Сомневаюсь. Но я сделал все, что мог, – и вряд ли кто-либо осмелится утверждать обратное. Однако тебя влечет нечистое, поражая твою душу, Аратан. Вот к чему приводит неподходящий союз.

– Все дело в слабости моего отца?

И тут кисть руки Сагандера, костлявая и твердая будто камень, врезалась в лицо Аратана. Голова юноши запрокинулась назад, и он едва не свалился с лошади. Рот заполнился горячей кровью. Внезапно Хеллар под ним вздрогнула, и Аратана бросило вправо. Последовал резкий толчок, кобыла заржала.

Откуда-то издали донесся крик Сагандера. Оглушенный, Аратан покачнулся в седле, чувствуя, как из носа течет кровь. Хеллар снова напряглась, ударив передними копытами о землю с такой яростью, что затрещали камни. Юноша с силой натянул поводья. Лошадь отступила на шаг и остановилась, вся дрожа.

Аратан слышал голоса подъезжающих всадников, которые что-то кричали, но ему казалось, будто они говорят на чужом языке. Он сплюнул кровь, пытаясь стряхнуть с глаз пелену. Что-либо разглядеть и понять было сложно. Сагандер лежал на земле, как и его лошадь. Та судорожно билась, и что-то было не так с ее боком, сразу за плечом. Ребра выглядели так, будто их вдавили внутрь, а изо рта кобылы шла кровь.

Рядом оказался Ринт, который помог юноше сойти с Хеллар. Аратан увидел Ферен, лицо которой потемнело от ярости.

«Сагандер был прав. Меня нелегко полюбить. Даже по приказу господина».

Наставник продолжал истошно вопить. Когда старика усадили в дорожную пыль, Аратан увидел, что одно его бедро неестественно вывернуто. На месте перелома виднелся солидных размеров отпечаток копыта, и под ногой собиралась лужа крови, казавшейся на фоне белой пыли черной как смола. Юноша завороченно уставился на эту картину, пока Ферен вытирала тряпкой кровь с его собственного лица.

– Ринт все видел, – сказала она.

«Видел что?»

– Такой удар вполне мог сломать тебе шею, – добавила женщина. – Так говорит Ринт, а он не из тех, кто любит преувеличивать.

У него за спиной послышалось утвердительное ворчание ее брата.

– Этой лошади все равно уже конец, – сказал он. – Как прикажете с ней поступить, повелитель?

– Избавь ее от мучений, – послышался откуда-то бесстрастный и холодный голос Драконуса. – Сержант Раскан, займись ногой наставника, пока он не истек кровью.

Галак и Вилл уже были рядом с Сагандером. Галак поднял взгляд и проговорил:

– Перелом очень тяжелый, повелитель Драконус. Придется отрезать ногу, и даже в этом случае наставник может умереть от потери крови, прежде чем мы успеем прижечь крупные сосуды.

– Наложить жгут, – велел Драконус Раскану, и Аратан увидел, как сержант, побледнев, кивнул и снял свой кожаный пояс.

Наставник лишился чувств, лицо его обмякло и покрылось пятнами.

Галак достал кинжал и начал резать разорванную плоть вокруг места перелома. Из распухшей раны торчали обломки кости.

Раскан обмотал пояс вокруг бедра старика и как можно сильнее затянул его.

– Ринт, – сказал Драконус, – как я понимаю, ты видел, что случилось?

– Да, повелитель. Случайно обернулся как раз в тот момент, когда наставник ударил вашего сына.

– Я желаю знать все подробности. Давай отойдем.

Ферен все это время с силой нажимала на грудь Аратана. Наконец почувствовав давление, он поднял глаза и встретился с ней взглядом.

– Лежи, – велела она. – Тебя оглушило.

– Что случилось?

– Хеллар накинулась на наставника, свалила с ног его лошадь и наступила ему на ногу. А потом еще собиралась наступить и на голову, но ты вовремя ее удержал: у тебя хорошая реакция, Аратан.

Нашарив пряжку под мокрым подбородком, она стащила с него шлем, а затем шапочку из оленьей кожи.

Мгновение спустя Аратана сотрясла судорога, и Ферен успела повернуть юношу на бок за мгновение до того, как его стошнило.

– Все в порядке, – прошептала она, вытирая ему окровавленной тряпкой рот и подбородок.

Он почувствовал запах дыма, а затем горелого мяса. Ферен ненадолго отошла, а вернувшись, накрыла его шерстяным одеялом.

– Наставнику отрезают ногу, – пояснила она. – Останавливают кровотечение. Обрубают кость как можно ровнее. Сагандер все еще дышит, но потерял много крови. Неясно, выживет ли.

– Это все я виноват...

– Неправда.

Аратан покачал головой:

– Я наговорил лишнего.

– Послушай меня. Ты сын повелителя...

– Внебрачный ублюдок.

– Сагандер поднял на тебя руку, Аратан. Даже если он переживет потерю ноги, твой отец вполне может его убить. Подобное просто непозволительно.

– Я выскажусь в защиту наставника. – Он с трудом сел. Голова закружилась, и Ферен пришлось его придержать, чтобы он не упал. – Это я всему виной. Я сказал не то, что следовало. Я виноват.

– Аратан...

Юноша посмотрел на нее, едва сдерживая слезы:

– Я оказался слабым.

Он еще успел увидеть, как расширились ее глаза и помрачнело лицо, а затем со всех сторон нахлынула тьма, и все исчезло.

На поляне вырубili кусты, расчищая место для шатров, а лошадей расседлали и стреножили подальше от трупа их убитой соплеменницы. Вилл отрубил от туши столько мяса, сколько они могли унести, и теперь сидел у костра, над которым шипели и истекали соком аппетитные красные куски.

Вернувшийся после долгого разговора с Драконусом Ринт подошел к костру и устроился рядом с Виллом.

Галак не отходил от Сагандера, который еще не очнулся, в то время как Ферен склонилась над внебрачным сыном повелителя, столь же бесчувственным, как и его наставник. Раскан ушел вместе со своим господином ко второму костру, над которым висел почерневший котелок с дымящимся бульоном.

Вилл потыкал мясо.

– А ведь еще и дня не прошло с начала пути, – пробормотал он. – Ох, Ринт, попомни мое слово: добром это все не кончится.

Ринт потер заросший щетиной подбородок и вздохнул.

– Планы меняются, – сказал он. – Значит, так: вы с Галаком забираете наставника в Абару-Делак и оставляете его там на попечение монахов, а потом нас нагоняете.

– А мальчишка? Он в полном отрубле. Может вообще не очнуться.

– Очнется, – ответил Ринт. – С головной болью. Все из-за того клятого шлема, тяжелой железяки, о которую он стукнулся затылком. Всего лишь небольшое сотрясение, Вилл. Было бы куда хуже, сломай парень шею, но, к счастью, пронесло.

Вилл, прищурившись, взглянул на Ринта:

– Крепко же его приложило. Не думал, что старикан настолько силен.

– Парень вообще этого не ожидал – да и, ведает Бездна, с чего бы вдруг? В любом случае завтра поедем медленнее. Ферен за ним присмотрит.

– А что по этому поводу думает повелитель?

Ринт немного помолчал, а затем пожал плечами:

– Драконус со мной не делился, Вилл. Но сам знаешь, как высокорожденные относятся к таким вещам.

– Не повезло Сагандеру. Собственно, а зачем нам с Галаком тащить его в Абару-Делак? Проще перерезать дураку глотку и насадить его голову на шест.

– Ну, вы же основательно над ним потрудились. Повелитель видел.

– То есть Драконус всего лишь не хочет нас обидеть? – буркнул Вилл.

– Можешь считать и так. Полагаю, просто существуют определенные формальности. Нет смысла устраивать показательные наказания, если этого все равно никто не увидит.

– Я не очень понял насчет Абары-Делак. Что мы скажем монахам, если весь этот поход должен оставаться в тайне?

– Ну, якобы вы сопровождали наставника в монастырь, – в конце концов, они же делают превосходную бумагу.

– В смысле, делали когда-то?

– Ну да. Дескать, вы пытались объяснить это наставнику, но тот уперся: надо к ним заехать, и точка.

– Выходит, если он придет в себя, нам обязательно нужно быть рядом – чтобы объяснить старику, что к чему.

– Нет. Если он переживет эту ночь, завтра утром мы должны привести его в чувство, и Драконус сам скажет Сагандеру все, что требуется.

– А потом мы вас нагоним?

Ринт кивнул и, достав нож, насадил на него кусок мяса.

– И чего я, собственно, утруждаюсь? – усмехнулся Вилл. – С тем же успехом можно было бы отгрызать его прямо от туши.

– Но тогда не было бы привкуса дыма, Вилл.

К ним подошла Ферен.

– Теперь парень просто спит, – сказала она, садясь возле костра. – Мечется и ворочается, но не сильно: лихорадки нет. Дышит глубоко и ровно.

Вилл, прищурившись, взглянул на женщину и улыбнулся:

– Никогда прежде не видел тебя в роли матери, Ферен.

– И не увидишь, если тебе дорога жизнь, Вилл. – Она положила ладонь на руку Ринта. – Брат, помнишь, что я тебе говорила?

В ответ на его вопросительный взгляд она лишь кивнула.

Ринт посмотрел на полусырое мясо у себя в руках и продолжил жевать.

– До чего же вы оба порой меня раздражаете, – пробормотал Вилл, снова переворачивая оставшиеся куски.

Сержант Раскан окунул лезвие ножа в загустевшую кровавую похлебку. Сагандера наверняка затошнит от ее вкуса, по крайней мере поначалу, но это сытное варево способно спасти ему жизнь.

Стоявший рядом Драконус смотрел на лошадей.

– Пожалуй, я ошибся, решив забрать у него Хеллар.

– Повелитель?

– Они теперь по-настоящему привязаны друг к другу.

– Да, повелитель. Хеллар действовала быстро, не колеблясь. Можете быть уверены, эта кобыла готова жизнь отдать, защищая Аратана.

– Да, я и сам в этом убедился.

– Как-то не похоже на наставника, правда, повелитель? Почему он вдруг так странно себя повел?

– Когда молодость оказывается в далеком прошлом, в сердце порой возникает жестокость, сержант. Так бывает, когда к боли в костях и мышцах добавляется болезненная тоска, а душу днем и ночью преследует сожаление о несбывшемся.

Раскан уважительно покосился на собеседника, обдумал эти слова, а затем покачал головой.

– Ваша способность прощать намного превосходит мою, повелитель...

– Я не говорил о прощении, сержант.

– Верно, – кивнул Раскан. – Но, повелитель, если бы кто-то вот так ударил моего сына...

– Хватит об этом, – посуровев, прервал его Драконус. – Есть вещи, которые тебе не понять, сержант. И все же тебе не за что извиняться: ты говорил искренне и от души, и за это я тебя уважаю. Мне начинает казаться, что это вообще единственное, что достойно уважения – независимо от нашего положения в обществе и того, как сложилась жизнь.

Раскан промолчал, помешивая варево. Он на мгновение забыл о пропасти, разделявшей его и повелителя Драконуса. И он действительно высказался от души, но неосторожно и необдуманно. Поведи так сержант себя с другими высокородными, его замечание могло стать поводом для хорошего нагоняя и даже лишения звания.

Но Драконус был другим, ибо глядел прямо в глаза каждому из вверенных ему солдат и слуг.

«Если бы он так же относился и к своему единственному сыну...» – подумал Раскан.

– Вижу в свете костра, что твои сапоги совсем износились, сержант.

– Такая уж у меня походка, повелитель.

- В здешних краях куда лучше подошли бы мокасины.
- Да, повелитель, но у меня их нет.
- У меня есть старая пара, сержант: могут оказаться великоваты, но если набить их ароматными травами, как делают пограничники, то вполне сгодится.
- Повелитель, но я...
- Ты отказываешься от моего дара, сержант?
- Нет, повелитель. Спасибо.

Наступила долгая тишина. Раскан взглянул на сидевших вокруг второго костра пограничников. Вилл уже крикнул, что мясо готово, но ни сержант, ни его господин не сдвинулись с места. Хотя Раскан и проголодался, густой запах варева отбивал аппетит. К тому же он не мог без разрешения покинуть повелителя.

– Там, где сияют звезды, – вдруг сказал Драконус, – свет врывается в бескрайнюю тьму. Звезды – далекие солнца, которые освещают своими лучами столь же далекие неведомые миры. Миры, возможно, мало чем отличающиеся от нашего. Или совершенно иные. Не важно. Каждая звезда движется по предписанному ей пути туда, где ее ждет смерть – смерть света, смерть самого времени.

Раскан потрясенно молчал. Он никогда прежде не слышал ничего подобного: неужели так полагали ученые Харканаса?

– Тисте вполне устраивает их собственное невежество, – продолжал Драконус. – Не думай, сержант, будто подобные вопросы обсуждаются при дворе. Нет. Можешь считать, что возвышенный мир ученых и философов мало чем отличается от гарнизона солдат, слишком долго пребывающих в обществе друг друга. Увы, они столь же низменны, корыстны, злобны, отравлены тщеславием, предательством и тщательно оберегаемыми предрассудками. Титулы подобны брызгам разбавленной краски на уродливом камне: цвет может выглядеть красиво, но то, что под ним, не меняется. Знание само по себе не несет ценности – это броня и меч; и хотя броня защищает, она также отгораживает от мира, а меч может точно так же ранить своего владельца.

Раскан помешал суп, ощущая какой-то непонятный страх. У него не было никаких мыслей, которые он мог бы озвучить, никаких суждений, которые не продемонстрировали бы его собственную глупость.

- Прошу прощения, сержант, если я тебя смутил.
- Нет, повелитель, но, боюсь, подобные идеи легко сбивают меня с толку.
- Разве я не ясно выразился? Не позволяй титулу ученого – или поэта, или повелителя – чрезмерно тебя запугать. И что еще важнее, не заблуждайся, полагая, будто все они возвышеннее, умнее и чище, чем ты сам или любой другой простолюдин. Мы живем в мире масок, но за ними кроются злобные оскалы.
- Оскалы, повелитель?
- Ну, вроде собачьих, сержант.
- Собака скалится от страха, повелитель.
- Именно так.
- Значит, все живут в страхе?

Костер едва освещал стоявшую рядом с Расканом рослую фигуру, и казалось, что голос Драконуса исходит словно бы из ниоткуда.

– Большую часть времени – пожалуй, да. В страхе, что наши мнения могут оспорить. В страхе, что наш взгляд на мир могут назвать невежественным, своекорыстным или воистину злым. В страхе за самих себя. В страхе за наше будущее, нашу судьбу, наш смертный миг. В страхе лишиться всего, чего мы достигли. В страхе оказаться забытыми.

- Повелитель, вы описываете весьма мрачный мир.

– Иногда проявляется и другая его сторона, едва заметная. Мимолетные поводы для радости, гордости. Но потом снова приходит страх, глубоко вонзая свои когти в сердце и душу. Иначе не бывает. Скажи, сержант, когда ты был маленьким, ты боялся темноты?

– Полагаю, в детстве все мы ее боялись.

– И что именно в ней нас пугало?

Раскан пожал плечами, глядя на мерцающее пламя. Костер был небольшой, готовый потухнуть в любой момент. Когда догорит последняя ветка, угли вспыхнут, потом погаснут и наконец остынут.

– Вероятно, неизвестность, повелитель. То, что могло там прятаться.

– И тем не менее Матерь-Тьма выбрала ее в качестве своего одеяния.

У Раскана перехватило дыхание.

– Я уже давно не ребенок, повелитель. У меня нет причин бояться.

– Порой я думаю: а не забыла ли Матерь-Тьма свое собственное детство? Можешь ничего не говорить, сержант. Уже поздно, и мысли мои блуждают. Как ты справедливо заметил, мы давно уже не дети. В темноте больше не таятся кошмары, и миновало то время, когда неведомое нас пугало.

– Повелитель, можно теперь его остудить, – сказал Раскан, с помощью ножа снимая с огня котелок и ставя его на землю.

– Иди лучше к остальным, – махнул рукой Драконус, – пока мясо не превратилось в угли.

– А вы, повелитель?

– Чуть позже, сержант. Погляжу еще немного на те далекие солнца и поразмышляю о неведомой жизни под их лучами.

Раскан выпрямился, почувствовав, как щелкнули колени и протестуют уставшие в седле мышцы. Поклонившись своему господину, он направился к другому костру.

Когда Аратан открыл глаза, было темно. Он обнаружил, что к нему прижимается чье-то теплое тело, одновременно мягкое и многообещающе твердое. В ночном воздухе ощущался легкий пряный запах. Рядом с ним под тем же одеялом спала Ферен.

Сердце у юноши отчаянно заколотилось.

Из лагеря не доносилось ни звука, даже со стороны лошадей. Моргая, Аратан уставился на звезды, убедившись, что самые яркие из них находятся на своих местах. Он попытался думать о приземленном, стараясь не обращать внимания на дремлющую у него под боком женщину, чье тело было таким теплым.

Сагандер говорил, что звезды – всего лишь отверстия в ткани ночи, тонкие места в благословенной тьме, а когда-то очень давно звезд вообще не было и царила крошечная темнота. Это было во времена первых тисте, в Эпоху Даров, когда повсюду властвовала гармония, умиротворяя беспокойные сердца. С подобной трактовкой соглашались все великие мыслители, как заявлял его наставник в своей воинственной манере каждый раз, когда Аратан задавал неподобающие вопросы.

«Но откуда исходит свет? Что таится за вуалью ночи и как это могло не существовать в Эпоху Даров? Наверняка оно было там с самого начала. Или нет?»

Свет был подобен огню, ведущему вечную войну в попытках прорваться сквозь эту вуаль. Он родился, когда в душе тисте впервые возник разлад.

Но откуда возник разлад в мире и гармонии?

«Душа таит в себе хаос, Аратан. Искра жизни не ведает своей сути, зная лишь потребности. Если не управлять этой искрой посредством высших мыслей, она вспыхивает пламенем. Первые тисте впали в самодовольство, пренебрегая Даром. А те, кто поддался... что ж, именно их пылающие души ты видишь сквозь вуаль ночи».

Ферен пошевелилась и перевернулась на другой бок, оказавшись лицом к Аратану, а затем придвинулась ближе, положив руку ему на грудь. Юноша почувствовал ее дыхание на шее, прикосновение ее волос к ключице. Пряный запах, казалось, исходил отовсюду – от кожи и волос, от тепла тела.

Дыхание женщины на миг прервалось, а затем она, глубоко вздохнув, придвинулась еще ближе, пока Аратан не почувствовал, как к его руке прижимается сперва одна из ее грудей, а затем и другая.

А потом ладонь Ферен потянулась к его промежности.

Между ног у него затвердело, а потом стало мокро и скользко, но она лишь невозмутимо размазала пролившееся по его животу, а затем навалилась на Аратана, придавив сверху показавшейся невероятно тяжелой ногой. Подсунув другую ладонь под его ягодицы, она привлекла юношу к себе, стиснув между бедрами.

Она надвинулась на него, издав негромкий стон.

Аратан не понимал, что происходит. Он даже не знал, что, собственно, у нее между ног. Вряд ли она испражнялась через эту дыру – та находилась слишком уж спереди, разве что женщины были устроены совершенно иным, непостижимым образом.

Он видел совокупляющихся собак во дворе, видел, как Каларас яростно кроет кобылу, вонзая в нее свой красный клинок, но куда этот клинок входил, понять было невозможно.

Ферен начала тереться о него, отчего юношу бросило в жар. Схватив Аратана за запястья, она положила его ладони на свои ягодицы, оказавшиеся более полными и упругими, чем он представлял, и его пальцы погрузились в мягкую плоть.

– Двигай бедрами, – прошептала она. – Вперед и назад. Все быстрее и быстрее.

От бывшего замешательства не осталось и следа, ошеломление рассеялось как дым.

Вздвогнув, Аратан излил в нее семя, чувствуя, как его охватывает глубокая, теплая усталость. Когда Ферен позволила ему выскользнуть из нее, юноша перекатился на спину.

– Не так быстро, – сказала она. – Дай мне руку... нет, не эту, а другую. Опusti ее, увлажни пальцы... да, вот так. А теперь потри здесь, сперва не спеша, но потом все быстрее, когда услышишь, как участилось мое дыхание. Аратан, у занятий любовью есть две стороны. Ты свое уже получил, и мне понравилось. Теперь сам доставь мне удовольствие. Вы еще не раз меня отблагодарите – и ты, и каждая женщина, с которой ты возляжешь.

Аратану хотелось отблагодарить ее прямо сейчас, что он и сделал.

Парень изо всех сил старался не шуметь, но Ринт спал чутко. Хотя он не мог разобрать, что говорила его сестра Аратану, последовавшие звуки не оставили у него никаких сомнений.

Что ж, Ферен тоже хотелось получить удовольствие, и вряд ли стоило ее в этом упрекать.

Она призналась брату, что Драконус ничего ей не приказывал. Он лишь попросил ее, и отказ не повлек бы за собой никаких последствий. Ферен ответила, что подумает, и то же самое она сказала Ринту, подчеркнуто проигнорировав его неодобрительный взгляд.

«Обучение оставь какой-нибудь придворной шлюхе. Разыграй все как некую банальность, каковой это, собственно, и является. Есть множество способов этому учиться, и они повторяются из поколения в поколение. Из всех игр, которыми сопровождается учеба, сия наиболее постыдная».

Ферен была пограничницей. Неужели Драконуса не волновало ничего, кроме его собственных потребностей, и он готов был растоптать любого на своем пути, чтобы их удовлетворить? Похоже на то. Его сыну предстояло стать мужчиной.

«Покажи парню, что к чему, Ферен».

Нет, шлюха для Аратана не годилась, как и служанка или какая-нибудь крестьянская девка из окрестных деревень. Любая из них могла впоследствии осаждать Обитель Драконс, требуя денег на содержание внебрачного ребенка.

А вот Ферен бы никогда так не поступила, и Драконус это прекрасно знал. Отец мог не беспокоиться о том, что его сын прольет семя в утробу этой женщины. Если бы она вдруг поняла, что у нее будет ребенок, то просто исчезла бы, не обвиняя ни в чем парня, и воспитывала бы дитя сама – возможно, до того дня, когда Аратан явился бы за своим внебрачным отпрыском.

Так что все повторилось бы снова: от отца к сыну и дальше. О женщинах же с разбитыми сердцами, что плачут в пустых домах, вряд ли стоило переживать.

«Но это Ферен. Моя сестра. Если у тебя будет ребенок, Ферен, я сбегу вместе с тобой, и никто из Обители Драконс никогда нас не найдет. А если Аратану это все же каким-то образом удастся, клянусь: я убью его собственными руками».

Высоко над головой кружили звезды, будто несомые бурной рекой гнева.

Сагандер пришел в себя незадолго до рассвета. Мгновение спустя он судорожно вздохнул, но, прежде чем успел издать еще хоть один звук, рука в перчатке зажала ему рот, и наставник увидел присевшего перед ним повелителя Драконуса.

– Тихо! – негромко приказал тот.

Сагандер сумел кивнуть, и рука исчезла.

– Господин! – прошептал он. – Я не чувствую свою ногу!

– Ее больше нет, наставник. Пришлось отрезать, иначе бы ты умер.

Недоверчиво уставившись на повелителя, Сагандер высвободил руку из-под одеяла и, опустив ее вниз, обнаружил пустоту на том месте, где должно было находиться его бедро. Пальцы нащупали массу промокших бинтов.

– Ты ударил по лицу моего сына, наставник.

Сагандер моргнул:

– Господин, он дурно о вас говорил. Я... я защищал вашу честь.

– Что именно он сказал?

Сагандер облизал пересохшие губы, чувствуя жар в горле. Он никогда еще не ощущал себя столь обессиленным.

– Аратан заявил, будто он – ваша слабость, повелитель.

– И как же именно до этого дошло, наставник?

Запинаясь, Сагандер объяснил суть своего урока и последовавшего за ним разговора.

– Я защищал вашу честь, повелитель, – заключил он. – Как ваш слуга...

– Слушай меня внимательно, наставник. Я не нуждаюсь в том, чтобы ты защищал мою честь. Более того, парень был прав. Скорее уж его стоило бы похвалить за проницательность. Наконец-то Аратан показал себя достойным уважения.

Сагандер устался на господина, отрывисто дыша.

– Парень неплохо соображает, – безжалостно продолжал Драконус. – Более того, он понял порочность твоих утверждений. Бедняки поддались слабости? Из-за каких-то сомнительных искушений или желаний? Старик, да ты глупец, и мне давно следовало это сообразить. Аратан прав. Он действительно моя слабость – иначе почему, по-твоему, я забираю его как можно дальше от Куральда Галейна?

– Господин... Я не понял...

– Слушай внимательно. Я благодарен тебе, поскольку теперь мне есть за что уважать своего сына. И именно этой моей благодарности ты обязан жизнью, наставник. За то, что ты ударил Аратана, тебя не выпотрошат и не обдерут и твою шкуру не повесят на стене моего замка. Вместо этого тебя отвезут в Абару-Делак залечивать раны, и, прежде чем мы расстанемся, я сделаю еще кое-какие распоряжения на сей счет. Ты останешься на территории монастыря Йедан до моего возвращения, после чего отправишься вместе со мной в замок. Там ты соберешь все свои драгоценные пожитки, а затем уйдешь навсегда. Ты хорошо меня понял, наставник?

Сагандер молча кивнул.

– Сержант приготовил кровавую похлебку, – выпрямившись, уже громче сказал Драконус. – Ты потерял слишком много крови, и нужно ее восполнить. Раз уж ты пришел в себя, распоряжусь, чтобы Раскан тебя покормил.

Сагандер посмотрел вслед уходящему Драконусу. В голове у него бушевала черная буря. Тот, чью честь он защищал, теперь собирался его уничтожить. Уж лучше бы казнил на месте. Вместо этого повелитель погубил его репутацию и доброе имя – и все из-за какого-то древнего запрета бить высокородных.

«Но Аратан не высокородный, – подумал Сагандер. – Он ублюдок. Я бил его несчетное количество раз, как и подобает поступать со своенравным, никуда не годным учеником. Он не высокородный! Я обжалую это в Харканасе. Заявлю протест перед представителями закона!»

Но старик знал, что никогда ничего такого не сделает. Вместо этого он пробудет несколько месяцев, а может и дольше, в одинокой келье монастыря в Абаре-Делак. Весь его гневный запал пройдет, а даже если он попытается распалить в себе злость, пробуя пошевелить несуществующей ногой, к тому времени, когда он наконец доберется до Харканаса, о его позоре давно уже будет всем известно. Сагандера ждут издевательства, его праведное возмущение поднимут на смех, и со всех сторон несчастного будут преследовать злорадные взгляды соперников.

Драконус и в самом деле его уничтожил.

«Но у меня есть и другие пути, – подумал наставник. – Тысяча шагов к отмщению или десять тысяч – не важно. В конце концов я своего добьюсь. Аратан, ты первым заплатишься за то, что сделал со мной. А потом, когда ты будешь холоден как камень, я займусь твоим папашей. Я еще увижу его униженным и сломленным. И узрею воочию его шкуру над воротами самого Харканаса!»

У него забрали ногу. Ничего, он в ответ заберет их жизни.

«Лед подо мной треснул. Я провалился, и мне невероятно холодно. Но это холод ненависти, и я теперь больше не боюсь».

Появился сонный Раскан, поставив перед стариком закопченный котелок:

– Ваш завтрак, наставник.

– Благодарю, сержант. Скажи, мальчик сильно пострадал?

– Не особо, наставник. Ринт, который все видел, сразу отметил, что, если бы не тяжелый шлем, могло бы обойтись без последствий.

– Ах вот как. Об этом я не подумал.

– Вам не стоит много говорить, наставник. Поешьте этой похлебки – слишком уж вы бледны, как я погляжу. Вам надо подкрепиться.

– Конечно, сержант. Спасибо.

«Мне следовало врезать этому ублюдку покрепче».

Когда Аратан снова проснулся, Ферен рядом с ним уже не было. Голова болела, а когда он попытался моргнуть, заболели и глаза. Юноша слышал шаги ходивших по лагерю и громкое фыркание Калараса, от которого, казалось, содрогались земля и камни. До него доносились запахи дыма и еды. Несмотря на теплые лучи утреннего солнца, он все равно дрожал под одеялом.

События прошлого дня и ночи путались у него в голове. Аратан помнил кровь и столпившихся вокруг солдат. Смотревшие на него лица напоминали маски, жестокие и лишенные какого-либо выражения. Вспомнив кровь на своем лице, он вновь ощутил стыд, преследовавший его с тех пор, как он покинул Обитель Драконс.

Но на фоне всех этих чувств в памяти всплывало и другое, подобное сладостному экстазу. Ферен вызвала воспоминания не о бесчувственной маске, но о заполненной теплом – а затем

и жаром – темноте, пряном мире учащенного дыхания и мягкой плоти. Прежде Аратан не знал ничего подобного. Да, юноша уже несколько лет проливал семя в постель, и это доставляло ему удовольствие, но казалось лишь некоей слабостью, потворством собственным желаниям, пока он не повзрослеет в достаточной степени, чтобы стать отцом ребенка, хотя представление о том, как это вообще делается, у него имелось весьма смутное.

Теперь оно уже не было смутным. Аратан подумал, раздуется ли теперь у Ферен живот, отчего ее движения станут медлительными, а настроение изменчивым, – по крайней мере, так он заключил по обрывкам разговоров, которые слышал от солдат во время тренировок.

«Они становятся просто несносными. У бабы, которая носит ребенка, броня во взгляде и торжество в душе. Да поможет нам всем Бездна».

Услышав приближающийся топот сапог, юноша повернул голову и увидел сержанта Раскана.

– Аратан, ты как, оклемался?

Он кивнул.

– Тебе решили дать поспать – сегодня нам предстоит ехать верхом, хотя и не столь быстро, как, возможно, хотелось бы твоему отцу. В любом случае, если тебе хватит сил, мы намерены нынче добраться до реки. А теперь иди-ка поешь.

Сев, Аратан взглянул туда, где пограничники готовили на костре еду. Он видел только Ринта и Ферен. Вилл и Галак куда-то пропали. Быстро окинув взглядом лагерь, юноша понял, что Сагандера тоже нигде нет. Его охватил внезапный страх.

– Сержант... а наставник... он умер?

«Не ушли ли остальные строить надгробие из камней?»

– Нет, – ответил Раскан. – Его увезли в Абару-Делак, где старик останется до нашего возвращения. Они уехали рано утром.

На юношу вновь нахлынула волна невыносимого стыда. Не в силах смотреть в глаза Раскану, он встал, закутавшись в одеяло. Мир вокруг закружился, а от яростной боли в черепе с губ сорвался судорожный вздох.

Шагнув к нему, Раскан протянул руку, но Аратан отстранился:

– Все в порядке, спасибо, сержант. Где тут отхожее место?

– Вон там. Осторожнее на краю ямы: ее копали в спешке.

– Хорошо, – кивнул Аратан.

Отец, ухаживавший за Каларасом, пока что даже не обернулся; впрочем, Аратан этого и не ожидал. Еще бы, ведь сын Драконуса разрушил жизнь преданного наставника, давно ему служившего. Аратан с горечью вспомнил, как радовался Сагандер, узнав, что отправляется в это путешествие. Неудивительно, что отец был в ярости.

Отхожее место располагалось за зарослями папоротника. Обойдя кругом колючие кусты, Аратан остановился как вкопанный. Яма была мелкая и в самом деле с неровными краями.

В ней, будто принесенная в жертву, лежала нога Сагандера, замотанная в окровавленные тряпки. Здесь уже успели побывать другие, и их испражнения пятнали бледную безжизненную плоть.

Аратан уставился на изуродованную конечность, на белую как снег обнаженную ступню, по которой ползали первые мухи, на желтые, словно лепестки лесных цветов, заскорузлые ногти, на серые следы вен и артерий под тонкой кожей. С другого конца торчала сломанная кость, окруженная порубленной плотью. Ссадины тянулись до самого колена.

Отведя взгляд, юноша обошел край ямы и сделал еще несколько шагов через просветы в папоротнике.

Естественно, ногу должны были закопать, когда свернут лагерь. Но ее все равно найдут падальщики – лисы, вороны, дикие собаки. Как только после ухода Аратана и его спутников

поднимется ветер и разнесет запахи крови и смерти, эти твари подберутся ближе и начнут копать.

Слушая, как журчит струя среди колючих веток и острых листьев, сын Драконуса снова вспомнил ладонь, касавшуюся его между ног. Струя быстро иссякла. Выругавшись про себя, Аратан закрыл глаза и сосредоточился на пульсирующей под черепом боли. Несколько мгновений спустя он был уже в состоянии продолжать.

Возвращаясь в лагерь, юноша увидел Ринта, который стоял неподалеку, держа на плече лопату с короткой ручкой. Кивнув, пограничник прищурился и, задержав взгляд на Аратане, отправился засыпать яму.

У костра Ферен выскребала из котелка на оловянную тарелку еду. Раскан ушел помогать повелителю Драконусу с лошадьми. Плотнее запахнувшись в одеяло, Аратан направился к женщине.

На мгновение подняв взгляд, она протянула ему тарелку.

Ему хотелось что-нибудь сказать, чтобы Ферен взглянула на него, посмотрела ему в глаза, но мгновение спустя стало ясно, что она не желает с ним разговаривать.

«Я не справился. Сделал все не так. Она во мне разочаровалась. И теперь ей стыдно за меня».

Он отошел с тарелкой в сторону, собираясь позавтракать.

Подошел Раскан, ведя в поводу Бесру:

– Сегодня поедешь на нем, Аратан.

– Понимаю.

Сержант, нахмурившись, покачал головой:

– Не думаю. Хеллар возвращается под твоё попечение. Ты нашел свою боевую лошадь. Но ей нужно немного пройтись самой, чтобы твоё прикосновение снова ее не разозлило. Из-за отсутствия внимания с твоей стороны кобыле будет казаться, что она в чем-то подвела хозяина. Но ближе к вечеру ты подойдешь, сядешь в седло, и она успокоится. Поговори с ней, Аратан, найди слова, которые утешат ее и порадуют. Хеллар поймет их смысл благодаря твоим интонациям. Общайся с лошадью, воспринимай истину как реку: никогда не борись с течением. Доноси ее до самого сердца животного.

Аратан кивнул, хотя не вполне понял, что имел в виду сержант.

Раскан подал ему поводья.

– А теперь отдай мне пустую тарелку – вижу, к тебе вернулся аппетит – и иди к отцу. Он желает с тобой поговорить.

Аратан знал, что этот момент рано или поздно наступит. Когда он направился прочь, ведя за собой Бесру, Раскан сказал:

– Погоди, Аратан. – Он снял с плеч юноши одеяло. – Я его заберу. – И едва заметно улыбнулся. – А то у тебя вид как у крестьянина.

«Именно. Как у крестьянина, готового пристыженно предстать перед своим господином».

– Садись в седло, – велел Драконус, когда сын подошел к нему. – Поначалу поедешь рядом со мной, Аратан.

– Да, отец.

Юноша с трудом забрался в седло, а когда вставил ноги в стремяна, его прошиб липкий пот, и он сообразил, что на нем нет ни доспехов, ни шлема.

– Отец, но я без доспехов...

– Пока что да. Твое снаряжение у Ринта. Мы поедем первыми. Вперед.

Скачка рядом с отцом вызвала странное чувство, и Аратан ощущал себя безнадежно неуклюжим, лишенным всяческой легкости, которая была настолько присуща самому Драконусу, что казалась его неотъемлемой частью.

– Сагандер обязан тебе жизнью, – сказал отец.

– Но...

– Собственно, даже дважды. Хотя тебя и оглушил его удар, ты все же сообразил оттащить Хеллар в сторону. Да лошади было вполне достаточно разок стукнуть Сагандера копытом: этого вполне хватило бы, чтобы расколоть старому дураку череп, словно яйцо уртен. Ты отлично справился. Но я хочу объяснить, как ты спас ему жизнь во второй раз.

– Отец, я сказал то, чего не следовало...

– Знаю. У тебя возник вопрос о том, что ты, возможно, моя слабость, Аратан. В нем нет ничего постыдного. Да и на что тут сердиться? В конце концов, это вопрос твоей жизни. Разве ты не вправе размышлять о своем месте в мире? Более того, ты проявил проницательность, и это меня радует.

Юноша молчал.

– До сих пор меня мало что в тебе впечатляло, – после долгой паузы продолжил Драконус. – Как думаешь, насколько подobaет грызть ногти мужчине, которым ты стал? Эта вредная привычка мешает правильному обращению с мечом, и, если так будет продолжаться, Аратан, она вполне может тебя погубить. Рука, держащая клинок, должна быть тверда, иначе, несмотря на всю твою силу воли, ничего не выйдет.

– Да, отец. Прошу прощения. Я исправлюсь.

– Вот и хорошо. А заодно, – проворчал Драконус, – и женщины смогут по достоинству оценить, когда ты станешь ласкать их в укромных местах.

У Аратана внутри будто что-то оборвалось, и он понял, что Ферен обо всем доложила отцу. Во всех подробностях. Она поступила так, как приказал ей господин. Она принадлежала Драконусу, так же как Ринт и сержант Раскан – все здесь присутствующие, кроме самого Аратана, который был лишь продолжением воли своего отца.

«Все равно как оружие, – подумал он. – И рука моего отца уж точно тверда. Воля порождает действие, и неудаче нет места».

– Мне жаль, что Сагандер пострадал, – глухо проговорил он.

– Ты его перерос, Аратан. Хеллар была права, бросившись на старика: она поняла твои мысли раньше тебя. Помни об этом, а в будущем доверяй ее мнению.

– Да, отец.

– У тебя сильно болит голова, Аратан? Кажется, у Ринта есть ивовая кора.

– Нет, отец. Вообще не болит.

– Похоже, ты быстро выздоравливаешь. Возможно, это еще один твой дар, до сих пор не проявлявшийся.

– Да, отец.

– Пойми, Аратан. Если бы ты оставался в моей крепости, то был бы слишком уязвим. У меня есть враги. Твои единокровные сестры там, однако, под защитой. Хотя их матери больше нет с нами, у нее могущественная семья, чего про твою мать сказать никак нельзя. Чтобы навредить мне, мои враги вполне могут покуситься на единственного сына. Особенно теперь, когда ты повзрослел.

– Отец, но не проще ли было убить меня, пока я был еще мал, неопытен и слишком доверял взрослым?

Драконус взглянул на него:

– Я не имею в виду покушение на твою жизнь, Аратан.

– Тогда что же? Похищение?

– Нет. Ты внебрачный сын. Как заложник ты ничего не значишь и не стоишь.

– В таком случае я не понимаю, отец. Зачем бы я мог кому-то понадобиться?

– Аратан, у тебя будет немало поводов для обид на отца, который отказывается признать тебя своим законным сыном. Ты молод и полон амбиций. Мои враги могут найти к тебе подход, подпитывая как твой гнев, так и твои желания. И в конце концов приведут тебя к измене.

«Ты отсылаешь меня прочь, чтобы защитить себя. Я действительно твоя слабость. Потому что ты мне не доверяешь».

– У меня нет никаких амбиций, – возразил юноша.

– Охотно верю: вряд ли ты мне лжешь. Но кто может знать, что будет у тебя на уме спустя годы? И будем говорить откровенно: у тебя нет никаких причин любить меня или питать ко мне преданность.

– Я этого не знал, отец.

– Чего ты не знал?

– Что для любви требуются причины.

Разговор на этом закончился и больше не возобновился. Аратан так и не понял почему.

К вечеру они добрались до реки, что текла примерно в двух лигах к югу от Абары-Делак. В том месте быструю стремнину пересекал старый торговый брод, отмеченный высокими камнями на обоих берегах и огромными пнями на случай, если потребуетя лебедка. Остатки заброшенных лагерей на берегах заросли высокой травой, а тропинки, что вели к реке, затопило, и из них торчали камни. В неподвижном воздухе стоял запах тухлой рыбы.

Ринт трудился вместе с сестрой, ставя шатры и расседывая лошадей, а затем они начали готовить ужин. Оба молчали. Пограничник видел, что Аратан снова остался один: отец отослал его назад, словно бы повелителю не нравилось, что они едут бок о бок. Драконус приказал Аратану сменить лошадь, и тот вернулся к Хеллар, не в силах скрыть охвативший его трепет. Эта подробность не ускользнула от Раскана, который накричал на парня, и потом тот уже ехал позади сержанта и Драконуса, а Ринт и Ферен были замыкающими. Теперь Аратан снял свои доспехи со спины Бесры и с потеряннм видом раскладывал их на земле.

Ферен с самого утра не произнесла почти ни слова, оставив Ринта наедине с мыслями о жестких словах, обвинениях и решениях, столь смертоносных и окончательных, что с них, казалось, стекала кровь. Чувство собственной правоты казалось ему непоколебимым, будто он стоял в центре бури, куда не проникали никакие сомнения.

Из-за этих мыслей он стал молчаливым и раздражительным. Ему доставало общества Вилла и Галака, и Ринт опасался, что любая попытка заговорить с сестрой может привести к взрыву.

Пока Раскан кормил лошадей, а Ферен возилась у костра, Ринт спустился к воде, держа в руке кожаное ведро. Драконус прошел дальше вдоль реки и сейчас поднимался по каменистому склону, как будто ему не терпелось увидеть Баретскую пустошь.

У их похода явно имелись некие скрытые цели, о чем красноречиво свидетельствовала окружавшая его плотная завеса тайны. Неведение порождало риск, и Ринту это не нравилось. Хуже того, он почти ничего не знал о Баретской пустоши, а уж тем паче – о землях и народах за ее пределами. Азатанаи были загадочными, как и все чужаки: они появлялись среди тисте в одиночку, держались поодаль и, похоже, нисколько не нуждались в друзьях. Честно говоря, Ринт не видел от них особой пользы. Он скорее предпочел бы яггутов: те, по крайней мере, не позволяли джелекам вторгнуться на южные земли. Азатанаи же никак не реагировали, даже когда совершались набеги на их селения.

Но джелеки никогда не нападали ни на кого из азатанаев. Они не похищали детей, не насиловали женщин. Они лишь сжигали дома и убегали с добычей, а азатанаи попросту смеялись им вслед, словно бы собственность не имела для них никакого значения.

«Богатство, – говорили они, – ложное мерило. Честь невозможно накопить. Ею не украсишь комнату. В золоте нет отваги. Лишь глупцы строят крепость из богатства. Лишь глупцы могут жить в ней, считая, что находятся в безопасности».

Эти слова повторялись не раз, хотя Ринт не знал, кто из азатанаев впервые их произнес; они часто звучали в солдатских лагерях во время войны, подобно рассказам о героических подвигах, но при этом были полны удивления, непонимания и недоверия. Но Ринта и прочих ставила в тупик вовсе не их замысловатость, – собственно, здесь не было ничего особо сложного. Не по себе становилось оттого, что азатанаи делом доказывали свое безразличие.

«Тот, кто сокрушается о голодающих крестьянах, сам каждый вечер ест досыта. И на поверку все его осуждение богачей оказывается лицемерием, пустыми словами».

Но азатанаи говорили правду, невозмутимо наблюдая, как джеларканские разбойники похищают или уничтожают все, что у них имелось.

Подобная невозмутимость пугала Ринта. Способны ли азатанаи вообще на гнев? Испытывают ли они негодование? Можно ли их оскорбить?

Он бросил в реку привязанное к веревке ведро, глядя, как оно наполняется водой. Тяжесть ведра оттягивала руки.

Драконус поднялся на возвышенность и смотрел на запад, где в красном сиянии опускалось за горизонт солнце. Мгновение спустя он поднял руку в перчатке.

Вытащив ведро, Ринт поставил его на берег, расплескивая воду. Сердце его внезапно загрохотало, будто барабан. Драконус повернулся и направился обратно к реке, где его встретил Раскан. Они обменялись несколькими словами, а затем повелитель двинулся дальше. Сержант продолжал смотреть ему вслед.

«Кто-то приближается сюда. С запада. Кто-то... кого они ждут».

К брату подошла Ферен, хрустя подошвами мокасин по прибрежной гальке:

– Видел? – (Он кивнул.) – Кто бы это мог быть?

– Вряд ли кто-то из яггутов, – ответил Ринт. – Но кто же тогда? Азатанай? – Он заметил, как Ферен бросила взгляд на лагерь. – Боишься за парнишку? Какова его роль во всем этом?

– Не знаю.

– Ты сделала то, о чем тебя попросили, Ферен. И теперь он будет ждать большего.

Она недовольно взглянула на брата:

– Разве Аратан не всего лишь клятый щенок, которого нужно обучить послушанию?

– На этот вопрос ответить можешь только ты, – хмыкнул он.

– Ты мужчина. И ничего в этом не понимаешь.

– Это я-то не понимаю? Сколько лет было бы сейчас мальчишке? Столько же, сколько и Аратану, или около того. – Ринт увидел, что его слова обрушились на Ферен, подобно удару меча по лицу. – Прости, сестра.

Взгляд ее стал бесстрастным.

– Дети умирают. И матери приходится это пережить.

– Ферен...

– Это вина его отца, а не моя.

– Знаю. Я не хотел...

– Горе вложило в его руку нож, а эгоизм заставил вонзить этот нож в сердце.

– Ферен...

– Он покинул меня, когда я больше всего в нем нуждалась. Это стало для меня уроком, брат. Хорошим уроком.

– Аратан не...

– Знаю! Разве не я сегодня весь день жевала мертвое мясо? Разве не я трудилась до потери сознания? У меня был сын. Он умер. У меня был муж. Он тоже умер. И у меня есть брат,

который думает, будто хорошо знает меня, но знает он лишь образ сестры, который сам же и придумал. Иди снова к ней, Ринт. Ее легко найти. Она закована в цепи внутри твоей головы.

Ферен подняла руку, будто собираясь его ударить, и Ринт напрягся, но ничего не произошло, и мгновение спустя она уже шла обратно к костру.

Ему хотелось расплакаться. Но он лишь обругал себя за глупость.

На возвышенности по другую сторону реки появилась массивная рослая фигура, облаченная в толстые кожаные доспехи. На плече незнакомца лежала связка копий, а в руке он держал тяжелый мешок. Голова его была непокрыта, свободно падающие волосы отбрасывали кровавый отблеск в лучах заходящего солнца. Помедлив, пришелец направился в сторону брода.

Ринт понял, что это азатанай, хотя никогда прежде их не видел.

«Единственный воин среди азатанаев. Тот, кого знают как Защитника. Хотя на вопрос, с кем он сражался, я ответить не смогу. Полукровка-телакай, близкий друг Кильмандарос. Это Гриззин Фарл».

Вода едва доходила до края тяжелых сапог великана.

– Драконус! – взревел он. – Так ты и впрямь прячешься от всего мира? Ха, а я-то не верил – и каким же дураком оказался! Смотри, у меня есть эль!

Он явился среди них как тот, кому нечего было опасаться и нечего терять, и лишь намного позже, спустя годы, Аратан понял, каким образом оба этих качества подпитывали друг друга, вызывая по очереди чувства восхищения и крайней жалости. Но при появлении этого незаурядного мужчины в лагере создалось впечатление, будто некий великан спустился с высоких горных утесов, из продуваемой всеми ветрами крепости, где в залах гуляет эхо, подножия деревянных дверей покрыты инеем, а хозяин ее устал от одиночества и ищет общества.

Есть те, кто пьет пьянящей, как испарения эля, радостью, манящей, словно тепло костра в холодную ночь. Они способны развеселить одним лишь взглядом, будто весь мир полон шуток и все вокруг готовы упасть в их радостные объятия.

Азатанай сообщил, что его зовут Гриззин Фарл, и, не дожидаясь, когда Драконус представит ему присутствующих, сам подошел к каждому по очереди: к Раскану, Ринту, а затем Аратану. Когда пальцы великана сжались на запястье юноши, морщинки в уголках его глаз стали резче и он сказал:

– Это рука умеющего держать меч. Твой отец постарался подготовить тебя к предстоящей жизни. Ты – Аратан, неудобный сын Драконуса, потерянное дитя охваченной горем матери. Не эта ли рука, которую я сейчас держу, вонзит нож в спину своего отца? Именно этого Драконус боится – да и какой бы отец на его месте не боялся?

Аратан уставился в серые глаза азатаная.

– У меня нет никаких амбиций, – ответил он.

– У тебя, может, и нет, зато у других есть.

– Им никогда меня не найти.

Кустистые брови поднялись.

– Ты собираешься всю жизнь скрываться?

Аратан кивнул. Остальные стояли рядом, слушая их беседу, однако юноша не мог отвести взгляда от глаз Гриззина Фарла.

– Но это недостойная жизнь, – заявил тот.

– Я сам недостойн жизни, господин. Так что это меня вполне устраивает.

Гриззин Фарл наконец отпустил руку Аратана и повернулся к Драконусу:

– Говорят, Тьма стала оружием. Против кого? Вот в чем вопрос, и я намерен услышать ответ. Скажи мне, Драконус, потрясет ли Харканас мое судьбоносное появление?

– Башни рухнут, – ответил Драконус. – Женщины упадут в обморок.

– Ха! Это уж точно! – Но гость тут же нахмурился. – Как-то одно с другим не слишком-то вяжется, старина. – Он повернулся к Ферен и опустился перед ней на одно колено. – Кто бы мог ожидать увидеть такую красоту здесь, на самом краю Баретской пустоши? В моем обычае всегда приберегать лучшее напоследок. Я Гриззин Фарл, известный среди азатанаев как Защитник, а среди джелеков – как воин, который пропускает любое сражение, просыпает любую битву и лишь улыбается в ответ на любой брошенный ему вызов. Я также известен оставшимся яггutam как Спящий Камень – так поэтично они описывают мою печально знаменитую склонность дрыхнуть. А теперь я хотел бы услышать твое имя, чтобы насладиться им и навеки сохранить в своем сердце память о твоем голосе.

На Ферен, казалось, его слова не произвели никакого впечатления, хотя щеки женщины и покрылись румянцем.

– Я Ферен, – ответила она. – Пограничница и сестра Ринта.

– Ты слишком молода, – помедлив, произнес Гриззин Фарл, – чтобы терять надежду. Твой голос поведал мне трагическую историю, и хотя подробности ее остаются в тайне, потеря несет страдания, а страдания превращаются в жгучую боль, постоянно об этой потере напоминающую.

Ферен отшатнулась.

– Я ничего такого не говорила! – хрипло выдохнула она.

Гриззин Фарл медленно выпрямился и развел руки в стороны, будто желая охватить всех сразу.

– Сегодня мы будем пить и веселиться, пока не погаснет костер и не сбегут от рассветных лучей звезды. Все мы расчувствуемся до слез и поклянемся друг другу в вечной преданности, прежде чем свалиться замертво. – Он поднял свой мешок. – Эль от телакаев, а уж они настоящие мастера – если не в пивоварении, то в питье точно. – Помедлив, азатанай добавил: – Надеюсь, у вас есть еда? Я так спешил с вами встретиться, что, боюсь, ничего с собой не взял.

Аратан с удивлением услышал, как вздохнул его отец.

А потом Гриззин Фарл улыбнулся, и все снова стало хорошо.

Эль был крепкий и сразу же ударил Аратану в голову. Вскоре после ужина, аккуратно посреди непристойной песни про телакайскую девушку и страдавшего из-за большого клыка старого яггута, которую весьма художественно исполнял великан, Аратан заснул. На следующее утро его разбудил Раскан с кружкой отвара из трав и ивовой коры, и пока юноша сидел, прихлебывая горячее питье, ему стало ясно, что Гриззина Фарла с ними больше нет.

Даже сейчас все это казалось ему сном, смутным и беспорядочным, почти бредовым. Превозмогая головную боль и уставившись в землю, пока остальные сворачивали лагерь, Аратан думал о том, что еще могли обсуждать прошлой ночью у костра, и собственное отсутствие там показалось юноше насмешкой над любыми его претензиями на мужественность. Он свалился без чувств, будто мальчишка, после первой же кружки спиртного, которую тайком стащил со стола и поспешно опустошил под стулом.

Аратану хотелось услышать больше о Тьме, ставшей мечом и оружием. Ясно было, что Гриззин Фарл знал его отца, как никто другой, возможно, даже сама Мать-Тьма. Что за странная история их объединяла? Какие тайны связывали обоих в прошлом? Украдкой взглянув на Раскана, Ринта и Ферен, Аратан решил, что, пожалуй, обошлось без особых откровений; во всяком случае, все выглядели еще более спокойными, чем до появления Гриззина Фарла, будто полная эля и смеха ночь разрушила между ними все барьеры.

Немного подумав, Аратан снова взглянул на Ферен и увидел, что кое-что изменилось. Ферен держалась намного свободнее, а уж когда юноша увидел, как она улыбнулась брату в ответ на какое-то негромкое замечание, у него внезапно возникло ощущение, будто измени-

лось вообще все. Напряженность исчезла, как и тягостное чувство после случившегося с Сагандером.

«К нам пришел Гриззин Фарл, – подумал Аратан, – а потом ушел восвояси, но при этом кое-что забрал с собой».

Он увидел, что отец пристально смотрит на него. Затем Драконус подошел к сыну:

– Мне следовало предупредить тебя насчет коварства телакайского эля.

Аратан пожал плечами.

– Ты едва пришел в себя после сотрясения, – продолжал отец. – Так что эль подействовал на тебя как сонное зелье. Прости, Аратан: так вышло, что ты пропустил большую часть столь приятного вечера. – Он поколебался и добавил: – Не так уж много их у тебя и бывало.

– Гриззин Фарл называл вас своим другом, отец, – с упреком в голосе проговорил юноша. Взгляд Драконуса стал бесстрастным.

– Он всех так называет, Аратан. Не обращай внимания.

И с этими словами отец ушел. Юноша яростно посмотрел ему вслед.

С одинокого чахлого дерева выше по течению донесся утренний крик какой-то птицы, но Аратану не удалось разглядеть ее среди кривых ветвей и поникших листьев.

«Она прячется. И она свободна. Свободна лететь, куда ей захочется. Подальше от всего этого».

Вскоре они спустились по склону, и теперь под ясным небом впереди простиралась Баретская пустошь. Аратан вспомнил уроки Сагандера, в которых говорилось о смерти большого внутреннего моря.

Сидя в седле, он думал о воде и свободе.

И о тюрьмах.

На западе лежали земли азатанаев, где жили защитники, которые ничего не защищали, и мудрецы, которые все время молчали, а с гор спускались телакаи, чтобы разделить с ними пьяные ночи, о которых наутро никто ничего не помнил. И этот загадочный, полный тайн мир ему вскоре предстояло увидеть самому. При мысли об этом Аратан вдруг ощутил странную легкость, как будто еще немного и он превратится в птицу, улетев на поиски очередного чахлого деревца.

Но в высохшем море перед ним не росли деревья, лишь небольшие островки травы виднелись среди выбеленных солнцем камней.

У Аратана не возникало даже мысли о том, чтобы вонзить нож в покрытую поношенным плащом широкую спину ехавшего впереди отца. Он знал, что никто и никогда не воспользуется им как оружием.

Из слов Гриззина Фарла следовало, что его мать жива. Она жила, измученная горем, и это означало, что она до сих пор любит сына. Он должен был найти ее и похитить.

В мире тайн хватает мест, где можно спрятаться.

«Я найду такое место для нас обоих, – подумал Аратан. – Мы будем любить друг друга, и благодаря нашей любви наступит мир».

Часть вторая. Как одинок этот огонь

Глава шестая

Взгляд Хуста Хенаральда был бесстрастен и мрачен, будто он взвешивал каждое слово, которое собирался произнести, пытаясь понять, вонзят ли его когти в сидящего напротив или же скользнет мимо, не задев его. Тусклое освещение подчеркивало впалые щеки Хуста, выступающие скулы и узкий крючковатый нос, тогда как глаза его словно бы скрывались глубоко в тени, но при этом пронзали собеседника насквозь.

– Когда-нибудь, – проговорил он голосом, хриплым от многих лет пребывания в кузнице, среди едкого дыма и испарений, – я снова стану ребенком.

Хенаральд медленно откинулся назад, за пределы круга света, падающего от масляной лампы на столе, и Келларасу вдруг почудилось, что перед ним скорее призрак, чем смертный.

За стенами жаркого помещения работали, подобно неумолимому сердцу, огромные кузнечные мехи, и эхо от их стука отдавалось в каждом камне Большого дома. Звук не прекращался никогда: все те дни и ночи, что Келларас провел в гостях у повелителя кузницы Хуста, он слышал, как бьется пульс земли и камня, огня и дыма.

Ему уже начало казаться, что именно здесь, в клубящейся жаре, в миазмах создания и разрушения, в нескончаемом грохоте со всех сторон, рождаются тайны мироздания. А сейчас в кресле с высокой спинкой перед ним сидел наконец-то удостоивший его аудиенции повелитель и арбитр, правитель и мудрец; и тем не менее первые произнесенные Хустом слова выглядели... полной чушью.

Вполне возможно, что Хенаральд улыбнулся, хотя во мраке разглядеть это было сложно.

– Когда-нибудь я снова стану ребенком, окружив себя деревянными игрушками. Из камней я возведу горы, а траву объявлю лесами. Слишком долго я пребывал в плену этого мира мер, пропорций и весов. Слишком долго я знал и понимал пределы возможного, столь жестоко отвергая все доступное воображению. В этом смысле, друг мой, каждый из нас проживает не одну, но две жизни, сцепившиеся в смертельной схватке, и из всего, что оказывается под рукой, мы создаем оружие.

Келларас медленно потянулся к стоявшему перед ним кубку с рикталем. Обжигающий горло напиток был единственным видом спиртного, которое употреблял повелитель, и первый выпитый глоток все еще громом отдавался в голове гостя.

– Вам хорошо удастся скрывать свою проницательность, капитан, но я без труда заметил, как выотреагировали, когда я произнес слово «оружие». Вы моментально напряглись, поскольку из всего, что я говорил, вам хорошо понятно лишь оно одно. Но в данном случае под «оружием» я имел в виду все то, что мы теряем с годами по мере того, как прошлое – наша юность – уходит в небытие. – Хунн взял свой кубок в массивные, покрытые шрамами ладони со следами глубоких ожогов, которые он приобрел за долгие годы работы в кузнице. – Ваш господин желает, чтобы я изготовил ему меч. В качестве подарка? Или, возможно, он хочет вступить в легион Хуста? Вряд ли сторонникам Урусандера понравится столь демонстративное его поведение.

Келларас не знал, что и ответить. Столь легко перейдя от поэзии к прагматике, Хенаральд сбил его с толку. Мысли капитана путались, будто у озадаченного головоломкой мальчишки.

Но повелитель Хуст не собирался ждать ответа.

– Когда я снова стану ребенком, – вновь заговорил он, – взрослые уйдут с глаз моих долой, в свой собственный мир, а меня оставят в моем собственном. В их отсутствие я смогу изменить порядок вещей так, чтобы он отвечал моим скромным потребностям. Время ослабит

свою безжалостную хватку, и я смогу играть, пока не придет пора отойти ко сну. – Хенаральд пригубил из кубка рикталя и заключил: – И сновидения мои будут полны мира и покоя.

После долгой паузы Келларас откашлялся.

– Повелитель, мой господин прекрасно понимает, что заказ, о котором идет речь, несколько... необычен.

– В старые времена это было бы в порядке вещей. Но сейчас, на мой взгляд, «необычный» – это еще слишком мягко сказано. Заказ на меч от Первого Сына Тьмы нельзя рассматривать иначе как политический. Не повлечет ли за собой мое согласие слухи о тайном союзе и заговоре? Какую ловушку хочет поставить Аномандер на моем пути?

– Ну что вы, повелитель, никаких ловушек нет и в помине. Им движет лишь желание почтить традиции.

Хуст медленно поднял брови:

– Это его слова или ваши собственные?

– Ну, именно так я понял мотивы Первого Сына Тьмы, повелитель.

– Аномандер правильно поступил, выбрав вас. Когда-нибудь я снова стану ребенком... – Хенаральд наклонился вперед. – Но не сейчас. – Глаза его блеснули, словно осколки бриллиантов. – Капитан Келларас, ваш господин дал какие-либо особые распоряжения по поводу клинка, который он хочет получить?

– Он желает, чтобы это было молчаливое оружие, повелитель.

– Ха! Его лишает смелости голос, издаваемый гибким хребтом меча?

– Нет, повелитель.

– И тем не менее Аномандер предпочитает немое оружие, воя и стоны которого никто никогда не услышит?

– Повелитель, – произнес Келларас, – слушая вас, я невольно думаю о том, что мучительнее: молчание или крик боли?

– Капитан, такого оружия просто-напросто не существует. Однако глупцы из легиона Урусандера утверждают иначе. Скажите, ваш господин намерен скрывать происхождение своего меча?

– Конечно же нет, повелитель.

– Но при этом он хочет, чтобы меч был немым.

– Разве непременно следует произносить истину вслух, повелитель?

– Никак рикталь лишает вас мужества, капитан? Могу приказать принести вина, если хотите.

– По правде говоря, повелитель, я забыл, что держу в руке кубок. Прошу прощения.

Келларас сделал еще глоток.

– Значит, Аномандер желает получить меч истины?

– Да, такой, который требует искренности также и от своего владельца. Пребывая с ним в согласии, но молчаливом.

Хозяин дома внезапно поднялся на ноги. Он был высок и худ, но держался прямо, как будто железо, с которым Хенаральд всю жизнь работал, стало частью его костей и плоти. С того места, где сидел Келларас, понять выражение глаз Хуста было невозможно.

– Капитан, любое оружие содержит в себе хаос. И мы – те, кто кует железо и вообще любой металл, – укрощаем этот хаос. Мы сражаемся с ним, подчиняя его себе, а он пытается нам противостоять, сперва открыто, а потом предательски, исподтишка. Вашему хозяину нужен меч, лишенный хаоса. Подобного достичь невозможно, и доказательством тому служит вся прожитая мною жизнь.

– Повелитель, – колебавшись, сказал Келларас, – Первому Сыну Тьмы Аномандеру известно о секрете мечей Хуста. Он знает, что составляет суть любого создаваемого вами ору-

жия. Это не тот путь, которого мой господин желает для избранного им клинка. Он хочет, чтобы хребет меча был насыщен магией, чистотой самой Тьмы.

Хуст, не шевелясь, смотрел на собеседника, и казалось, будто морщины на его лице становятся все глубже.

– Говорят, якобы скипетр, который я сделал для Матери-Тьмы, теперь обладает чем-то вроде души Куральда Галейна, – бесстрастно произнес он. – Она напитала его магией. Из чистого простого железа создала нечто... неестественное.

– Мне мало что об этом известно, повелитель.

– Теперь ее скипетр воплощает Тьму, неким мало кому понятным образом. Собственно, я сомневаюсь, что даже сама Матерь-Тьма в полной мере осознает, что именно она сделала.

Разговор принял опасное направление, и Келларасу стало не по себе.

– То, что я говорю, сродни богохульству, да? – проворчал Хенаральд.

– Надеюсь, что нет, повелитель.

– Но нам стоит следить за своими словами. Похоже, капитан, что власть Матери-Тьмы растет, а терпение ее на исходе. Они подобны двум магнитным полюсам, отталкивающимся друг от друга. Разве власть не укрепляет защиту, не придает уверенности в себе? Может ли быть так, что тот, у кого больше всего власти, при этом испытывает величайший страх?

– Не могу знать, повелитель.

– И тем не менее – разве те, кто лишен власти, точно так же не страдают от страха? Но что в таком случае дает власть ее обладателю? Вероятно, средство бросить вызов этому самому страху. Но похоже, это не работает – во всяком случае, долго. Остается сделать вывод, что власть бессмысленна и иллюзорна.

– Повелитель, форулканы стремились распространить свою власть на тисте. Если бы это им удалось, мы бы теперь были порабощены или мертвы. Во власти нет ничего иллюзорного, и благодаря силе наших легионов, включая легион Хуста, мы одержали верх.

– Если бы форулканы победили, то чего бы они добились? Господства над рабами? Будем честны, капитан: никто из тисте не преклонил бы колени в рабстве. У форулканов не осталось бы иного выбора, кроме как убить нас всех. Еще раз спрашиваю: чего бы они добились? Триумф в одиночестве – пустой звук, и небеса глухи к любой славе.

– Моему господину нужен меч.

– Из простого чистого железа?

– Именно так.

– Чтобы оно приняло кровь Тьмы?

Капитан удивленно поднял брови:

– Повелитель, ее могущество – не азатанайская магия.

– Разве? Чем же она его питает?

– Уж точно не кровью!

Пристально посмотрев на Келлараса, Хенаральд снова сел в свое тяжелое кресло с высокой спинкой. Осушив кубок, он поставил его на стол.

– Я столь долго дышал отравой, что лишь рикталь способен пробиться сквозь шрамы в моем горле. Возраст притупляет наши чувства. Мы тускнеем, будто черные камни на утесе в ожидании очередного морозного сезона. Теперь, когда Первому Сыну Тьмы стал известен секрет Хустов, обменяет ли он его на свои политические амбиции?

– Мой господин утверждает, что единственная его амбиция – желание никогда не поддаваться невежеству, повелитель. Знания – единственная награда, к которой он стремится, полагая, что обладание ими есть мера его богатства.

– Аномандер накапливает их только для себя?

– Он понимает, что другие могут воспользоваться знаниями неподобающим образом. Я знаю своего господина с тех пор, когда мы оба были детьми, повелитель, и могу вам сказать, что любые тайны всегда оставались между нами.

Хенаральд небрежно пожал плечами, уставившись в пол справа от себя:

– Секрет мечей Хуста сам по себе ничего не значит. Я хранил его... по другим причинам.

– Да, повелитель, – чтобы защитить владельцев подобного оружия. Мой господин прекрасно это понимает.

Хенаральд на мгновение задержал взгляд на Келларасе, а затем снова отвел глаза.

– Я сделаю для Аномандера меч, – сказал он. – Но непременно буду присутствовать в момент его окончательной закалки, дабы своими глазами увидеть, в чем состоит магия. И если это окажется кровь... – он вздохнул, – я об этом узнаю.

– Магия сия обитает во Тьме, – промолвил Келларас.

– То есть я ничего не увижу?

– Полагаю, повелитель, что так оно и будет.

– Похоже, – проговорил Хенаральд, – я начинаю понимать природу ее могущества.

Выйдя за дверь, Келларас обнаружил, что его бьет дрожь. Из всего их весьма напряженного и насыщенного разговора капитана особенно встревожило обещание Хенаральда вернуться в детство. Смысл этих слов был ему непонятен, но он подозревал, что за ними кроется некая внушающая страх тайна.

Что-то пробормотав себе под нос, он отбросил прочь беспокойство и направился в сторону в дальний конец коридора, где в главном зале ужинали сто с лишним постоянных обитателей и гостей дома. Слышались шум голосов и смех, от большого очага поднимался дым, наполняя воздух аппетитным запахом жареной свинины. В праздничной атмосфере вполне можно обо всем забыть, а в случае каких-либо сомнений достаточно лишь напомнить себе, что он заручился обещанием Хенаральда выковать меч для Аномандера, а затем потянуться к очередной кружке эля.

Шагнув в главный зал, Келларас остановился. Со всех сторон его окружали новые незнакомые лица, запыленные и усталые. Прибыло подразделение солдат Хуста, вернувшееся после патрулирования, и с другой стороны помещения слышались громкие приветственные голоса их товарищей. Капитан окинул взором толпу, ища Галара Бараса, и мгновение спустя нашел его возле бокового коридора, где тот стоял, прислонившись к закопченной каменной стене. Келларас начал пробираться к нему и вдруг заметил, что его товарищ не сводит напряженного взгляда с какой-то женщины-офицера, которая, похоже, являлась центром всеобщего внимания. Она улыбалась, слушая сторбленного старика, который был слишком пьян, чтобы держаться на ногах самостоятельно, а потому вцепился в кресло с высокой спинкой. Когда незнакомка наконец отвлеклась, Келларас обратил внимание, что она на миг напряглась, встретившись с ним глазами.

Однако мгновение спустя женщина уже снова смотрела в сторону. А затем, нежно погладив пьяного старика по плечу, направилась к другому столу, за который усаживались ее солдаты.

Сквозь толпу проталкивался измученный слуга, и капитан обратился к нему, когда тот оказался рядом:

– Скажи, кто та женщина-офицер? Знакомое лицо.

Слуга поднял брови:

– Это Торас Редон, господин. Командир легиона Хуста.

– Ах да, конечно. Спасибо.

Келларас не сомневался, что уже видел ее раньше, но только издали, на поле боя, и, естественно, в шлеме и полном боевом снаряжении. Торас Редон редко посещала официальные

приемы в Цитадели, предпочитая оставаться со своим легионом. Говорили, будто она явилась к Матери-Тьме, чтобы преклонить перед нею колени, в пропотевших кожаных доспехах, с грязным от пыли лицом. Раньше капитан считал эту историю выдумкой, но теперь засомневался.

Торас Редон сидела среди своих солдат с кружкой в руке, и, несмотря на покрывавшую женщину дорожную грязь, Келларас видел ее странную, в чем-то распутную красоту, а когда она на его глазах осушила бутылку эля и потянулась за следующей, капитан несколько не удивился.

У него возникла мысль засвидетельствовать ей свое почтение, но он решил, что пока еще не время, и вновь направился к Галару Барасу.

– Вы чем-то взволнованы, капитан, – заметил Галар, когда тот подошел к нему.

«Куда меньше, чем ты, друг мой».

– Я только что вернулся после аудиенции у вашего повелителя.

– И он, конечно, рассказывал вам про то, что однажды вернется в детство?

– Да, хотя, признаюсь, я так и не понял, к чему он это говорил.

– А что насчет остального? Ваша встреча увенчалась успехом?

– Полагаю, мой господин будет доволен результатом. Я смотрю, у вас нет выпивки – мне вполне хватит отваги совершить набег на стойку с элем...

– Без меня, капитан. Боюсь, я не перевариваю спиртного. Кажется, вы удивлены – что это за старый солдат, который не пьет? Что ж, отвечу: ветеран-трезвенник.

– Но участвовать в празднествах это вам не мешает? Вижу, вы стоите в стороне, будто некий изгой. Давайте присядем где-нибудь.

Галар слабо улыбнулся, и в глазах его промелькнула печаль.

– Ну, если вы так настаиваете...

Они направились ближе к входу для слуг, к столу, на котором стояла пара десятков пустых бутылей.

– Может, объясните, что это у вашего повелителя за навязчивая идея – снова впасть в детство? – спросил Келларас, когда они сели.

Поколебавшись, Галар Барас наклонился ближе к собеседнику, отодвинув бутылки в сторону:

– Признаться, это беспокоит всех нас, командир...

– Зовите меня просто Келларас.

– Хорошо, Келларас. Хенаральд явно лишился душевного равновесия, и что-то донимает его. Повелитель утверждает, будто теряет память, но не о далеком прошлом, а о том, что случилось вчера или даже этим утром. Но мы ничего подобного не замечали, во всяком случае пока. Есть такая болезнь, которая поражает кузнецов. Некоторые считают, что она обитает в дыме кузницы, в испарениях от закалки металла или расплавленных каплях руды, обжигающих кожу. Ее еще называют железной хворью...

– Я слышал об этом, – ответил Келларас. – Но должен признаться, после общения с вашим повелителем я не заметил, чтобы его разум хоть сколько-нибудь пострадал. Скорее уж Хуст Хенаральд предпочитает абстракции и выражается языком поэтов. Однако, если тема разговора требует точности, ум его сразу же обостряется. Для этого необходимы определенные способности, которые есть далеко не у каждого.

Галар Барас пожал плечами:

– Я не открываю вам никаких тайн, Келларас. Давно уже ходят слухи, будто наш повелитель чувствует недомогание, а острота его ума, которую вы столь уверенно описываете, лишь свидетельствует о войне, которую он ведет с самим собой, с теми слабостями, которые, как бедняга чувствует, его осаждают. Наш господин наносит точные удары, сражаясь с притупившейся памятью.

– Сперва я подумал, что Хенаральд боится этого возвращения в детство, – нахмурившись, пояснил Келларас. – Но теперь начинаю подозревать, что, если такое и впрямь случится, он будет только рад возможности освободиться от бремени взрослого мира.

– Возможно, вы правы, – согласился Галар. – Доложите об этом своему господину?

– Хуст Хенаральд пообещал изготовить Аномандеру меч. Стало быть, мастерство его не покинуло?

– Нет, мы ничего такого не замечали.

– Ну, главное, что опасения повелителя Хенаральда за свое здоровье никак не повлияют на выполнение заказа. А остальное меня не касается.

– Спасибо, Келларас.

Капитан махнул рукой.

– Кстати, нетрудно догадаться, какотреагировал бы мой господин, если бы услышал о заявлениях вашего повелителя.

– Гм... и что же, по-вашему, он бы ответил?

– Полагаю, Аномандер бы задумчиво кивнул, а затем произнес: «Пожалуй, вернуться в детство не так уж и плохо».

Галар улыбнулся, и на этот раз улыбка его уже не была печальной.

Изрядно выпивший Келларас составил компанию Галару Барасу, во многом облегчив его душевное смятение, а когда гость наконец встал, бормоча слова прощания, и, пошатываясь, направился к выходу, Галар снова остался один, не в силах заглушить боль, которую испытывал при виде Торас Редон.

В зале стало тише, свечи почти догорели. Усталые слуги убрали тарелки и кружки, и занятыми оставались лишь несколько столов. Торас все так же сидела во главе одного из них, хотя ее товарищи уже засыпали сидя, и лишь когда женщина наконец поднялась со своего места и двинулась в сторону Галара, он понял, что ждал ее. И она об этом знала.

– Где твоя бывшая отвага, Галар Барас? – В ее голосе слышались хорошо знакомые ему хмельные нотки.

Торас села на стул, который до этого занимал Келларас. И, вытянув ноги в заляпанных грязью сапогах, сложила руки на коленях, глядя на Галара покрасневшими глазами.

– Вы пришли с юга? – спросил он.

– Откуда же еще? Мы патрулировали форулканскую границу.

– Ну и как там? Неприятности были?

Она покачала головой:

– Все спокойно. Не как в старые времена. Но ведь все меняется, правда?

– Да, нужно двигаться дальше. Сообразно обстоятельствам.

– Собственно, так все и происходит. Взять моего мужа – забрался дальше некуда. Равнина Призрачной Судьбы, каждый сезон новый форт, горстка потерянных и сломленных подчиненных. Вот уж воистину настоящая служба королевству – по-другому не скажешь.

Галар пристально взглянул на женщину:

– Это огромная ответственность.

Внезапно Торас рассмеялась и отвела взгляд. Пальцы ее правой руки побарабанили по столу и снова замерли.

– Мы все обходим дозором границы, будто испытывая наши возможности.

– Не все, – ответил он.

Она посмотрела на него, затем снова в сторону.

– Ты изгой в Цитадели. Все считают, будто ты чересчур высокомерен и пренебрегаешь остальными, но я-то знаю, что ты не такой, Галар. И никогда таким не был.

– Похоже, у меня мало общего с обитателями Цитадели.

– Именно потому мы и выбрали тебя на роль связного.

Немного помедлив, он вздохнул.

Торас наклонилась вперед:

– Это не наказание, Галар. И никогда им не было.

Но он-то знал, что это не так.

– Ты мог бы, по крайней мере, взять себе в постель кого-нибудь из жриц. Пусть принявшие обет безбрачия плятятся в стены своих монастырей – для таких, как мы, подобное не годится. Мы солдаты, и у нас есть свои желания.

– И ты их, конечно же, вполне удовлетворяешь, Торас?

Как обычно, его колкость никак на нее не подействовала.

– Более чем, – ответила она, снова откидываясь на стуле. – Вероятно, тебе этого не понять, но мною движет именно уверенность в том, что мой муж мне не изменит.

– Ты права: я этого вообще не понимаю.

– Я Хустейну не ровня и с самого начала не рассчитывала ею стать. Я всегда лишь держалась в тени мужа. С этим нелегко жить изо дня в день.

– Да не было ничего подобного! О какой тени ты говоришь, Торас? Никто не считал тебя ниже супруга, – во имя Бездны, ты же командуешь легионом Хуста!

– Военное звание или прочие достижения тут ни при чем.

– Тогда в чем же дело?

Она лишь покачала головой и просто сказала:

– Я скучала по тебе, Галар.

Однако Торас по-прежнему не смотрела ему в глаза. Капитан понятия не имел, наблюдают ли за ними окружающие. А может, даже пытаются прислушаться к их разговору? Хотя вряд ли.

Слуги принесли в зал тростник, чтобы разбросать его по полу. Кто-то пьяно пел, забывая слова; слышался смех. В воздухе висел тяжелый дым, разъедавший глаза. Галар пожал плечами.

– И что дальше?

Поднявшись, Торас хлопнула его по плечу:

– Иди к себе. Уже поздно.

– А ты?

– Разве не в этом заключается мужество?

Она улыбнулась и направилась прочь.

Глядя, как Торас возвращается на свое место и наливает очередную кружку, капитан понял, что эту ночь ему предстоит провести не одному. Встав и идя к выходу, он подумал о своем жилище в Цитадели и узкой кровати, которую не стал бы делить ни с кем из жриц, а потом о Калате Хустейне, лежащем сейчас на койке в каком-то северном форте. Оба они жили затворниками, поскольку такова уж была их натура – оставаться одному в отсутствие любви.

А женщина, которую они оба делили... ничего-то она не понимала.

В последние три дня Кадаспала был избавлен от общества Хунна Раала и Оссерка. Он даже не видел, как они уехали, а Урусандер ничего не говорил о том, куда оба отправились и с какой целью. Это вполне устраивало художника, поскольку он мог спокойно работать над портретом, не страдая под натиском лавины невежественных комментариев, непрошенных советов или бессодержательных разговоров за ужином. Освободившись от своих назойливых подчиненных, Урусандер и сам переменялся, и теперь их споры на различные темы превратились в необременительное развлечение – настолько приятное, что Кадаспала даже начал с нетерпением ждать очередной трапезы.

И все же работа раздражала его, не принося удовлетворения. По завершении каждого сеанса он буквально с ног валился и сражался с невероятной усталостью, прилежно чистя кисти

и мысленно повторяя линии угольных набросков, к которым не раз обращался, оценивая картину на доске. Художнику не требовалось даже смотреть на листы пергамента: столь четко начерченный углем образ стоял у него перед глазами. Лицо Урусандера преследовало Кадаспалу, как и каждая картина, которую ему приходилось писать, но на этот раз все было иначе.

Любое произведение искусства имело политический подтекст, но этот портрет выглядел слишком дерзким, слишком смелым, и Кадаспала обнаружил, что его рука и глаз пытаются с этим бороться, сглаживая тона, закругляя те или иные линии, используя понятный только ему язык символов.

«Живопись есть война. Искусство есть война».

Его коллеги наверняка съезжились бы от ужаса, услышав подобные заявления. Но с другой стороны, по большей части они были глупцами. Только Галлан мог понять его. Лишь Галлан одобрительно кивнул бы и, возможно, даже улыбнулся. Существовало множество способов вести сражение. Оружие красоты, оружие разногласий. Поля битвы повсюду: не только на местности, но и в складках висящей портьеры. Линии сопротивления, узлы засад, атака цвета, отступление перспективы. Но при этом каждая победа казалась поражением: в конце концов, он был не властен над взглядом незнакомца, а если искусство и могло осаждать чью-то душу, это походило на наступление вслепую, этакий штурм невидимых стен.

Портрет Урусандера, перед которым Кадаспала сидел теперь, пока угасали последние ночные свечи, нес в себе все раны художника, но кто мог это увидеть? Никто, даже Галлан. Приходилось учиться скрывать собственные страдания, чтобы доставить удовольствие другим.

А Урусандер был воистину доволен.

Кадаспала завершил работу и с восходом солнца собирался уйти.

«Я изобразил того, кто достоин стать мужем Матери-Тьмы. Все увидят его силу, решимость и прямоту, ибо эти качества лежат на поверхности. Но никто не узрит их оборотную сторону – жестокость, таящуюся под покровом силы, холодную гордыню под личиной безжалостной решимости. Крепко сжатый в руке меч, готовый судить».

В Урусандере увидят солдата, готового беспрекословно нести свое бремя, но не заметят при этом ни следа увядшего сочувствия или чрезмерных ожиданий.

Теплые оттенки красок будут лишь намекать на кроющийся под ними металл, и вряд ли кто-то поймет, что обещает этот сплав огня и железа.

Мое могущество велико, талант несомненен, а видение безошибочно. Но все это не приносит мне ничего, кроме боли. Существует лишь одно божество, и имя ему – красота. В целом свете одна только любовь достойна поклонения. Есть лишь один мир, и мы покрыли его шрамами до неузнаваемости.

Искусство – это язык страдающих, но мир слеп к нему. Навеки слеп.

Урусандер, я вижу тебя в тускнеющем свете, и ты пугаешь меня до глубины души».

– Не поужинаете со мной в последний раз?

Вздвогнув, Кадаспала повернулся и увидел перед собой повелителя Урусандера.

– Когда вы заговорили, повелитель, мне на мгновение показалось, будто я вдруг увидел, как шевелятся губы вашего портрета. Признаться, аж не по себе стало.

– Могу себе представить. Вы создали на холсте полное мое подобие. – (Кадаспала кивнул.) – Сами скопируете портрет для галереи?

– Нет, повелитель. Это дело художников Цитадели. Туда специально отбирали тех, кто хорошо умеет подражать другим. Когда они закончат работу, картину вернут вам: доставят сюда или туда, где вы в конечном счете будете жить.

Урусандер молча подошел к Кадаспале, глядя из-под полуприкрытых век на портрет, и вздохнул:

– Туда, где я в конечном счете буду жить... Любопытное высказывание. Или вам кажется, что меня настолько не устраивает место, где я сейчас обитаю?

– Я ничего такого не заметил, повелитель.

– А если бы даже и заметили, то никогда бы об этом не сказали. И тем не менее, – он махнул рукой, – вы предпочли бы, чтобы я оказался... где-нибудь подальше.

Негромкий звон колокольчиков возвестил об ужине, но никто из двоих мужчин не сдвинулся с места.

– Так или иначе, повелитель, вы получили портрет кисти Кадаспалы, отвергшего сотню других заказов.

– Неужели так много? А я и не знал.

– Те, кому было отказано, не распространялись об этом, повелитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.